



Автопортрет с дарственным автографом Т. Г. Шевченко 1860 г.

ЗАПИСКИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ

ВЫПУСК V

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Редакция
Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА



ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1939

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий выпуск «Записок Отдела рукописей» посвящается гениальному сыну украинского народа Тарасу Григорьевичу Шевченко, в связи с 125-летием со дня его рождения.

Украинский народ празднует знаменательную дату рождения Шевченко вместе со всеми братскими народами Советского Союза, как праздновались юбилеи великого русского поэта Пушкина и грузинского — Шота Руставели.

Память о Тарасе Шевченко, никогда не изменявшем трудовому народу, сумевшем с огромной силой, исключительно правдиво и глубоко запечатлеть современную ему действительность, всегда была дорога народным массам и ненавистна угнетателям, представителям царского самодержавия.

Гонениями, преследованиями и ссылкой отметила царская власть жизненный путь Тараса Шевченко. Она лишила великого поэта права отдаваться тому делу, к которому влекли его богатые дарования; она и по смерти не оставляла его в покое, заставив разделить судьбу знаменитых русских писателей, — посмертное гонение.

Какой печальный мартиролог запрещений и конфискации проходит перед нами! Царские сатрапы бешено и истоптленно тропили не только поэта, его творчество, но всячески пытались выкорчевать из сознания народных масс самую память о Тарасе Шевченко, предать забвению его имя.

«Кобзарь» запрещался в целом и отдельными поэмами. Переложение на музыку стихотворений Тараса Шевченко не разрешалось: десять лет, например, находилась под цензурным запретом музыкальная обработка песни «Минають дні, минають ночі». Иллюстрации к произведениям Шевченко исключались; запрещались репродукции картины, изображавшей паныхиду по поэте в Казанском соборе, так как на переднем плане выделялась фигура «в малороссийской свите и с типичными запорожскими усами». Запрещался портрет Шевченко в солдатской шинели ввиду «тенденциозности»...

Подавлялась всякая попытка трудящихся напомнить о великом борце за свободу, чьи песни звали в бой против царизма, против панов украинских, польских и русских: «Вставайте, кайдани порвите і вражою злою кров'ю волю окропіте». На все, связанное с именем Тараса Шевченко, накладывалась печать молчания.

Целую хронику издевательств над личностью и творчеством поэта вскрывают перед нами материалы, впервые увидевшие свет на страницах советских журналов («Звезда» 1934 г., № 9 и «Красный архив» 1936 г., № 3), равно как и вновь найденные документы различных архивов. Таковы, например, впервые публикуемые материалы о Шевченко Днепропетровского областного исторического архива — о запрещении попечителя Киевского учебного округа, не находившего «никаких оснований для разрешения учащимся принимать участие в юбилейном чествовании Шевченка» («Советская Украина», 18 сентября 1938 г.); Каменец-Подольского исторического архива — копия секретного циркуляра подольского губернатора о недопущении чествований 100-летней годовщины рождения Тараса Шевченко, носящих публичный общественный характер («Советская Украина», 9 октября 1938 г.); Одесского исторического архива — материалы о преследовании лиц, пропагандировавших творчество Тараса Шевченко («Советская Украина», 21 октября 1938 г.); таковы, наконец, материалы Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина — об отношении цензуры к сочинениям Тараса Шевченко, публикуемые в настоящем выпуске.

Меры запрещения царского правительства обращались, однако, против самого правительства.

«Запрещение чествования Шевченко,— писал В. И. Ленин,— было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитацией и представить нельзя... После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия «тюрьма народов». (В. И. Ленин, К вопросу о национальной политике, т. XVII, стр. 324—325.)]

Эта агитация делала свое дело. Но лишь в наши дни Сталинской дружбы народов Советского Союза пламенное слово Тараса Шевченко, полное горячей любви не только к украинскому народу, но и ко всем народам России, получило надлежащую оценку и всеобщее признание.

Самая дата 125-летия со дня рождения Тараса Шевченко широко празднуется ныне свободным украинским народом, восстанавливается подлинная поэзия «мужицкого поэта»,— как сам себя с гордостью именовал Шевченко,— а вместе с нею воскресают живые страницы прошлого того народа, которого воспевал и за который страдал и боролся Шевченко. По-иному должна предстать пред советским читателем и самая биография украинского поэта-революционера: не сборником мелких житейских фактов о жизни Тараса Шевченко,— как заявил писатель-орденоносец А. Н. Толстой на первом заседании Шевченковского комитета Союза советских писателей 20 августа 1938 г.,— но биографией всего украинского народа, в течение многих лет борвшегося против царизма, против своего векового врага— польской шляхты, жертвовавшего во имя свободы лучшими своими сынами, всегда верившего в лучшую солнечную жизнь, которой он достиг сейчас».

Вот почему каждая деталь, связанная с памятью Тараса Шевченко, должна быть дорога и близка: будут ли то впервые публикуемые автографы Шевченко, сведения о преследовании его царским правительством, или сведения о разнообразных формах чествования украинского певца, о котором так справедливо было сказано председателем Шевченковского комитета А. Е. Корнейчуком во время митинга на могиле Т. Г. Шевченко («Советская Украина», 14 октября 1938 г.):

«Пройдут годы, столетия, изменятся берега Днепра, изменятся пейзажи, но останется неизменным уважение и великая любовь к Шевченко всех народов нашей советской родины; вместе с народом будет вечно жить слава его поэта».

АВТОГРАФЫ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

1

ДУМКА

Тяжко важко в свити жити
Сироти без роду,
Нема куда прихилиця
Хоч з горы та в воду.
Утопився б молоденькій
Щоб не нудить свитом
Утопився б тяжко жити
А нема де дитись.
В того доля ходять полем
Колоски збирає,
А моя десь лыдашиця
За морем блукає.
Добре тому багатому
Его люды знають,
А зо мною зостринуща
Мов не добачають.
Багатого губатого
Дивчина шанує,
Надо мною сыроотою
Смієця кипкує.
Чи яж тобі невродливый

Чи не в тебе вдався
Чи ны люблю тебе широ
Чи с тебе¹ сміявся.
Люби ж соби мое серце
Люби кого знаєш
Та не смійся надо мною
Як колы згадаєш,
А я пиду на край свита
На чужій стороньци
Найду крашчу або згину
Як той lyst на соньци.
Пишов козак сумуючи
Никого не кинув
Шукав доли в чужим поли
Та там и загинув
Умираючи дывився
Де сонечко сє.
Тяжко важко умирати
У чужому краю.
Гатчина
2 ноября 1838 року.

2

ПЕСНЯ КАРАУЛЬНОГО У ТЮРЬМЫ ИЗ ДРАМЫ «НЕВЕСТА»

Старый гордый воевода
Ровно на четыре года
Ушол на войну.
И дубовыми дверями,
И тяжолыми замками,
Запер он жену.
Старый стало-быть ревнивый
Бьется долго и ретиво.
[Кончилась война]¹
Кончилась война
И прошли четыре года
Возвратился воевода

А жена? она
Погрустила и решила
Окно в двери превратила
И, проходит год
Пеленает сына Яна
Да про старого про пана
Песеньку поёт
Ой баю баю сын мой Ян, мой милый
Когда б воеводу татары убили
Татары убили или волки съели
Ой баю баю на мягкой постели.

¹ Зачеркнуты автором.

¹ бе — приписано карандашом.

ДУМКА

Тяжко вечно в світі тму
Сироти без роду,
Дема кудя при хлябцях
Поче до воры ти в воду,
І то твѣдѣть молодельнїй
Мабѣ не мудишь свѣтань
І то твѣдѣть тѣмъ мѣ сироты
А нема де дити б.
Въ того дождь водить по мѣ
Коловни збиралъ,
А мѣ дѣстъ мѣдѣцїи
Всѣ моренїя бѣдѣ
Добре тмѣ такъ тмѣ
Ево модѣ дѣстѣ тѣ,
А зомого зо стригѣ
Мѣбѣ не дѣбѣ
Такъ того зѣбѣ
Дѣбѣмъ дѣбѣ
Надомого сиротого
Сиротѣ мѣдѣ
Імъ вѣтѣ модѣ мѣбѣ
Імъ не вѣтѣ вѣдѣ
Імъ не модѣ тѣмъ мѣ
Імъ не модѣ вѣдѣ
мѣбѣмъ тѣмъ мѣ
мѣбѣмъ тѣмъ мѣ
Імъ не модѣ тѣмъ мѣ
Імъ не модѣ тѣмъ мѣ

а в туду на краї свѣта
На кузній торговлю
Найду крѣпичу а бо злишу
Дѣти твої швѣтъ на свѣтѣ.
Тимовѣ козаки сироточа
Григорѣ на китѣ.
Мухавѣ доми во кузницѣ толѣ
Ма тавѣ извѣстѣ.
Тимирѣ на свѣтѣ
Да свѣтѣ швѣ.
Мѣсто вѣдѣно у ширѣ
У кузницѣ швѣ. —

Гамма

2-го числа 1838 году

Таблица. Направлений и размеров
изъ Дривны Келвонте.

Старини вогреним вавладде
 жалко на камуре садде
 Умове на вои му.
 И дубавини доредиме,
 И миле мушкетери земски ми,
 Јакоже онегдеш ми му.
 Стари сташко Тити пре вавладде
 Премиса доко и прешко
~~Дубавини доредиме~~ Кочинам вои ми
 И промиса камуре садде
 вогреним вавладде
 И јасно. ? оне
 Погрештица, и промиса
 Око во доредиме
 И, промиса садде
 Немиса сава оне
 Да промиса промиса
 не сава, не оне.

On Two Two corner more East more mountain
Hordade's Rockaby marriage of Sun
Marriage of Sun more Sunbe of Sun
On Two Two sea mountain more Sun.

Публикуемый автограф Т. Г. Шевченко «Думка» («Тяжко важко в світі жити») до сих пор был неизвестен.

Это стихотворение является одним из первых произведений великого Кобзаря. Оно написано мелким и острым почерком молодого Шевченко на листе довольно плотной бумаги формата почтового листа (20 см × 13 см), на первой и второй его страницах. Автограф белой, не имеет поправок. В конце, слева, стоит дата и место написания.

Автограф Шевченко поступил в Отдел рукописей б. Румянцевского музея в числе других автографов собрания И. Е. Бецкого. На автографе, на первой странице, слева, в верхнем углу, имеется надпись чернилами: «Бецкого».

Первое упоминание об этом стихотворении мы находим в письме Г. Ф. Квитки-Основьяненко к Т. Г. Шевченко от 22 ноября 1841 г., в котором говорится следующее:

«...Знайшовся і у нас парень друзька до діла штепний, тай хоче збити збірник, по панському альманаху, і дав йому імення «Молодик» і хоче назбирати усяких штучок по московському і по нашому написаних. Московські штучки і вірші є преотменніє ста, так насъких ще трошки. Будьте ласкаві пришліть йому «Думку» вашу або відірвіть від готового чого який шматок, та й пришліть на мое ім'я аж у самісінький Харків — велике вам спасибі скаже». (Н. Стороженко, Новые материалы для биографии Шевченко. Оттиск из журн. «Киевская старина», Киев, 1900, стр. 4—6.)

На это письмо 8 декабря 1841 г. последовал ответ Т. Г. Шевченко (Твори Шевченка. Листування. Державне видавництво України, 1929, стр. 8), из которого видно, что Т. Г. Шевченко послал Квитке-Основьяненко целый ряд своих произведений.

Таким образом, «Думка» вместе с другими произведениями Т. Г. Шевченко попала в руки Квитки-Основьяненко, а последний передал редактору и издателю сборника «Молодик» И. Е. Бецкому, которому и принадлежит первая публикация этого стихотворения («Молодик», 1843 года, часть II, стр. 91—92).

История первой публикации «Думки» и отсутствие автографа давало возможность целому ряду редакторов издания «Кобзаря» и исследователям жизни и деятельности Т. Г. Шевченко гипотетически датировать «Думку» 1841 годом. Несколькими лет тому назад автографы «Н. Маркевичу» и «Утопленному!», — т. е. тех стихотворений Т. Г. Шевченко, которые были напечатаны в «Молодики» вместе с «Думкой» («Тяжко важко в світі жити»), были найдены. Авторская датировка на автографе «Н. Маркевичу» оказалась: «С.-Петербург, 9 мая 1840 года» и на автографе «Утопленному!»: «С.-Петербург, 8 декабря 1841 года». Это обстоятельство заставило редакторов академического издания «Кобзаря» (1934 г.) изменить старую датировку и проставить тоже проблематично: «С.-Петербург, 1840 года». В действительности же на автографе «Думка» («Тяжко важко в світі жити») стоит: «Гатчина, 2 ноября 1838 року».

Не безынтересно будет отметить, что «Думка» («Тяжко важко в світі жити») была полностью напечатана в 1844 г. в «Маяке» («Маяк», 1844 г., т. XIII, кн. XXV, глава IV, в разделе «Новые книги», стр. 7) в рецензии С. Б. Рецензент «Маяка» очень резко нападает на критика К. Калайданского, приславшего положительную оценку на сборник «Молодик» 1843 г. и, в частности, на украинский отдел этого альманаха.

К. Калайданский пишет: «Из стихотворений, три принадлежат Шевченко: Думка, Н. Маркевичу и Утопленному (баллада); все они очаровательно прекрасны. Прелесть поэтического создания: глубокое сердечное чувство, ловкий, гармонический стих, правильность и благородство языка — вот достоинства, которыми запечатлено каждое произведение нашего поэта; прибавить к тому его любовь к родине и ее былому, — любовь горячую, возвышающую участие в каждом читателе, — и вы разгадаете, почему в самое короткое время Шевченко успел приобрести особенное уважение своих земляков и сделаться одним из любимейших писателей образованного класса малороссиян».

Рецензент С. Б. на все это отвечает: «Все это совершенно справедливо, но взгляните похолоднее на нее («Думку».—

Ив. Р.) содержание. Что в ней? «Тяжко-важко в світі жити? сироті без роду» — утопився б — есть тут и дивчина, которая не любит его; — пошел козак сумуючи на чужую сторону, и горюет, что ему пришлось там загинуть!» Где же теперь эта чужая сторона для козака — в Турции? в Алжире? в Немецчине? — то кто же ему велел туда идти! Если же он, живя в Тверской или Петербургской губернии, считает себя на чужой стороне, то право же улыбнешься этому поэтическому анахронизму. — Ну, видите сами: возвышенного тут нет, есть только обманчивое, призрачное, хотя и весьма красивое». («Маяк», 1844 г., т. XIII, кн. XXV, глава IV, стр. 7—8.)

Мы привели эти два первых отзыва (из журнала сейчас малодоступного) на «Думку» Шевченко, чтобы напомнить читателю о том, как были встречены критикой первые творческие шаги Т. Г. Шевченко.

2

Автограф «Песня караульного из драмы «Невеста» написан на третьей странице того же листа бумаги, на первых двух страницах которого находится автограф «Думка» («Тяжко-важко в світі жити»). Следовательно, если «Думка» была в руках Г. Ф. Квитки-Основьяненко и потом И. Е. Бецкого, то и автограф «Песня» тоже был у названных лиц. Это подтверждается и вышеупомянутым письмом Т. Г. Шевченко к Г. Ф. Квитке-Основьяненко от 8 декабря 1841 г.:

«Еще посылаю вам, — пишет Т. Г. Шевченко, — свои русские стихи; если

они заслуживают внимания, то печатайте, в противном случае закурите трубку, если вы ее курите. Это, видите, песня из моей драмы «Невеста», о которой я вам уже писал, трагедия «Никита Гайдай». Я переделал ее в драму».

Упомянутая в этом письме драма «Невеста» не сохранилась, и поэтому выяснить, о каких стихах говорилось в переписке Шевченко с Квитка-Основьяненко, до сих пор не представлялось возможным. С другой стороны, не допускалась мысль, что издатель И. Е. Бецкий мог не поместить эту песню в свой альманах.

«Бецкий, видимо, стеснялся в выборе перед лицами, предлагавшими ему свои произведения, и совестился им отказать». (В. Срезневский, И. Е. Бецкий, издатель «Молодика», «Журнал мин. народн. просвещ.», 1900, кн. XII, стр. 287.) Кроме того, авторитет Т. Г. Шевченко для И. Е. Бецкого был настолько велик, что исключалась предпосылка о том, что издатель «Молодика» мог не поместить «Песни» в свой сборник. Это обстоятельство побудило исследователей искать эту песню Шевченко в альманахе «Молодик», и было высказано предположение, что напечатанное в нем стихотворение «Три дара» за подписью Руель и есть та песня, о которой говорится в письме Шевченко к Квитке-Основьяненко.

Публикуемый нами автограф «Песни» разбивает все прошлые предположения и домыслы и вносит новую страницу в изучение творчества Т. Г. Шевченко. Перед нами новое, до сих пор бывшее неизвестным, его произведение.

3

ДАРСТВЕННЫЕ АВТОГРАФЫ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

В Всесоюзной библиотеке им. Ленина, в Отделе редких книг и Отделе рукописей, хранятся следующие автографы Т. Г. Шевченко, находящиеся на книгах и портрете, поднесенных им в дар разным лицам. Наиболее ранней является следующая авторская надпись на титульном листе книги «Гамалия, сочинение Т. Шевченки», СПб., типогр. М. Ольхина, 1844 г.:

«Петрови Селецкому

На память от Т. Шевченка»

Кроме этой надписи, в книге имеются следующие пометки рукою автора: 1) на титульном листе в слове Шевченки последняя буква и исправлена на а; 2) на третьей странице во второй строке сверху — «Из нашей Украины» буква е в слове нашей зачеркнута и вынесена на поля буква о.

Петр Дмитриевич Селецкий (1821—1879), которому Т. Г. Шевченко поднес свою книгу, начал свою служебную карьеру с 1844 г. в канцелярии генерал-губернатора, потом был чиновником

и вѣсело ма за ре во

КОБЗАРЬ

Кобзарь М. Г. Шевченко

ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

8. муз. т. а

1860

№ 543

Копіюмъ Платона Шевченка

6

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ АРУКАРНІ П. А. КУЛІША

1860

Дарственный автограф Т. Г. Шевченко И. М. Лазаревскому
на титульном листе «Кобзаря», изд. 1860 г.

особых поручений и наконец вице-губернатором в Киеве. Некоторое время был профессором законовѣдения в одесском Ришельевском лицее. В имении П. Д. Селецкого, недалеко от Яготина, Пирятинского уезда, бывал Т. Г. Шевченко в 1844 г. В альбом Марии Дмитриевны Селецкой — сестры П. Д. Селецкого — Т. Г. Шевченко записал вступление «Черниці Мар'яні»: «Вітер в гаї нагинає...» (См. сборник «За сто літ», кн. I, 1927, стр. 16—19.)

В 1884 г. «Киевская старина» (кн. VIII и IX) опубликовала «Записки П. Д. Селецкого», в которых приведены воспоминания о Т. Г. Шевченко.

П. Д. Селецкий в своих «Записках» не особенно одобрительно относится к Т. Г. Шевченко, как художнику. Т. Г. Шевченко в свою очередь не любил П. Д. Селецкого и этого не скрывал в своих письмах. (Письмо Т. Г. Шевченко к В. Г. Шевченко от 28 декабря 1860 г.)

Три следующие автографа Т. Г. Шевченко относятся к 1860 г. Два из них находятся на двух экземплярах «Кобзаря», изданного «коштом Платона Семеренка, С.—Петербург, в друкарні П. А. Куліша, 1860 г.»

Один экземпляр «Кобзаря» подарен автором Ивану Матвеевичу Лазаревскому и имеет следующую дарственную надпись:

«Иванови Лазаревскому

Кобзарь Тарас

8 марта 1860».

О И. М. Лазаревском и особенно-стях принадлежавшего ему «Кобзаря» ниже мы помещаем особую публикацию.

Другой экземпляр «Кобзаря» 1860 г. был поднесен автором К. Т. Солдатенкову. На титульном листе находится следующая надпись:

«Косьме Терентьевичу

Солдатенкову

На память Т. Шевченко».

К. Т. Солдатенков (1818—1904?)—крупный московский издатель. В 1860 г. Т. Г. Шевченко вел переговоры с ним через М. Лазаревского об издании «Кобзаря». Переговоры эти ни к чему не привели.

Последний автограф находится на портрете Т. Г. Шевченко. Это офорт работы самого Шевченко с его же автопортрета (см. его воспроизведение на отдельном листе).

Подпись под портретом следующая:

«Александрі Іванови Гулак-Артемівській

На память 4 декабря 1860 года

Т. Шевченко».

А. И. Гулак-Артемовская, дочь директора Московских императорских театров И. Н. Иванова, прекрасная пианистка и арфистка. «Очаровательно играла», — записывает Т. Г. Шевченко в своем «Дневнике» 20 мая 1858 года. В 1848 г. Александра Ивановна Иванова вышла замуж за С. С. Гулака-Артемовского (1813—1873), оперного артиста Петербургского оперного театра 40—50 гг. прошлого столетия, автора знаменитой оперы «Запорожец за Дунаем».

Дружеский тон переписки Т. Г. Шевченко и С. С. Гулака-Артемовского убеждает нас, что это были не просто знакомые, а близкие друг другу люди. По возвращении из ссылки в Петербург Т. Г. Шевченко на второй же день «обнял моего задушевного Семена Артемовского, а через полчаса я был уже в его доме, как в своей родной хате». (Запись в «Дневнике» 28 марта 1858 г.)

Знакомство Т. Г. Шевченко с Александрой Ивановной Гулак-Артемовской состоялось после возвращения из ссылки, в доме С. С. Гулака-Артемовского, где довольно часто бывал поэт. В своем «Дневнике» и в письмах Т. Г. Шевченко называет Александру Ивановну «милейшей», «очаровательной». (Записи 3, 18 и 20 мая 1858 г.)

«Очаровательная Александра Ивановна Артемовская, — пишет Т. Г. Шевченко в юмористическом тоне в своем «Дневнике» 18 мая, — сегодня именинница. М. Лазаревский купил для нее роскошный букет цветов, а я, отнес ей и преподнес; и я в барышах, и она не в праве сказать, что я поздравил ее с пустыми руками. И вежливо, и дешево!»

И. Романченко.

30

КОБЗАРЬ

ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

*Копію тугителіву
Радетинкову,
матини М. Шевченка
Копію Платона Семеренка*

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ДРУКАРНІ П. А. КУЛІША

1860

«КОБЗАРЬ» И. М. ЛАЗАРЕВСКОГО

В Отделе рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина хранится экземпляр «Кобзаря» (издание 1860 г. на средства Платона Семеренка), резко отличающийся от других экземпляров этого же издания.

Прежде всего нужно отметить, что описываемый нами «Кобзарь», в противоположность общеизвестным экземплярам издания Платона Семеренка, напечатан на плотной, хорошего качества бумаге, имеет шмуц-титул и на нем посередине большими буквами нанесено: Кобзарь. Набор букв на титульном листе тоже имеет отличительные признаки. Перед титульным листом отсутствует портрет Шевченко, но зато после титульного листа вклеено оглавление, перенесенное из конца книги, вставлено автобиографическое письмо Т. Г. Шевченко к редактору журн. «Народное чтение» (оттиск из «Народного чтения», 1860, № 2); вшито в конец книги 20 страниц печатного текста произведений Т. Г. Шевченко (оттиск из альманаха «Хата», 1860).

Но главное не в этом. Описываемый «Кобзарь», кроме того что он имеет дарственный автограф Т. Г. Шевченко (см. стр. 12), ценен еще и тем, что испещрен вставками, поправками, изменениями, нанесенными рукою И. М. Лазаревского.

Лазаревский Иван Матвеевич (умер 1887 г.) — один из шести братьев Лазаревских, о которых Т. Г. Шевченко писал в своем «Дневнике»: «На удивление симпа-

тические люди эти прекрасные братья Лазаревские, и все шесть братьев, как один, — замечательная редкость». И. М. Лазаревский в 1860 г. окончил Петербургский университет и потом служил сначала в Орловском «по крестьянским делам присутствию», а впоследствии в Польше.

Т. Г. Шевченко и И. М. Лазаревский часто встречались у брата Михаила Матвеевича Лазаревского, с которым поэт был в большой дружбе. Лазаревский И. М. иногда помогал Т. Г. Шевченко, главным образом, в переписывании стихов. В рукописи «Кобзаря» (1857 г.), хранящейся в рукописном отделе Киевского института украинской литературы, есть ряд стихов, написанных рукою И. М. Лазаревского.

Установить связь «Кобзаря» И. М. Лазаревского с существующими рукописями Шевченко нам сейчас не представляется возможным. Мы ограничимся только внешним описанием и воспроизведением вставок и поправок этого уникального экземпляра «Кобзаря», с сохранением правописания И. М. Лазаревского.

ПИСЬМО Т. Г. ШЕВЧЕНКО К РЕДАКТОРУ «НАРОДНОГО ЧТЕНИЯ»

В письме Т. Г. Шевченко к редактору «Народного чтения» рукою И. М. Лазаревского сделаны чернилами две поправки. На первой странице (2 строка снизу), над словом «успоенный» вставлен пропущенный слог *ко* (успо[ко]енный).

* Не впаде курей кинувшись,
Не похилились вразину
Церкви, вікна
Відгородка сиротина
На жоду. Вікна сиротини,
Що кинуть не впаде.

* На війн. пропаси
Мабуть, порг, правд, сім
Мамил іх дити.
Не впаде курей кинувшись,
Не впаде курей кинувшись,
Не впаде курей кинувшись.

Вернітєся! дивітєся —
Житя похилились,
Де наслися ваши коні,
Де тїрса шуміла,
Де кровъ Ляха, Татарина
Моремъ червоніла....

Вернітєся! — « не вернітєся »
Закарміла, закарміла
Сина, споре « не вернітєся »

Слава не поляже;
Не поляже, а роскаже,
Що діялось въ світі,
Чий правда, чий кривда
И чий ми діти.

Наша дума, наша пісня
Не вмере, не загине....
Отъ де, люде, наша слава,
Слава України!

Безъ золота, безъ каменю,
Безъ хитрої мови,
А голосна та правдива,
Якъ Господа слово:
Чи такъ, батьку отамане?
Чи правду співаю?
Ехъ якъ-би то!... Та що й казати?
Кобіти не маю.

А да того. Мокловизіла,
Кругомъ турки, мові
Не потурай, може, скажешъ,

* Миліи врод, що кинувши,
Святий, похилився вразину.
Та не впаде курей кинувши.

На второй странице после «одного помещика» (7 и 8 строки сверху) на полях дописано: Энгельгарда.

ДУМИ МОЇ, ДУМИ МОЇ...

В стихотворении «Думи мої, думи мої» после 27 строки (стр. 3) вписана чернилами следующая цензурная купюра:

За карі очинята,
За чорні брови
Серце рвалося, сміялось,
Виливало мову...
Виливало, як уміло
За темні ночі
За вишневі сад зелений,
За ласки дівочі.
За степи, та за могили,
Що на Україні,
Серце мліло, не хотіло
Співати на чужині:
Не хотілось в снігу, в лісі
Козацьку громаду
З булавами, з бунчуками
Збирати на пораду...
Нехай душі козацькі
В Україні вигаяють,—
Там широко, там весело
Од краю до краю...
Як та воля, що минулась,
Дніпр широкий — море;
Степ и степ, реву́ть пороги
И могили — гори.
Там родилась, гарцювала
Козацькая воля,
Там шляхтою, татарами
Засівала поле;
Засівала трупом поле
Поки не остило,—
Лягла спочити, а тим часом
Віросла могила,
А над нею Орел Черний
Сторожом літає,
И про неї, добрим людям
Кобзарі співають.
Все співають, як діялось,
Сліпі небораки,
Бо дотепні... А я?... а я?..
Тільки вмію плакати,
Тільки слізи за Україну,
А слова — не має!..
А за лихо... та цур йому!..
Хто його не знає!..
А над той, що дивитця
На людей душею,—
Пекло йому на сім світі.
А на тім...

Журбою

Не наплачу собі долі,
Коли так не маю.
Нехай злидні живуть три дні,—
Я їх заховаю,—
Заховую змію люту
Коло свого серця,
Щоб вороги не бачили,
Як лихо сміється...
Нехай думка, як той ворон
Літає та криче
А серденько соловейком
Щебече та плаче...
Нишком — люди не побачать
Та й не засміються...
Не втирайте ж мої слізи,
Нехай собі льютьця...
Чуже поле поливають
Що дня и що ночі,
Поки попи не засиплють
Чужим піском очі...
Оттаке-то, а що робить?
Журба не допоможе,—
Хто сироті завидує,
Карай того, боже!..

Сравнивая приведенный текст с текстом этого же стихотворения издания Держ. Літ. Вид. 1938 г., находим некоторые разночтения.

„КОБЗАРЬ“ 1938 г. 1:

Поки, поки... не засиплють
Чужим піском очі...

„КОБЗАРЬ“ И. М. ЛАЗАРЕВСКОГО:

Поки попи — не засиплють
Чужим піском очі...

ПРИЧИННА

Стихотворение «Причинна» тою же рукою, но уже не чернилами, а черным карандашом, подверглось некоторой переработке.

У Шевченко:

1—6 строки:

Реве та стогне Дніпр широкий,
Сердитий вітер завива,
До долу верби гне високі
Горами хвилю підійма.
И блідний місяць на ту пору
Из хмари де-де виглядав.

В третьей строке этого стиха зачеркнуты слова «гне високі» и рядом написано: *нагина*.

¹ Стр. 8, строка 95.

Четвертая строка: «Горáми хвилю підійма́» — вся зачеркнута и написано:

Рве сіню хвилю білобо́ку.

В пятой строке: «И блідний місяць на ту пору», — зачеркнуты все слова, за исключением «місяць», и дописано:

А ясний місяць из-за хмари.

Шестая строка вся зачеркнута и написано:

На зéмлю де-де погляда́в

В переделанном виде текст получился следующий:

Реве та стогне Дніпр широкий,
Сердитий вітер завива,
До долу верби нагина
Рве синю хвилю білобо́ку
А ясний місяць из-за хмари
На зéмлю де-де погляда́в.

В двенадцатой строке: «раз у раз» — зачеркнута и сверху надписано: *по лісу*.

ГАЙДАМАКИ

Наибольшей переделке подверглась поэма «Гайдамаки». Иногда чернилами, а более всего карандашом, И. М. Лазаревский зачеркивал печатный текст и подписывал новый.

Начало поэмы «Гайдамаки» в описываемом нами экземпляре отсутствует (вырваны стр. 123—130).

Начинаются «Гайдамаки» с 131 страницы:

— Не знав нагинався...
О бо́же мій мілий!

Тя́жко жити́ на світі, а хочетця жити́!

Этот раздел (стр. 134) кончается следующими строками:

Де ж Ярема? Взявши торбу,
Потяг у Вільша́ну.

Слово «у Вільша́ну» зачеркнуто и рядом дописано: *безталанний*.
С новой строки добавлено:

Аж у Мліев.

Таким образом, получилось вместо старых 2-х строк — 3 новые:

Де ж Ярема? Взявши торбу,
Потяг безталанний,
Аж у Мліев.

В конце главы «Конфедераты» (стр. 40) вставлена цензурная купюра:

My zyjemy, my zyjemy,
Polska nie zginela...

В главе «Титарь», на 149 стр., сделаны исправления.

В 4-й строке сверху зачеркнуто: па́да крі́жем — и сверху надписано: *впола в хаті*.

В последней строке этой главы (стр. 149): «И сүмно-сүмно в хаті стало» — первое «сумно» зачеркнуто и сверху надписано: *темно*.

В главе «Свято в Чигирині» (стр. 150), после 16 строки, вставлена цензурная купюра:

Бо щоб не почу́ли.

На стр. 156 этой же главы, к реплике запорожца: «Ну, та дарма: утні ще яку-небудь. А ну лишень про ба́тька Макси́ма ушкварь» — черным карандашом рукою И. М. Лазаревского дописано:

Яку-небудь.

На стр. 158, пятая строка сверху: «Гуля́ Максим, гуля́ ба́тько» — изменена на:

Ой гуляе Максим, — ба́тько.

В главе «Треті півні», стр. 169, начиная с 11 строки сверху, напечатано:

А уну́ки? ім байдуже,
Жито собі сіють.
Бага́то їх, а хто ска́же,
Де Го́нти моги́ла, —
Му́ченика пра́ведного
Де похоро́нили?
Де За́лізняк, ду́ша щира,
Де одпочива́є?
Тя́жко! ва́жко!

исправлено и дописано:

А уну́ки? ім байдуже,
Жито панам сіють.
Бага́то їх, а хто ска́же,
Де Го́нти моги́ла, —
Му́ченика пра́ведного
Де похоро́нили?
За́лізняк, ду́ша щира,
Де одпочива́є?
Тя́жко! ва́жко!
А їх не згада́є.

Над главою «Червоний Бенкет» И. М. Лазаревский больше всего поработал. Прежде всего рядом с заглавием «Червоний Бенкет» И. М. Лазаревский в скобках оставил новое название главы (*Галайда*) и потом в целом ряде мест слово Волинь — заменяется словом *Умань*; «на Полісі» заменяются: *на Подолі*; слово Вільшана — заменяется словом: *Мліев*.

На 174 стр., 15 строка сверху, первая половина зачеркнута и вместо: «Мордуй, морлуй» — надписано: *Отак, отак!*

На 175 стр., начиная с 7 строки сверху,

напечатано:

«Відкіля ти? хто ти такий?»

— «Я, пане, з Вільшани»

— «З Вільшаної, де титаря

пси замордували?»

— «Де? якого?»

— «У Вільшаній;

и кажуть, що вкрали

дочку його, коли знаєш»

— «Дочку, у Вільшаній?»

— «У титаря, коли знавав».

исправлено:

«Відкіля ти? хто ти такий?»

— «Из Мліева, пане».

— «Там Титаря позавчора

пси замордували?»

— «Де? якого?»

— «У Млієві

и кажуть, що вкрали

дочку його; чи не знавав?

— «Отамане — пане.

— «Пустий мене!.. Та й запла-

кав.

На 176 стр. 11 строка сверху: «не найду Оксани!» — зачеркнута и рядом дописано: *Сироту Оксану!* На 12 строке слово «найдеши» — зачеркнута и вместо него надписано: *вирвешь*.

На 177 стр., начиная с 1 строки сверху,

напечатано:

Найдеши долю... а не найдеши...

Рушайте хлопята

И Яремі дали коня

Зайвого з обозу.

Усміхнувся на воронім

Та й знову у слізи.

Віхали за парину;

исправлено:

Найдеши долю... а не найдеши...

Кончайте хлопята

Та рушимо до схід сонця

У Лисянку, хлопці

На Ярмарок зібралися

Хлопці на толоці

Помолились гарно богу

Та й рушили з богом

У дорогу. Мов и справді

Не було нічого (у Черкасах)

У Черкасах. И Яремі

Дали коня... Усміхнувся

Ярема крізь слізи

Та й поїхав за парину.

На 179 стр., начиная с 1-й строки сверху,

напечатано:

Клене, умирає,

А бо в пана у кайданах

У склепѹ конає.

Може, згадає Ярему,

Згадає Вільшану,

Кличе його. «Серпе моє,

«Обнімій Оксану!

«Обнімемось, мій соколе!

«Навіки зомлієм.

«Нехай Ляхи згнушуютця, —

«Не почуєм!.. «Віє,

исправлено:

Клене, умирає,

А бо в пана у кайданах

В склепѹ пропадає.

Може згадає Ярему,

Згадає и Млієв

Може каже: «обнімимось!

Мій соколе. Нехай Ляхи

Згнушуютця. Віє,

В главе «Гупалівщина» (стр. 182—183), начиная с 1-й строки снизу,

напечатано:

Вже минули Воронівку,

Вербівку, в Вільшану

Приїхали, Хибі спитать,

Спитать про Оксану?

Не спитаю, щоб не знали,

Зі що пропадаю».

А тим часом Гайдамаки

Й Вільшану минають.

Питається у хлопчика:

«Що, титаря вбили?»

— «Ба ні, дядьку; батько казав,

Що його спалили.

исправлено (сначала было написано карандашом, а потом по карандашу наведено чернилами):

Минули вже Юнаратку
Байбузи минають.
Уже й Мліев. — Про титаря
Ярема питає
У хлопчика. — «Чи титаря
Ляхи ще не вбили?»
— Ні, не вбили. Каже батько
Що ёго спалили.

На 183 стр. 8 строка снизу «Ляхів мучить» — зачеркнута и сверху карандашом написано: *Шукать тебе.*

Начало главы «Бенкет у Лисянці»
напечатано:

Смеркалося. Из Лисянки
Кругом засвітіло:
Отто Гонта с Залізняком
Люльки закурили
Страшно, страшно закурили!

исправлено:

Смеркалося. Из Лисянки
Кругом засвітіло:
Отто Гонта та Залізняк
Люльки закурили
З гайдамаками... А ж
страшно!

На 188 стр. 13 строка снизу: «Шляхетскої й Жидівської», заменена: *Не осталось у Лисянці.*

На 193—194 страницах, начиная с 23 строки сверху,

напечатано:

Признавайсь, проклятий жиде,
Де мой Сксана?
Та й замахнувся.

«Ховай боже!..

В будинку... с панями...

Вся в злоті!..»

— Виручай же!

Виручай же проклятий!

исправлено:

Признавайсь, лукавий жиде.
Ти привів у Мліев
До Титаря Ляхів п'яних?
Я, Лейбо, не вмію
Жартувати. Я, — Ярема
Твій наймит поганий!
Чи не пізнав? Признавайся ж.
— Нічого не знаю
Нічогісенько!.. Ей-богу!..
— Не знаєшь? — Як знаєшь...

Так и роби!» — И знову ніж
Ярема виймає.

— «У будинку, на тім боці —
Стривайте! — с панями
У покоях, у злоті
Як найкраша пані
Ваша.. тее... — Виручай же,
А не то — свяченим!

ПСАЛМИ ДАВИДОВІ

В «Псалмах Давидових» вставлены цензурные купюры. В главе XLIII, на стр. 230, после слов:

«Поможи нам, избави нас» —
дописано:

Вражої нару́ги. —
Поборів ти першу силу,
Поборі и дру́гу.
Ще лютишу!

После строки:

«Скорби забувати» —

в этой же главе вставлено:

Смирїлася душі́ на́ша —
Жить тяжко в оковах!..
Встань же боже, поможи нам,
Встань на ката зно́ву...

В главе LII, на стр. 232, после:

«Колись бог нам верне волю»,

вставлено:

Розі́бье неволю...

В главе LXXXI, стр. 234, 14 строка:

«Познать, розбити тьму» —

дописано словом: *неволи.*

В этой же главе, на 235 стр.,
вставлено сверху две строки:

Парі, раби́ однакові
Сині́ перед бо́гом.

В главе CXXXVI, стр. 241, после
слов:

«Може й ми заплачем» —

(10 строк сверху) — дописано:

Або, нашу заспівайте,
Нево́льники наші...

ДО ОСНОВ'ЯНЕНКА

В стихотворении «До Основ'яненка» тоже вставлены цензурные купюры.

На стр. 43, 25-я строка сверху,
после слова: «Вернітєся!» — рукою
И. М. Лазаревского дописано:

Не вернутця!..
 Заграло, сказа́ло
 Сі́нє море... не вернутця!
 Наві́ки пропа́ли!
 Пра́вда, мо́ре, пра́вда, си́нє!
 Така́я їх до́ля.
 Не вернутця сподіва́ні,
 Не вернетця во́ля,
 Не вернетця коза́чство.
 Не вста́нуть гетьма́ни,
 Не покри́ють Украї́ну
 Черво́ні жупа́ни.
 Обі́драна сирото́ю
 По-над Дніпро́м пла́че,
 Тя́жко, ва́жко сироти́ні,
 А ніхто́ не ба́чить, —
 Тільки во́рог, що сме́ття!
 Сми́йсь, поганцю, враже, —
 Та не дуже, бі́сів си́ну!

После 42 строки (стр. 43) тоже
 вставлены две строки цензурной
 купюры:

А до того Московщина,
 Кругом чужі люди.

На 44 стр., 5 строка сверху,
 вместо цензурных точек вписано:
Жити з ворога́ми!

На 6 строке, после слова: «По-
 борвся б» — дописано: *и я може*

ТАРАСОВА НІЧ

«Тарасова ніч» дополнена сле-
 дующими цензурными купюрами:
 после 14 строки (стр. 49) вставлено:

Бу́ла ко́лись гетьма́нщина,
 Та вже не вернетця.

После 42 строки (стр. 50) встав-
 лено:

Україно, Україно!
 Сёрце́ мое, ненько!
 Як згадаю твою́ долю,
 Запла́че серде́нько
 Де поді́лось коза́чство,
 Черво́ні жупа́ни,
 Де поді́лась доля, во́ля,
 Бунчу́к, гетьма́ни?
 Де подили́сь?.. Згорі́ло,
 А чи затопі́ло
 Сі́нє мо́ре твої́ гори
 Висо́кі моги́ли?
 Мовча́ть гори, грає́ море,
 Моги́ли сумую́ть,
 А над дітьми козацькими
 Поганьді́ паную́ть.
 Грай же, мо́ре, мовча́ть, го́ра

Гуля́й, буйни́й, по́лем
 Плече́, диті́ козацькі́,
 Така́ ва́ша до́ля!..

После 108 строки (стр. 53) встав-
 лено:

Згада́ коза́к гетьма́нщину,
 Згада́ та й запла́че...

КАТЕРИНА

В поэме «Катерина» в III главе,
 после 131 строки (стр. 84), вставка:

Оттакé-то лихо, — ба́чите, дівчата,
 Жартую́чи кинув Катру́сю моска́ль,
 Недо́ля не ба́чить с ким і́й жартува́ти,
 А люди́ хоч ба́чать, та лю́дям не жа́ль,
 Неха́й—кажуть—гі́нє леда́ча дити́на,
 Ко́ли не зумі́ла себе́ шанува́ть.
 Шану́йтеся, любі́, в недобру́ го́дину,
 Щоб не до́велось моска́ля шука́ть.

В той же главе, после 196 строки
 (стр. 86—87), вставлена цензурная
 купюра:

Сиротá собака́ має́ свою́ до́лю,
 Має́ добре́ слово. В сві́ті сиротá —
 Ї́го бью́ть и лаю́ть, заку́ють в нево́лю
 Та ніхто́ про ма́тір на сме́х не спи́та,
 А йвася́ спи́тають, за́ра́ння спи́тають,
 Не да́дуть до мо́ви дити́ні дожи́ть...
 На ко́го соба́ки на ули́ці лаю́ть?

Хто го́лий, голо́дний під ти́ном сиди́ть?
 Хто ло́буря во́дить? Чорні́ві байстри́та,
 О́дні́ ё́го до́ля чо́рні брови́нята
 Та й ті́х лю́ди за́здрі́ не да́ють носи́ть.

По-під го́рою я́ром — до́лом,
 Мов ті́ ді́ди висо́кочо́лі,
 Дуби́ з гетьма́нщини сто́ять;
 В я́ру гребе́льки, верби́ в ряд
 Ставо́к під крі́гою в нево́лі
 И ополо́нка во́ду бра́ть
 Мов покоті́ло черво́ніє
 Скри́зь хма́ру со́нце зайня́лось,
 Наду́вся ві́тер, — як пові́є! —
 Нема́ нічо́го — скри́зь бі́ліє
 Та тільки́ лі́сом загу́ло!

КОБЗАРСЬКИЙ ГОСТИНЕЦЬ

Мы уже сообщали, что в конце
 «Кобзаря» вшито 20 страниц текста
 стихов Т. Г. Шевченко под назва-
 нием «Кобзарський гостинець». Сюда вошли следующие
 стихотворения Т. Г. Шевченко:

І. Калина («Чого ти ходиш на
 могилу...») с датировкой: «1847, Пе-
 тербург».

II. Пустка («Рано вранці ново-бранці...») с той же датировкой.

III. На Риздво («Не до дому в ночі идучи...») с датировкой: «1848, декабря 24. Кось-Арал, На Аральскому морі».

В. позднейших изданиях это стихотворение озаглавлено:

«Ф. М. Лазаревскому».

IV. Козацька доля («На що мені женитися?...») с датировкой: «1849. Над Аралом».

V. На Україну («Немає гірше як в неволі...») с датировкой: «1849. Над Аралом».

В. позднейших изданиях это стихотворение озаглавлено: «Г. З.».

VI. Хатина («Не молился за мене...») с датировкой: «1850. Над Аралом».

VII. До зорі (из поэмы «Княгиня»).

(«Зоре моя вечірняя...») с датировкой «1858. Нижний-Новгород».

VIII. Хустина («Чи то на те божя воля...») с датировкой: «1858. Нижний-Новгород».

IX. Доля («Ти не лукавила зо мною...») с датировкой: «1858. Петербург».

X. Пісня («Ой по горі ромен цвіте...») с датировкой: «1859. Лихвин».

В. позднейших изданиях это стихотворение носит название:

«Федору Ивановичу Черненку на память 22 сентября 1859 г.».

Если сравнить все исправления и вставки, сделанные И. М. Лазаревским в описываемый нами «Кобзарь», с правкой Т. Г. Шевченко на «Чигиринском Кобзаре» и «Гайдамаках» издания 1844 г. (правка эта опубликована в книге: «Т. Г. Шевченко. Гайдамаки. Вид-во УАН, Киев, 1935», стр. 140—147), то легко убедиться, что И. М. Лазаревскому правка Т. Г. Шевченко была знакома и что значительную часть этих исправлений И. М. Лазаревский перенес в свой экземпляр.

То обстоятельство, что «Кобзарь» И. М. Лазаревского составлен из трех разных изданий, дает право предполагать, что И. М. Лазаревский, повидимому, по заданию Т. Г. Шевченко, готовил полный Кобзарь с цензурными купюрами к какому-то новому изданию и, по всей вероятности, за границей.

Однако не все цензурные купюры были восстановлены. Таким образом, «Кобзарь» И. М. Лазаревского является далеко не полным. Надо также помнить, что Лазаревский «причесывал» текст Шевченко, как например, в упомянутом изменении «Причинны».

При всем этом «Кобзарь» И. М. Лазаревского со всеми перечисленными вставками и исправлениями, как материал для изучения текстов Шевченко и цензурных изданий «Кобзаря», представляет огромнейшую ценность.

И. Романченко.

ПЕТРАШЕВЦЫ и Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(По материалам донесений И. П. Липранди)

Вместе с библиотекой рукописных книг О-ва истории и древностей российских в Отдел рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина поступили три тома документов, имеющих прямое отношение к делу Петрашевского¹. Первый том имеет следующий заголовок: «Дело о злоумышленном обществе, известном под именем Петрашевского, произведенное д. с. с. Липранди. Том I от 11 марта 1848 до 23 апреля 1849 года. Совершенно секретно». В томе 243 листа, исписанных писарской рукой² и представляющих копии с донесений И. П. Липранди министру внутренних дел Л. А. Перовскому о кружке Петрашевского, за которым Липранди было поручено организовать слежку. Донесения представляют изложения сообщений агентов, главным образом Антонелли. Липранди сопровождал донесения агентов фактическими справками, различными комментариями и собственными рассуждениями. Всего в томе два донесения 1848 г. (11 марта и 13 апреля) и сорок донесений за срок от 27 января по 24 апреля 1849 г. Среди донесений находятся полностью переписанные следующие документы: «О способах увеличения ценности дворянских или населенных имений» Петрашевского; его же отметки к «Словам политического словаря для переделки статей»; написанная Антонелли со слов Петрашевского записка, обращенная к черкесам, с целью вызвать восстание на Кавказе; сочинение Катенева «Религия будущности. Человек или Христос. Быть

или не быть». В приложении даны четыре списка лиц, замешанных в деле и распределенных по степени важности их участия.

Весь описанный том документов является, очевидно, современной копией так называемых «Предварительных сведений по донесениям агентов», вошедших в «Дело аудиториатского департамента военного министерства 1-го стола 4-го отделения № 55 за 1849 г. о злоумышленниках Буташевиче-Петрашевском, Спешневе и других»¹.

Второй том документов носит заглавие:

«Разные сведения по производимому делу о злонамеренных действиях титулярного советника Буташевича-Петрашевского и его сообщников. Том 2-й. Донесения д. с. с. Липранди г. министру внутренних дел. С 24 апреля по декабря 1849 года и некоторые другие бумаги» (221 лист). Том открывается донесением Липранди о тех обстоятельствах, при которых происходила передача добытых им результатов слежки за петрашевцами Дубельту и III отделению, а также о процедуре ареста петрашевцев. «Негодование» и «оскорбленное самолюбие» Дубельта, без ведома которого происходило наблюдение за петрашевцами, довольно ярко отражено в этом донесении. Далее, среди копий различных бумаг, захваченных при аресте у петрашевцев и представляющих исключительный исторический интерес, а также среди других донесений Липранди Перовскому находится текст особой записки, кото-

¹ См. Е. И. Соколов, Библиотека имп. о-ва истории и древностей российских, вып. 2-й, описание. М. 1905, стр. 440—441.

² Все встречающиеся в донесениях имена петрашевцев вписаны другой рукой на свободных местах, оставленных переписчиком.

¹ См. указания на эти документы в книге «Петрашевцы», сборник материалов под ред. П. Е. Щеголева, т. III, стр. 365, а также «Дело петрашевцев», изд. Академии наук СССР, т. I, стр. XVII, где, однако, указывается на три, а не на четыре списка причастных лиц.

постыжась преданью сына своего, но с востанов-
лением, когда уже закончился этот эксперимент,
он и тогда же вступил на свои пути, как
бы покаянный. Петрорек не выразил у
одного из них, но в свое товарищество буржуа-
принадлежащих существ. Вот то время
и список всех уличиваемых людей на
подвиги людей, и их самих же.
Не успевая этого предприятия, было то,
что никто Яшук, уличивший так
же в нем, женился на двукратной из него
хорошей и богатой француженке, и в том са-
мом женихе отцов выдран Шестенко ф. француз-
ландзанина, и тем ^{вооружен} и против себя и про-
тив своих, многоискусную работу своей
жизни.

Петрашевский^д присовокупил к тому,
что не сестра на неурядице покаянного
предприятия, оно все таки нечестно корит
в Малороссии Аму много способствовало со-
трудничия Шестенки, которые размышляя в том
краю во множестве и были причиной ста-
нам волнения убого, в которых же котиров
и теперь находился в восточной "Про урядъ
Шестенко Петрашевский совершил, что сего

рую представил Липранди в следственную комиссию с изложением в ней своего мнения по делу петрашевцев. Она вкратце изложена в докладе генерал-аудиториата и известна в печати¹. Основная мысль Липранди была та, что кружок Петрашевского является лишь одним из кружков, входящих в состав большого организованного общества, имеющего свои отделения не только в обеих столицах, но и на периферии. По его мнению, подготовлялся заговор, который должен был захватить все народонаселение страны и совершить переворот, угрожавший «коренным потрясением общественному и государственному порядку».

Следственная комиссия, рассмотрев записку Липранди, отвергла его мнение о существовании единого организованного общества пропаганды и не распространяла расследование дела о петрашевцах до тех широких пределов, какие считал необходимым Липранди. Липранди объяснял указанные действия следственной комиссии тем, что III отделение не желало сознаться в своем промахе и стремилось уменьшить значение открытого Липранди заговора. Все эти соображения Липранди изложил в интереснейшем документе, составляющем третий том и написанном значительно позднее, вероятно, в конце пятидесятых годов. Называется документ следующим образом: «Введение по делу Петрашевского. Краткое изложение: каким образом возникло дело Бутаевича-Петрашевского, как оно попало в мои руки, как велось и какой имело исход. С примечаниями». (126 стр.) Документ имеет подпись Липранди и его поправки и вставки в тексте.

В своем повествовании Липранди очень красочно изобразил взаимоотношения министерства внутренних дел и III отделения, конкурировавших в сыске политических заговоров, дал язвительную характеристику деятельности Дубельта и его окружения и разоблачил, какими мерами III отделение сорвало результаты его длительной работы по выявлению заговора государственного масштаба.

Липранди с особым вниманием относился к сообщениям агентов о связи кружка Петрашевского с различными местными кружками, объединявшими противоправительственно настроенных лиц

на Кавказе, в Сибири, на Украине. В одном из таких сообщений мы находим любопытные сведения о рассказе Петрашевского, посвященном великому поэту и революционеру Украины Т. Г. Шевченко. При всей недостоверности последней части рассказа в целом, он чрезвычайно знаменателен: не только поэзия, но и личная судьба поэта, конечно, использовались Петрашевским в агитационных целях. Рассказ Петрашевского находится в донесении № 5, февраль 1849 г., т. I, лл. 51, 52. Приводим его полностью:

«В рассказе о происшествиях, бывших в Киевском университете, в которых был замешан Шевченко, Петрашевский сказал, что «заговор этот был открыт студентом Петровым, принятым ныне на службу в 3-е Отделение, и что это случилось таким образом: некоторые из студентов, замешанные в это дело, однажды проговорились при Петрове так ясно, что невинно поставлены были в положение совершенно открывшись ему принять его в свое общество или уничтожить его. Они по непростительной неусмотрительности решились на первое и тем предали самих себя, но по всем тем, когда их замыслы были открыты, они и тогда бы вышли из воды сухи, если бы помянутый Петров не выпросил у одного из них, под свое сохранение, бумаги, принадлежащие обществу. Эти то бумаги и список всех участвовавших лиц, находившийся между ними, и погубил их. Не успеху этого предприятия было то, что некто Яшвиль, участвовавший также в нем, женился на девушке из очень хорошей и богатой фамилии, а в посаженные отцы выбрал Шевченко (простого мещанина) и тем вооружил против себя и против своих многочисленную родню своей жены».

Петрашевский присовокупил к сему, что «несмотря на неудачу помянутого предприятия, оно все-таки пустило корни в Малороссии, чему много способствовали сочинения Шевченки, которые разошлись в том краю во множестве и были причиною сильного волнения умов, вследствие которого и теперь находятся в брожении». Проучасть Шевченко Петрашевский говорил, что он был сослан на Аландские острова на каторгу и там был

¹ «Русская старина», 1872, т. VI, стр. 70—86.

убит ударом в голову прикладом ружья, который нанесен одним солдатом, вероятно, по приказанию высшего начальства».

Приведенное донесение агента Антонелли нашло свое отражение в «Записке» Липранди, представленной в следственную комиссию, и в допросе Петрашевского. В своей «Записке» Липранди указывал, что в кружке Петрашевского «было рассуждаемо о частных особых мерах: как действовать на Кавказе, в Сибири, в Остзейских губерниях, в Финляндии, в Польше, в Малороссии (где умы предполагались находящимися уже в брожении семян, брошенных сочинениями Шевченко)»¹. В одном из допросов от 24, 28, 29 июля 1849 г. Петрашевскому был поставлен следующий вопрос:

«Антонелли показал, что вы, рассказывая ему об открытии бывшего в Киевском университете заговора, в котором был замешан некто Шевченко, сказали, что, несмотря на успех этого предприятия, оно все-таки пустило корни в Малороссии, чему много способствовали сочинения Шевченко, которые разошлись во множестве и были причиною сильного волнения умов, так что и теперь Малороссия находится в брожении. Объясните, что вам известно о волнении умов в Малороссии и кто такой Шевченко?» На этот вопрос Петрашевский дал отрицательный ответ: «Об этом никогда не говорил с Антонелли»².

Вряд ли можно верить ответу Петрашевского. Нет сомнения, что интерес петрашевцев к роли Шевченко, как революционера, и к его участи был очень велик. Об этом свидетельствуют опубликованные записки Н. А. Момбелли, лично знавшего Шевченко и посвятившего ему несколько страниц дневника¹. Очевидно, и до Момбелли доходили разнообразные противоречивые слухи об аресте и судьбе Шевченко, один из которых Петрашевский сделал темой своего рассказа. Но Момбелли воздержался от их записи и только справедливо заметил по их поводу: «В России все тайна и ложь и потому ни о чем нельзя иметь положительных сведений. Ничему нельзя верить. Политика правительства — таить и представлять в ложном свете многое... Все же каждый рассказ такого рода имеет основанием правду, и сущность события передается, более или менее сохраняется в рассказах, хотя подробности преисполнены лжи и выдумки...»

Момбелли был прав, и рассказ Петрашевского об убийстве Шевченко на каторге по приказу высшего начальства в сущности не так далек от истины. Резолюция Николая с запретом сосланному в солдаты Шевченко писать и рисовать равнялась приказу об убийстве поэта и художника Шевченко.

В. Нечаева.

ЦАРСКАЯ ЦЕНЗУРА И СОЧИНЕНИЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

1

РЕЕСТР СЕКРЕТНЫХ И КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫХ БУМАГ, ЗАКЛЮЧАЮЩИХ В СЕБЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ И РАСПОРЯЖЕНИЯ ВЫСШЕГО НАЧАЛЬСТВА, НЕ ВОШЕДШИЕ В УСТАВ О ЦЕНЗУРЕ

Год, месяц и № бумаги	От кого последовало распоряж.	Секретные
2 Июня 1847, № 741. Слуш. Июня 11.	Министра Н. Пр.	О недозволении к перепечатыванию новым изданием сочинений Шевченко «Кобзарь», Кулиша «Повесть об Украинском народе», «Украйна», «Михайло Чернышенко» и Костомарова (под псевдонимом Иереми Галки) «Украинские Баллады» и «Ветка», а также об обращении на труды литераторов более строгого внимания, особенно с точки зрения местного, провинциального патриотизма.
5 Июля 1847 № « » Слуш. 25 Июля	Министра Н. Пр.	О недозволении печатать никаких объявлений как о сочинениях Кулиша, Шевченко и Костомарова, так и вообще о книгах, воспрещенных по высоч. повелениям.

¹ Том II, л. 305.

² «Дело петрашевцев», изд. Академии наук СССР, т. I, стр. 161, 162.

¹ Там же, стр. 308—312.

Приведенный (в извлечении) «Реестр секретных и конфиденциальных бумаг, заключающих в себе постановления и распоряжение высшего начальства, не вошедших в устав о цензуре», обнаружен нами при разборе архива Общества истории и древностей российских.

Есть все основания полагать, что «Реестр» составлен Московским цензурным комитетом и, до поступления во Всеобщую библиотеку им. Ленина, находился в архиве Московского университета.

Не внося каких-либо новых фактов в известную историю преследования царской цензурой произведений великого украинского поэта, тем не менее «Реестр» заслуживает внимания в сопоставлении с некоторыми датами биографии Тараса Шевченко.

Известно, что Шевченко, вместе с участниками Кирилло-Мефодиевского братства, был задержан 5 апреля 1846 г. при въезде в Киев. Найденная при аресте, сатирическая поэма «Сон», беспощадно бичующая самодержавие, в дальнейшем предопределила судьбу Шевченко.

30 мая того же года приговор по делу кирилло-мефодиевцев был утвержден. В отношении Шевченко, приговоренного к ссылке в 5 линейный батальон Орской крепости, последовала специальная резолюция Николая I: «подстрожайший надзор с запрещением писать и рисовать».

И вот, в то время как Шевченко был уже на пути в Оренбургскую губернию, последовал первый секретный запрет от 2 июня 1847 г. министра народного просвещения гр. Уварова о воспрещении перепечатывать «Кобзарь», а спустя месяц—

2 июля— о воспрещении упоминать в печати о сочинениях Шевченко.

«Реестр» зафиксировал эти мероприятия царской опричины, пытавшейся с первых же дней ссылки Шевченко преградить путь его революционному воздействию на народные массы.

Что касается нашедшего отражение в «Реестре» «содружества» Шевченко с кирилло-мефодиевцами Николаем Ивановичем Костомаровым (1817—1885) и Пантелеймоном Александровичем Кулишем (1819—1897),— оно было очень и очень условным.

На первом же допросе в С.-Петербурге по делу кирилло-мефодиевцев и Костомаров и Кулиш (в особенности) не только отмежевались от пламенной шевченковской музыки, но в глазах охранников старались всемерно очернить гениального творца «Кобзаря».

И если Шевченко заплатил за свой голос в защиту обездоленного и эксплуатируемого крестьянства 10 годами тяжчайшей ссылки, кирилло-мефодиевцы Кулиш и Костомаров принесли самодержавию покаянную и отделались от подозрения в неблагонамеренности легко и скоро.

Упоминаемые литературные произведения были изданы:

Шевченко — «Кобзарь», СПб., 1840.
Костомаров, Н. И. (под псевдонимом Иеремии Галки) — «Украинские баллады» и «Ветка», Харьков, 1839.
Кулиш, П. А. — «Повесть об украинском народе», СПб., 1846. «Украина», Киев, 1843. «Михайло Чернышенко», Киев, 1843.

А. Иващенко.

2

ИЗ ПИСЬМА кн. С. Н. УРУСОВА к гр. А. П. ТОЛСТОМУ

Чернигов, 25 февраля 1861 г.

«...Столь много ожидаемый день 19-го февраля был проведен мною в Чернигове. Все прошло благополучно. — Малороссийский дух, хотя весьма осторожно и весьма хитро, проявляется в народе и в помещиках некоторым чувством отчуждения ко всему русскому. Есть особый журнал, издаваемый, кажется, в С. Петербурге под названием Основа¹, за которым надо стро-

го следить; мне говорили, что в одном из №-ров границы Малороссии начертаны довольно широко. Напечатан также известным сочинителем Шевченко малороссийский букварь², который, по дошедшим до меня слухам, заслуживает внимания; он издан в Петербурге; не угодно ли будет вашему сиятельству приказать его рассмотреть. Распространение такого букваря

вытеснит совершенно в Малорос-
сии славянский букварь; — о по-
следствиях этой так называемой
народности не трудно соста-
вить себе определительное мнение».

Примечания

Письмо извлечено из архива Апрак-
синых-Голицыных, где находятся письма
кн. С. Н. Урусова к гр. А. П. Толстому
за 1859—1861 гг. С. Н. Урусов (1816—
1883), впоследствии статс-секретарь, член
государственного совета и главноуправ-
ляющий II отделением собст. е. и. в. кан-
целярии, в 1861 г. разъезжал по различ-
ным городам России со специальными
заданиями. Его письма к А. П. Толсто-
му (ум. в 1871 г.), обер-прокурору свят.
синода, полны донесениями главным об-
разом по части дел духовного ведомст-
ва. Но, как показывает приведенное вы-
ше письмо, С. Н. Урусов в своих доносах
не ограничивал себя этой узкой сферой.

¹ «Основа» — украинский лите-

ратурно-научный вестник — ежемесячный
журнал, издавался с 1 января 1861 г. по
1 сентября 1862 г. в С.-Петербурге П. А.
Кулишем.

Руководители «Основы» проникнуты
были стремлением к изучению украин-
ской старины и украинской народности.
Главными деятелями «Основы» были
Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, В. М.
Белозерский и др.

² Букварь южнорусский 1861
року. Цена три копейки. Составил
Тарас Шевченко. Состав букваря: азбу-
ка, склады, молитви, личба (счет), «Дума
про Пыратинского поповича Олексия»,
«Дума про Марусю поповну Богуславну»,
«Народни пословици». Особое «внима-
ние» к букварю было, вероятно, вызва-
но подбором материала для чтения, в
котором отсутствует обычная прописная
мораль букварей, но всюду сквозит тен-
денция защиты «правых» и обличения
«неправых» (склады, думы, пословицы).

И. Романченко.

О ПРЕБЫВАНИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО В МОСКВЕ ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗ ССЫЛКИ

(Из архива Елагиных)

В архиве Елагиных, хранящемся в От-
деле рукописей Всесоюзной библиотеки
им. Ленина, в одном из писем, находится
описание обеда, устроенного М. А. Ма-
ксимовичем в честь Т. Г. Шевченко 25.III.
1858 г. Присутствовавшая на званом
обеде Авдотья Петровна Елагина в пись-
ме от 27.III сообщала своему сыну
Василию Алексеевичу Елагину:

«...Вася, вот что расскажу тебе:
во вторник Максимович приходит
и становится на колени, чтоб я
приехала к нему обедать: это бу-
дет праздник для всей моей жизни,
у меня будет Шевченко. — Не-
смотря на кошки сердца, я поеха-
ла; и приятно было видеть их ма-
лороссийскую связь. — Шевченко
простой, добродушной, умной му-
жик, он опять принят как худож-
ник в Академию, и Марья. Ник.¹
очень к нему была милостива. У

Максимовича обедали Кошелев и
Кошелева, оба Аксаковы, Щепкин,
Галаган, Погодин, Шевырев. — Хо-
мяков у Свербеевой был. — После
обеда Шевченко, хозяйка и Гала-
ган стали петь малорос. песни и
премילו. — Максимович сказал
спич стихами, совсем был в востор-
ге.

Пили мое здоровье венгер-
ским, и все твое, и за продолже-
ние Венгров¹. Мне это было очень
приятно. Это не лесть, потому что
заочно, и потому что решительно
статья твоя так нравится, как мо-
жет нравиться что-нибудь в ны-
нешнее тревожное время².

¹ В янв. книжке «Русской беседы» за
1858 г. была помещена статья В. А. Ела-
гина «Место венгров в истории наро-
дов».

² Об этом обеде в повышенных, вос-
торженных тонах пишет и Г. Галаган сво-
ей жене в письме от 1/IV 1858 г. Запи-
ски Ист. Фил. від ділу Україні, Акад.
наук, кн. VII—VIII, стр. 378—379.

¹ Вел. кн. Мария Николаевна, дочь
Николая I, с 1852 г. занимала пост пре-
зидента Академии художеств.

Интересно, что Шевченко остался чужд общему настроению собравшихся. В дневнике его за март 1858 г. проскальзывает ироническое и несколько враждебное отношение к Максимовичу — «старому антикварию», по выражению поэта. Единодушный тост славянофилов, сплотившихся вокруг «Русской беседы», за продолжение статьи Елагина совсем не отмечен Шевченко в его дневнике. В записи от 25 марта 1858 г. Шевченко бегло описал прошедший «обед»:

«Многоуважаемый М. А. Максимович задал мне обед, на который пригласил, между прочим, и ветхих деньми товарищей своих, Погодина и Шевырева. Погодин еще не так стар, как я его воображал себе, Шевырев старше и, несмотря на седенькую свою благопристойную физиономию, почтения к себе не внушает. Сладкий до тошноты старичек. В конце обеда амфитрион прочел

в честь мою стихи собственного сочинения. А после обеда милейшая хозяйка пропела несколько малороссийских песен, и восхищенные гости разошлись кто — куда, а я заехал к Сергею Тимофеевичу Аксакову, с намерением проститься»¹.

Никакого следа не оставило, повидимому, в сознании Шевченко и знакомство с А. П. Елагиной. Несмотря на это, отзыв ее о Шевченко ценен: мать Ивана и Петра Васильевичей Киреевских, племянница и близкий друг Жуковского, Авдотья Петровна Елагина в течение 30 лет находилась в центре литературной жизни Москвы. В ее салоне перебивало несколько поколений русских поэтов, художников, ученых и мыслителей. В 1858 г. ей было уже 69 лет, но ум ее еще не утратил своей живости, и она опытным глазом сумела подметить характерные черты внутреннего облика Шевченко. Э. Г.

УНИКАЛЬНЫЕ ЗАГРАНИЧНЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Творчество Т. Г. Шевченко представляет собою решительный протест трудящихся масс против всей системы русского самодержавия. Вот почему каждая строка произведений великого «первого воистину народного поэта» (Горький), прежде чем выйти в свет, тщательно подвергалась изучению со стороны Цензурного комитета. Стихами Шевченко занимались министры, святейший синод и даже «сам» царь.

Известно, сколько нужно было Т. Г. Шевченко приложить невероятных усилий, чтобы выпустить «Кобзарь» 1840 г., Чигиринский Кобзарь 1844 г. и Кобзарь 1860 г. Последнее издание (Кобзарь, изданный в 1860 г. на средства Платона Семеренка) подверглось жесточайшему цензурному сокращению. Некоторые свои стихи Т. Г. Шевченко просто не узнавал, — настолько они были исковерканы цензурой.

После смерти Т. Г. Шевченко цензурный «Кобзарь» преследуется царскими сатрапами. Все попытки выпустить посмертное издание стихов Т. Г. Шевченко разбивались политикой Цензурного комитета.

В 1863 г., по высочайшему одобрению, министр внутренних дел Валуев

запретил печатать на украинском языке религиозные и учебные книги.

В 1867 г. С.-Петербургский цензурный комитет наложил арест на 3.000 экземпляров «Кобзаря» в издании Д. Е. Кожанчикова.

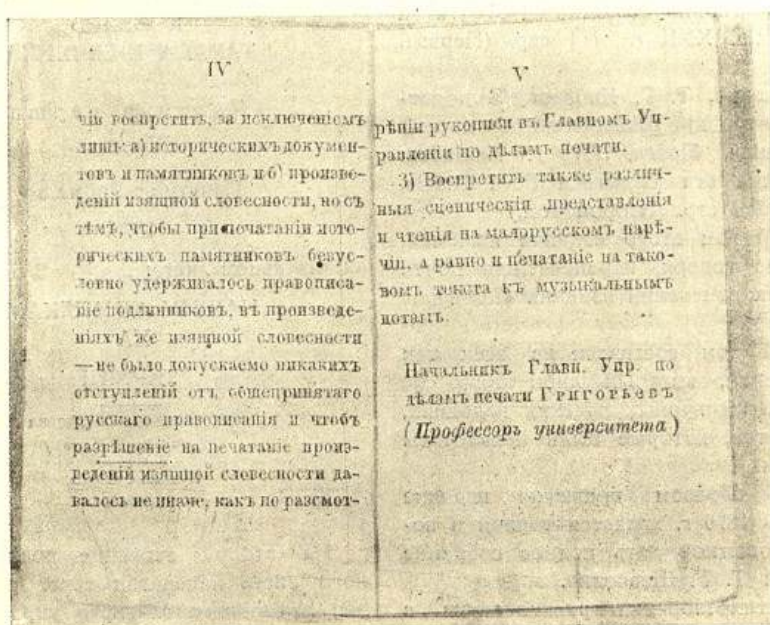
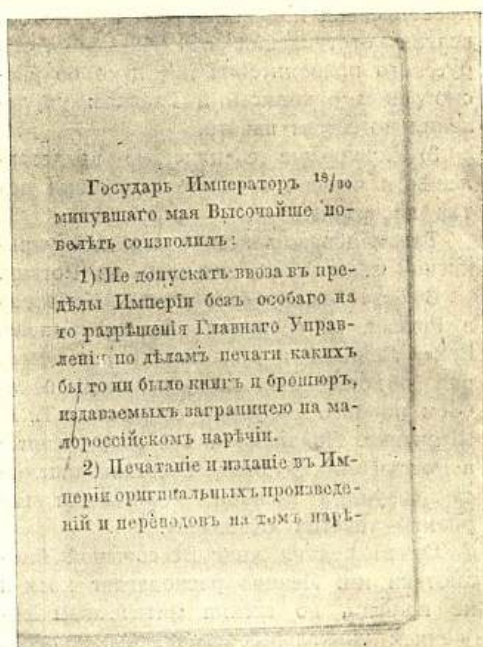
Не помогли тут и либеральные высказывания цензора Смирнова: «Формулировать судебное преследование трудно, как потому, что песнь Шевченко суть только грустные воспоминания без всякой тенденции...» (Дело № 59 СПб. ценз. комитета за 1867 год о бесцензурной книге «Кобзарь» Т. Г. Шевченко.)

В 1876 г. в Петербурге собралась комиссия, в состав которой вошли: министры внутренних дел и народного просвещения, обер-прокурор св. синода и шеф жандармов. Решение этой «мудрой» комиссии было следующее:

1) Ввоз украинских каких бы то ни было книг и брошюр из-за границы воспретить.

2) Печатание и издание украинских произведений и переводов в Империи воспретить, кроме: а) исторических до-

¹ Т. Г. Шевченко. Дневник. Ред. вступ. статья и примечания И. Я. Айзенштока, Харьков, 1925.



Обложка и стр. 3–5 миниатюрного издания «Кобзаря». Женева, 1878.

кументов и памятников и б) произведений изящной словесности. Из них первые предписано печатать с соблюдением правописания подлинников, а вторые без всяких отступлений от общепринятого русского правописания и только по рассмотрении рукописей в Главном управлении по делам печати.

3) Украинские сценические представления и чтения, а также слова при notaх воспретить.

Таким образом, всякое печатное украинское слово было изгнано из России.

В ответ на преследование «Кобзаря» в России, за границей (Львов, Женева, Вена, Лейпциг и др.) появляется целый ряд объединений, занимающихся изданием полного собрания сочинений Т. Г. Шевченко. Появляются все запрещенные в России стихи, поэмы, восстанавливаются цензурные купюры, собираются варианты текстов «Кобзаря».

Отдел редких книг Всесоюзной библиотеки им. Ленина располагает хотя и не полным, но весьма интересным собранием уникальных заграничных изданий сочинений Т. Г. Шевченко.

Главнейшие из них следующие:

1. Шевченко, Т. Г. Кобзарь. 3 додатком споминок про Шевченко писателів Тургенева і Полонського. Прага, 1876 г. Nakladem Knihkupectvi dra Grega a Ferd. Dattla. XXII + 414 стр. (Первый том.)

2. Шевченко, Т. Г. Кобзарь. 3 додатком споминок про Шевченко Костомарова і Микешина. Прага, 1876 г. Nakladem Knihkupectvi dra Grega a Ferd. Dattla, XXIII + 276 стр. (Второй том.)

Первый том этого издания является, собственно говоря, перепечаткою почти без всяких изменений издания «Кобзаря» 1860 г.

Второй том составлен из всех тех произведений, которых либо вовсе не было в подцензурных русских изданиях, либо из тех, которые были искалечены цензорами.

Таким образом пражское издание «Кобзаря» 1876 г. является первой и почетной попыткой дать полное собрание сочинений Т. Г. Шевченко.

Все стихотворения расположены в хронологическом порядке за исключением «Назара Стодоли», помещенного в конце книги. К тексту приложены солидные варианты.

Особую важность представляют воспоминания: в первом томе Тургенева и Полонского, а во втором — Костомарова и Микешина, специально написанные по просьбе издательства.

Выход в свет этого издания за границей взволновал хранителей устоев русского самодержавия. 20 марта 1880 г. наивный бессарабский вице-губернатор запросил Главное управление по делам печати, дозволен ли к обращению «Кобзарь» пражского издания 1876 г.

Ответ последовал незамедлительно: «Кобзарь» з додатком споминок про Шевченка Костомарова і Микешина у Празі, 1876 г. ...по содержанию своему подлежит безусловному запрещению».

О первом томе с воспоминаниями Тургенева и Полонского цензура умолчала, но указала вице-губернатору, что, мол, существует закон 1876 г., которого и следует придерживаться. А закон гласит, что все заграничные издания подлежат изъятию.

3. Заслуживает особого внимания жевское миниатюрное издание «Кобзаря» 1878 г.

На обложке написано следующее:

LE KOBZAR
par Taras Chevtchenko
КОБЗАРЬ
ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

Частина перша
Женева

Печатня «Громади»

1878.

из титульном листе:

НАШИМ ЗЕМЛЯКАМ
НА
УКРАЇНІ

на роковини Шевченка
26 лютого 1878 року

Кузьма і Сірко
видавці

На второй странице после титульного листа напечатан текст распоряжения Начальника главного управления по делам печати Григорьева о запрещении ввоза книг из-за границы на украинском языке и печатания книг в России «на этом наречии».

Потом идет изложение в кратких чертах биографии Т. Г. Шевченко и следующие произведения поэта: 1. Мені однаково. 2. Сон. (У всякого своя доля.) 3. Як би то ти, Богдане... 4. Мопила Богдана. 5. Бували війни і військові свари. 6. Чигирин. 7. Кавказ. 8. Ляхам. 9. Якось то їду я в ночі. 10. Мій боже милий... 11. Світе ясний... 12. У Вільні, городі преславнім. 13. Гімн чернечий. 14. Зацвіла в долині... 15. Ликері. 16. Як би ви знали паничі. 17. До мертвих і живих... 18. Я не нездужаю, нівроку... 19. Заповіт.

Всего в этой книжечке 126 + XXI + 11 нум. стр. Формат (7½ × 4 см) давал возможность удобно перевозить это издание через границу для нелегального распространения в России.

4. Любопытно отметить, что издательство русско-украинской радикальной партии «Народ» в целях пропаганды своей работы выпустило в свет в 1890 г. книгу стихов Т. Г. Шевченко со следующим заглавием:

Поезії Т. Г. Шевченка
Заборонені в Росії
Накладом редакції «Народа»
Женева, 1890.

В Отделе редких книг Всесоюзной библиотеки им. Ленина хранятся две книги этого издания. Титульные листы и содержание этих двух изданий совершенно одинаковы, а обложки разные.

Обложка первой книги

ПОЕЗИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Заборонені в Росії
Накладом редакції «Народа»
Женева
1891.

Обложка второй книги
POÉSIES DE T. CHEVCHENKO

Поезії Т. Г. Шевченка

Заборонені в Росії
Genève Prag
H. Georg, libraire Eduard Valecka
1890.

Кроме того на обратной стороне обложки второй книги напечатаны адреса редакций «Народа» и «Хлібороба».

Издание этих стихов является фактически перепечаткой второго тома

пражского издания 1876 г. (Nakladem: Knižkupecivů dra Grega a Ferd. Cattla.) Выброшены только явно нешевченковские произведения и вставлены позднейшие варианты «Тарасової Ночі», «Великого Льсха» и «Відьми».

5. С претензией на издание полного собрания сочинений Т. Г. Шевченко является Львовское 4-томное издание «Кобзаря» (1893—1898).

В основу этого издания взят пражский «Кобзарь» 1876 г. и женеvский сборник стихов 1890 г.

В первом томе помещена довольно объемистая вступительная статья проф. О. Огоновского: «Дещо про життя і літературну діяльність Тараса Шевченка», несколько слов от редакции и два раздела стихов Т. Г. Шевченко, разбитых на периоды: романтично-національний (1838—1843) и політично-національний (1843—1847).

Во втором томе тоже два периода: громадсько-національний (1847—1857) и реалістичний напрям (1857—1861).

В третьем томе напечатан «Журнал» Шевченко и его автобиографическая повесть «Художник» в переводе на украинский язык О. Я. Конисского.

В четвертом томе напечатаны повести Шевченко: 1. Наймичка. 2. Бездасный. 3. Капитанша. 4. Музика. 5. Княжна. 6. Варнак. Автор перевода этих повестей на украинский язык не указан.

Все четыре книги снабжены примечаниями О. Огоновского. Издание роскошное, в художественном дорогом переплете и претендовало на научную систематизацию материалов и на научный отбор текстов Шевченко.

6. В 1902 г. в том же Львове в издании «Просвіта» вышел сборник: «Поезії Тараса Шевченка» Видання Товариства «Просвіта», Львов, 1902, 698 стр.

Книга снабжена предисловием и примечаниями и отличается от предыдущих изданий тем, что составитель, редактор и автор предисловия Ю. Романчук более критически подошел к отбору текстов поэзии Т. Г. Шевченко.

Если в изданиях пражском, женеvском и львовском, предшествовавших этому изданию, было довольно много произведений, ошибочно приписываемых авторству Шевченко, то в издании Ю. Романчука этих ошибок значительно меньше.

Исправлена и датировка около 50 произведений Т. Г. Шевченко. Отбросил Ю. Романчук и националистическую периодизацию О. Огоновского, заменив ее маловразумительным членением:

1. Мелкие поэзии.
2. Мир и Люди.
3. Украина.
4. Большие поэзии.

Все же это издание в текстуальном отношении является еще очень далеким от научного издания.

7. Кроме «Кобзаря» за границей издавались и отдельные произведения Т. Г. Шевченко. Так, например, поэма «Мария» вышла на средства Венского товарищества «Січ» в Праге в 1876 г. и в 1882 г. на польском языке.

В 1885 г. М. Драгоманов издал поэму «Мария»: «Мария». Поэма Т. Гр. Шевченка с передним словом и замечаниями М. Драгоманова. Перевод с украинского. Женева. Типография «Громады», 1885, 47 стр.

Издатель рекомендует «Марию» для пропаганды свободных научных идей в области религиозной. «...В России даже людям довольно высокого образования предоставлено по отношению религии или следовать учению казенной православной церкви, которая по части критиче-

ской мысли не только не пошла вперед, но даже отстала от своего образца, старинной греко-восточной церкви IV—VIII вв., — или же довольствоваться совершенно поверхностным отрицанием».

Развивая эту мысль, М. Драгоманов считает, что «Мария» написана «в духе свободного прогрессивно-христианского движения» и является проповедью свободы и равенства между всеми людьми: чтобы «женщины были равны во всех правах своих с мужчинами» (стр. 42—43).

Предисловие М. Драгоманова и все его примечания, в сущности, являются изложением взглядов школы Рейса, известного переводчика библии, на легенду об Иисусе и его матери Марии. М. Драгоманов — этот «путаник», по выражению В. И. Ленина, не понял сущности поэмы Шевченко «Марии», но тот факт, что поэма им была переведена на русский язык и издана для широких масс, — представляет большой интерес.

Все перечисленные нами издания произведений Т. Г. Шевченко не отражают полноты всех заграничных изданий «Кобзаря» Т. Г. Шевченко. Но и то, что собрано Отделом редких книг Всесоюзной библиотеки им. Ленина, представляет большую ценность для изучения изданий «Кобзаря».

И. Романченко.

ИЗ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ И. З. СУРИКОВА

Архивные материалы Ивана Захаровича Сурикова (1841—1880), поэта-самоучки, переводчика Тараса Шевченко и организатора писателей из народа, состоят из его переписки с друзьями; они воспроизводят трагическую судьбу поэта-самородка, вышедшего, как и Тарас Шевченко, из народа в дореволюционную эпоху.

Нужда, вечная забота о хлебе, отсутствие нравственной поддержки, рано надломленные силы и ранняя гибель — таков жизненный путь, так хорошо знакомый длинному ряду самоучек от забытых ныне поэтов Суханова, Алипанова, Слепушкина до общеизвестных Кольцова и Никитина, так прекрасно выраженный словами Сурикова:

В книге жизни моей нет ни одной
Просветляющей душу страницы.

В условиях самодержавного строя не было места этим поэтам-самородкам, не было факторов, благоприятных для развития их творческих сил.

«Жизненная моя обстановка грязна, душна и безвыходна, — писал И. З. Суриков к Н. А. Соловьеву-Несмелову 30 сентября 1875 года. — Я гибну и тону, день ото дня все глубже омут меня затягивает. Я чувствую, что я скоро ополещу, и прощай тогда мои песни. Жди спасения. Откуда?.. Кто подаст руку помощи?.. Дарования нынче не в цене — топчутся в грязь».

«Что за писательство, когда я телом нездоров и духом нездоров... надо положить конец этому скверному положению. Из-за чего я бьюсь и что я вижу? Радостного ничего, горя много...» (Из письма к Н. А. Соловьеву-Несмелову 26 февраля 1878 г.)

Поневоле приходилось идти не в ту

сторону, куда влекло призвание, заниматься не тем, чем хотелось.

«Недостаток средств к жизни принудил меня заняться торговлей углем, и я торгую. Каждый день идет пересыпка углей из кулей в другие кули, и я хожу как трубочист... Нужда — чего она не заставляет делать?.. Иногда так становится тяжело, что поневоле склонишь голову и опустишь руки. До умственного ли труда в это время? Впрочем, это в сторону: у кого нет горя и нужды?..» (Из письма к И. Г. Воронину, июнь 1873 г.)

Много горя и неприятностей доставляла самородкам цензура, эта «дура», по выражению Пушкина, тупая и бестолковая. И. З. Суриков, как и Т. Шевченко, также удостоился ее «внимания».

«Некролога моего, написанного о Д. Н. Кафтыреве (поэт-самоучка. — И. Ф.) и посланного в «Пчелу», цензура не пропустила. Впрочем, виноват я сам, так как мною был дан общий очерк писателей из народа, начиная с Кольцова, не минуя Помяловского, Решетникова, Кушевского, Никитина, Левитова и кончая Кафтыревым. Картина вышла действительно мрачная» (Из письма С. Я. Дерунову 1 апреля 1877 г.)

«Стихотворение «Жалобы бедняков» погибло... Октябрьскую книгу (журнал «Дело». — И. Ф.) сожгли за статью Жуковского и за мое стихотворение «Жалоба бедняков», за социальные их мысли» (12 октября 1878 г.)

«Ради бога, прошу, не показывай никому эти стихотворения («Пришла желанная свобода» и «Колыбельная песня». — И. Ф.): они удержаны при делах Цензурного комитета», — писал И. З. Суриков своему другу И. Г. Воронину.

Теперь уже при делах цензуры на-

ходятся три стихотворения, которые задержаны ею, два эти и третье «Песнь о свободе».

Так подавляло самодержавие творческие силы тех славных, что выходили из народа, вызывая у них тяжкие муки и горькое сознание напрасного труда.

«Печаль таких людей, как мы с вами, — писал И. Г. Воронин к И. З. Сурикову, — заставляет иногда думать, что умственное развитие становится бременем и вместо наслаждения приносит страдания».

В безотрадном раздумье вставал перед ними вопрос: что делать?

«Писать по-фетовски, прекраснодушничать? Но едва ли это возможно? Ни по складу нашего ума, ни по закону нашего характера мы под эту мерку не подойдем. Сидеть сложа руки в отупении, похоронить себя заживо в могилу, «чтоб сердце сгнивало, и ум высыхал», — дело скверное. Жить в таком обществе, где здоровая мысль заковывается в колодки, чересчур тяжело!»

(Из письма к И. Г. Воронину 7 декабря 1875 г.)

Равнявшиеся к свету и воле, не щадившие ни сил, ни здоровья, но лишённые боевого темперамента, поэты-самоучки либо совершенно сходили с литературного пути (С. А. Григорьев, Д. Н. Кафтырев, И. Е. Тарусин), либо замыкались в себя (И. Г. Воронин, С. Я. Дерунов, И. З. Суриков), становились чрезмерно субъективными, о чем так подробно говорит письмо И. З. Сурикова к И. И. Барышеву 24 июня 1878 года:

«Сложившаяся так однообразно паскудно моя жизнь и развившаяся во мне болезнь придавили во мне всю душевную мочь, и душа моя издает только болезненно субъективные звуки».

Мягкие по природе, способные «только плакать в стихах, но никак не упрекать, не бичевать людей», проникнутые безграничной любовью к угнетённым, но без глубокого протеста против угнетателей, каким насыщена поэзия Тараса Шевченко, они не выносили лжи и фразерства.

«Если многие заведомо лгут, то что же я буду делать с моим стоном, плачем и заветными стремлениями к искренности и правде? Нет, бог с ним, с этим писательством, лгать не могу». (Конец февраля 1878 г.)

«Я честно мыслил, и песни мои были искренны», — писал И. З. Суриков за год до смерти.

Упорная борьба с царящей тьмою являлась девизом жизни и творчества этих поэтов-самоучек.

Их заветная мечта сводилась к тому, чтобы «пришла желанная свобода, и деспотизм пред ней поник».

Когда ж ты, светлая свобода,
Во тьме светильник свой зажжешь
И массы темного народа
Науки словом разовьешь
И к новой жизни воззовешь?

(Из запрещенного цензурой стихотворения И. З. Сурикова.)

Но не одна жизненная обстановка встает перед нами в переписке И. З. Сурикова и его друзей-самоучек. Она повествует и о многом другом, интересном для исследователя: она документально устанавливает роль Сурикова, как организатора поэтов-самоучек, сумевшего объединить вокруг себя разрозненные силы целой группы писателей из народа.

Шаг за шагом отвоевывая себе право на жизнь и возможность существования, он думал не только о себе, своих успехах, но и о других, таких же горемычных, как и он сам. Вскладчину с ближайшими друзьями — Григорьевым, Козыревым и Родиновым — он выпускает четыре журнала: «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Дело», «Всемирный труд», и по прочтении их затеваются споры.

«Собирались ко мне каждую неделю, — вспоминал И. З. Суриков, — потолковать о литературе, поэзии, искусстве, делиться взглядами, т. е. оживляться от житейской пыли».

Войдя в литературу как полноправный поэт, И. З. Суриков близко сходитя с А. Н. Плещеевым, А. К. Шеллер-Михайловым, А. Н. Якоби и особенно дружен с Владимиром Рафаиловичем Зотовым (1821—1896), редактором петербургских изданий.

Ниже приводятся два письма В. Р. Зотова к И. З. Сурикову: одно от 30 января 1870 г., на бланке редакции «Иллюстрированной газеты», другое — с указанием лишь месяца — 12 мая, повидимому, 1871 г., с приложением перевода И. З. Сурикова «из Тараса Шевченко».

подлинного автографа Сурикова, помещенного «марта 30 дня».

Благодаря В. Р. Зотову расширяется круг знакомства И. З. Сурикова с провинциальными авторами, завязывается огромнейшая переписка с ними и, наконец, рождается мысль — объединить разрозненные силы самоучек изданием товарищеского сборника «Рассвет», познакомить читателей — как писал И. З. Суриков в предисловии к сборнику, — «с произведениями современных писателей-самоучек, не получивших научным путем ни образования, ни воспитания, самовоспитавшихся, саморазвившихся», и сообщить о том, «как наш народ, без всяких насилий, сам собой развивается, как сочувствует грамоте и как любит литературу».

Это было первое коллективное выступление писателей-самоучек пред судом критики и читателей, первое коллективное издание произведений писателей из народа.

И какая нужна была сила воли и энергия, чтобы перечитать целые вороха стихов, груды рассказов и малограмотных писем, поступающих со всех концов России в ответ на обращение И. З. Сурикова к писателям с целью объединения.

«Мне пришлось ответить по крайней мере на сто писем бестолкового содержания — труд немалый. Присланы были целые вороха стихов — да что в них?..»

Тем не менее Суриков сам просматривал их, вносил изменения и поправки, отбирал лучшее, сам отвечал на письма, так как в них запечатлены были живые человеческие души, звучал непосредственный голос массы¹.

В результате цель была достигнута: «Рассвет» появился в печати в 1872 г., и дотоле никому неизвестные писатели, С. Я. Дерунов, М. А. Козырев, А. Е. Разоренов, И. Д. Родионов, И. К. Кондратьев, И. Г. Воронин, появились на свет, о них заговорили журналы. Заговорили по-разному. Наряду с благоприятными отзывами («Беседа», «Дело») началась травля. Так же, как травили знаменитого украинского поэта Тараса

Шевченко, начали травить в печати и этих писателей-самоородков, посягнувших, — как цинично глумились «Московские ведомости», — «на святыню искусства мужицкими стихами...»

Тяжелый недуг помешал И. З. Сурикову осуществить объединение писателей-самоучек путем создания библиотеки для чтения или собственной типографии на паях.

«Тяжело мне кинуть дело, избранное мною, что, не конча труд начатый, я глаза закрою. Жаль мне то, что в жизни этой я сделал немного и моей горькой песней дар принес убогий». (Из посвящения И. И. Барышеву.)

Из особенностей переписки И. З. Сурикова необходимо отметить еще тягу Сурикова к творчеству братских народов и несомненный интерес его к украинской поэзии и Тарасу Шевченко.

И. З. Суриков охотно переводит Тараса Шевченко, друзьям сообщает замыслы стихотворений на украинские темы, в «Иллюстрированную газету» посылает переводы из Шевченко, К. Т. Солдатенкову дарит стихотворение «В Украине...» О том же отношении к Украине и ее знаменитому поэту, помимо упомянутых писем В. Р. Зотова к И. З. Сурикову, говорят и публикуемые ниже два письма И. З. Сурикова к И. И. Барышеву (1854—1911), писателю-беллетристу и драматургу, близкому другу Сурикова, который переписывался с ним долгие годы.

Любовное отношение к Украине слышится и в обращениях И. З. Сурикова к поэтам-самоучкам: «Друже мій щірий, — пишет он к И. Г. Воронину 3 октября 1873 г., — як бы можно було быть птахою, то прилетів бы до тебе, но крил нема. Гіркая доля друкуй вік вічний и ничего нема...»

Переводы Сурикова из Тараса Шевченко, искренние и душевные, появлялись в различных журналах; вошли они и в полное собрание сочинений Сурикова под заглавиями: «Думы», «Вдова», «Обида», «И снится мне...», «Тоска девицы», «Жди, вернуся из похода», «Нет мне радости, веселья», «В Украине» и другие.

Тарас Шевченко был близок Сурикову, так как в своей поэзии с наибольшей красотой, силой, полнотой и протестом он выразил то, что шло из глубины

¹ Подобную работу, как известно, производил позднее А. М. Горький: так, за время 1906—1910 гг. им было прочитано более четырехсот рукописей, их авторы — «писатели из народа». (См. М. Горький, О писателях-самоучках, М. 1928 г.)

народного сердца, что наполняло надеждою на светлое будущее миллионы трудящихся, так как его творчество полно горячей любви не только к украинскому народу, но и ко всем народам царской России.

Впечатления и материалы, которые давала жизнь обоим поэтам, нашли себе яркое выражение в их песне, наполнив ее соответствующей тематикой.

Жизнь дает для песни

Образы и звуки:

Даст ли она радость,

Даст ли скорбь и муки,

Даст ли день роскошный,

Тьму ли без рассвета —

То и отразится

В песне у поэта.

(И. Суриков)

Новые времена принесли с собой новые песни, новых поэтов — Сулейман Стальский, Джамбул — и новое содержание. Это содержание дает им эпоха Сталинской дружбы народов, эпоха «расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме». Она ставит перед собой задачу «воспитать тысячи отличных «мастеров культуры», «инженеров душ», — как заявил А. М. Горький на съезде советских писателей 17 августа 1934 года. «Это необходимо для того, чтобы возратить всей массе рабочего народа отнятое у нее всюду в мире право на развитие разума, талантов, способностей».

ПИСЬМА В. Р. ЗОТОВА

к И. З. СУРИКОВУ

1.

Редакция
Иллюстрированной Газеты
Литейная № 38

30 января 1870 СПб.

Благодарю вас, почтеннейший Иван Захарович, за присылку ваших стихов. Все они будут напечатаны в моей газете, за исключением перевода из Шевченко (пьеса эта очень слаба и в оригинале) и одного небольшого стихотворения («Пройдет и ночь, пройдет и день»), написанного уж на очень избитую тему. В других пьесах я сделал кое-где незначительные изменения.

Уважающий вас
В. Зотов.

Прошу о продолжении присылки стихотворений, но не прежде как будут помещены присланные уже вами десять пьес — иначе они у меня залежатся, так как я не имею возможности печатать стихотворения часто и много.

2.

Благодарю вас за доставление двух переводов Шевченко¹. Один напечатаю с удовольствием, — другой возвращаю, потому что у меня уже был напечатан перевод этого стихотворения, хотя и худший. — За объявления о вашей книге никакой платы не следует. Статья об ней помещена в 17-м №, хотя не совсем в том виде, как бы я желал.

Преданный вам

В. Зотов.

12 мая СПб.

ПЕРЕВОД И. З. СУРИКОВА

(Из Т. Шевченко)

Жди, вернусь я из похода

Мне гусар сказал:

Я ждала, ждала, все нету

Нет его, пропал.

Что ж о нем я так тоскую

И себя гублю;

За кафтан короткий что ли *

Я его люблю?

Иль за то, что черный ус он

В кольца завивал?

Иль за то, что милой Машей

Часто называл?

Нет, не та моя кручина

Жить мне тяжело, —

Как я выйду, покажуся

Из избы в село.

Все смеются надо мною

Замуж не берут

И на улице гусаркой

Все меня зову.

И. Суриков.

Марта 30 дня.

¹ Два перевода из Т. Шевченко: один перевод стихотворения Т. Шевченко «Нет мне радости» был напечатан в «Иллюстрированной газете» за 1871 год № 6, затем в четвертом издании стихотворений И. З. Сурикова под заглавием «Не вернулся из похода»; другой — возвращенный В. Р. Зотовым публикуемый нами автограф перевода И. З. Сурикова «Жди, вернусь...»

ПИСЬМА И. З. СУРИКОВА
к И. И. БАРЫШЕВУ

1.

27 июня 1878.

Сердце, мое, Ваня!

Получил я ответ из редакции «Слово»¹, стихотворение мое «На одре» там не будет напечатано. Вот этот ответ:

Многоуважаемый

Иван Захарович.

Глубоко сожалею, что не могу принять вашего стихотворения, которое прекрасно по форме, хорошо по мысли, но не удовлетворяет программе и направлению (оно слишком субъективно, болезненно) нашего журнала. Присылайте, если есть, другие стихотворения. Я постараюсь их напечатать, пока состою редактором журнала.

Примите уверение и т. д. и т. д.

И. Ясинский².

Ясинский мне знаком, он сотрудничал в «Будильнике»³ — мы встречались с ним. Когда не было в Москве Гатцука⁴, то Иероним Иеронимович Ясинский заправлял редакцию газеты Гатцука и историческую мою поэму «Василько»⁵ для напечатания принял он. Как он попал в редакцию журнала «Слово» — не ведаю.

Да, гнетущий меня недуг развил во мне крайнюю субъективность, — и я никак не могу стать на почву объективности и отрешиться от своего поганого я. Но, между тем, я убежден, что в душе моей есть еще много звуков и для объективных песен, а сложившаяся так однообразно паскудно моя жизнь и развившаяся во мне болезнь придавили во мне всю душевную мочь, и душа моя издает только болезненно-субъективные звуки.

Мне нужны потрясения, толчки и разнообразие жизни, и тогда я мог бы создать и объективные песни. Но покада всего этого нет, и во мне развивается только одна болезненная субъективность. Некоторые критики упрекали меня за однообразие мотивов, приписывая это узкости моего взгляда. Это величайшая ошибка. Разнообразие мотивов зависит от разнообразия жизни, а не широты взгляда. Нужно знать те условия, при которых я жил и развивался. Я жил и развивался при крайне однообразных условиях, при крайне однообразной об-

становке. Область моих наблюдений была очень ограничена, нужда и определенный труд приковывали меня к одной и той же местности и не давали мне возможности набраться новых впечатлений. Возьмите Кольцова⁶ и Никитина⁷: однообразие мотивов у них страшное. А почему? Жизнь их была пуста и однообразна, а талант у них был и не малый, против этого и спорить никто не станет. Затем: возьмите малороссийского поэта Шевченко и венгерского Петёфи⁸, разнообразие мотивов у них поразительное. А почему? Шевченко и Петёфи жили крайне разнообразною жизнью. Петёфи, например, был и бродягой, и странствующим актером, и литературным поденщиком, и военным. Он знал не одну какую-нибудь часть Венгрии, а всю Венгрию, исходив ее из конца в конец, сталкиваясь и с солдатами, и с бетьярами, и с высшим обществом, и с первостепенными писателями. Судьба Шевченко, как известно, была не менее разнообразна: крепостной казачек, художник, ссыльный, он видел и пережил многое. А талант Петёфи и Шевченко был не выше, и взгляд не шире Кольцова и Никитина. Все дело сводится к тому; у кого как сложится жизнь, какие она даст впечатления и материалы, то должно отразиться и в песне.

[Жизнь есть сила песни⁹,

Дух ее и тело, —

От нее зависит

Песни строй всецело.

Даст ли она радость,

Даст ли скорбь и муки,

То и воплотится

В песенные звуки.]

Жизнь дает для песни

Образы и звуки:

Даст ли она радость,

Даст ли скорбь и муки,

Даст ли день роскошный —

Тьму ли без рассвета

То и отразится

В песне у поэта.

(И. Суриков)

Хочешь, я на эту тему напишу стихотворение?

И Буренин¹⁰ его, вероятно, разругает. А г-н Буренин этот есть великая птица. Птица эта называется «синица». Хвалилася синица море зажечь, но моря не зажгла — а только свой хвост обожгла.

Однако ругань Буренина ты все-таки пришли мне.

2.

1879 г. 5 июня.

Голубчик Ваня!

Я, брат, тут околеваю¹¹, и от тебя ни единого письма в полторы недели. Неужели я чем против тебя «согреших»? Ни единого греха за мною по этой части «не имамы».

Пользы, брат, нынче от кумыса я себе не вижу и все лежу, между прочим и жена моя тоже — то я лежу день, то она — дело просто дрянь. Хочу уезжать отсюда — и только жду твоего письма. Что дедушка?¹² когда он уезжает за границу? и говорил ли что?

Я начал писать стихину «Маруся»¹³, да на 11-м куплете и сорвался, сорвался по нездоровью, «ибо» слег, — ноги не ходят, голова тупа. План этой стихины таков:

Солнце садится, мы едем тише, вдали виднеется село. Вот мы подъезжаем к малороссийскому селу. Описание этого села, садочков, хат и того приволья, которыми окружена жизнь степняка-малоросса. Солнце село. Заря алеет. Даль зеленеющей степи начинает синеть. Картина вечера в степи. Возвращение в село с полей «девичат» и «паробков» с работы. Вот они собираются у хаты ста-

рого деда-кобзаря и просят его сыграть им про «Гриця» или про «Марусю». Старик ворчит на «девичат», но это только так, он поэт в душе и не играть не может, — ворча снимает он свою кобзу со стены и садится у хаты — играет и поет про «Марусю», про ее несчастную судьбу-недолю. Старик-кобзарь оканчивает свою грустную песню — «девичата» и «паробки» подавлены этою песнею про «Марусю», а между тем тихая, синяя ночь Украины безмятежно плывет над селом.

Все это нужно выразить сжато и облить украинским степным колоритом; чувства, положим, мне не занимать и за картинностью я тоже в люди не пойду. Но ты знаешь, голубчик, я много задумывал, начинал и бросал — такова моя дурацкая натура. Я часто не дорожу поэтичным, бросаю его и принимаюсь за пустяк. Если здесь я не успею эту пиеску кончить, она значит пропала.

В Москве я не писака. При покойном состоянии я еще могу кое-что сделать, но вернувшись в Москву, столкнувшись с дрязгами, я пропал, я не напишу ни строчки. Извини за описки и недописки, разберешь как-нибудь. Пишу наскоро. Сейчас в ночь уезжает один кумысник, и сие письмо отправляю с ним.

И. Суриков.

Примечания

1) «Слово» (1878—1881) — научный, литературный и политический журнал.

2) Иероним Иеронимович Ясинский (1850—1931) — писатель-беллетрист, сотрудник многих крупных журналов и еженедельных изданий.

3) «Будильник» (1865—1918) — сатирический журнал с карикатурами.

4) Алексей Алексеевич Гатцук (1832—1891) — археолог и публицист, издатель «Крестного календаря» и «Газеты Гатцука» (1875—1889).

5) «Василько» — историческая поэма И. З. Сурикова, напечатанная в «Газете Гатцука» за 1877 год, №№ 37, 38, 41 и 42.

6) Алексей Васильевич Кольцов (1809—1842) — поэт. Некоторые рецензенты сравнивали И. З. Сурикова с Кольцовым, но сам он относился к этому иначе: «я хотел быть просто Суриковым, хоть лыком

шитым, но быть самим собою». (Из письма к Н. А. Соловьеву-Несмелову 25 сентября 1877 г.)

7) Иван Саввич Никитин (1824—1861) — поэт.

8) Александр Петёфи (1823—1849) — венгерский поэт, участник революции 1848 года. Первый сборник стихотворений (Офен, 1844 г.) доставил ему славу поэта; ему же принадлежит «Песня мадьяр», послужившая началом ряда революционных песен.

9) «Жизнь есть сила песни...» В подлиннике эти строки — до слов «Жизнь дает для песни» — зачеркнуты карандашом.

10) Виктор Петрович Буренин (1841—1926) — критик и сотрудник газеты «Новое время», реакционер и ретроград, неодобрительно отзывавшийся о стихах И. З. Сурикова.

11) Тут околеваю... Деревня Хомяково, в 139 верстах от Самары, где И. З. Суриков проходил курс кумысного лечения.

12) Дедушка — Алексей Николаевич Плещеев (1825—1893) — известный поэт. Принимал близкое участие в литературной судьбе Сурикова, поощрял его к творческой работе и устраивал сотрудничество ряда журналов.

13) Стишина «Маруся» — позднейшее заглавие «В Украине», написано во время

кумысного лечения И. З. Сурикова; стихотворение он посвятил и послал К. Т. Солдатенкову, известному московскому издателю и меценату, который оказывал большую материальную поддержку И. З. Сурикову в последние годы его жизни.

См. выше сведения о «Кобзаре» с дарственной надписью Т. Г. Шевченко тому же К. Т. Солдатенкову.

И. Федоров.

ИЗ АРХИВА Г. А. МАЧТЕТА

В собрании архивных материалов Григория Александровича Мачтета (1852—1901), писателя-беллетриста народнического направления, значительную часть составляют письма.

Уроженец Волинской губ., Г. А. Мачтет получил образование в немировской и каменец-подольской гимназиях, но не кончил курса из-за обвинения в политической неблагонадежности. Выдержав экзамен на уездного учителя, он некоторое время занимался педагогической деятельностью в провинции — Могилеве и Каменец-Подольске. Затем уехал в Америку с целью организации земледельческой «коммун» и жил там, работая поодиночке на фермах. Вернувшись через несколько лет в Россию, побывал в качестве административного ссыльного в Архангельской губ. и Сибири. По освобождении, в 1885 г., переехал в центральную Россию, жил в Петербурге и Москве, Одессе, затем Зарайске, Житомире (1897—1900), где служил в акцизном управлении.

Вступив в 1875 г. на литературное поприще, состоял сотрудником «Недели», «Отечественных записок», «Русских ведомостей», «Русской мысли», «Северного вестника» и других изданий.

Г. А. Мачтет — автор революционной песни «Замучен тяжелой неволей», любимой В. И. Лениным.

Переписка с Г. А. Мачтетом писателей (Н. Н. Златовратский, М. М. Коцюбинский, К. М. Станюкович, И. Н. Потапенко, Г. И. Успенский, А. И. Эртель), музыкантов и композиторов (Н. Лисенко), художников (В. Андреев, В. К. Бирюля-Беляницкий, С. В. Иванов, К. А. Тру-

товский), профессоров и ученых (А. Н. Веселовский, А. И. Кирпичников, Н. И. Стороженко, К. А. Тимирязев, Ф. Ф. Эрисман), историков литературы и критиков (И. И. Иванов, Н. К. Михайловский, А. М. Скабичевский, А. Н. Пыпин), редакторов и издателей (В. А. Гольцев, В. М. Лавров, В. М. Соболевский), общественных деятелей, политических ссыльных (Синегуб), врачей, переводчиков, читателей, студенческой молодежи — представляет собой несомненную значимость для исследователя, изучающего жизнь и творчество Г. А. Мачтета, его социальную среду и ту эпоху, когда жил и работал Мачтет.

Тематика этой переписки, довольно разнообразная, касается различных вопросов общественной и литературной жизни.

Особого внимания заслуживают письма к Г. А. Мачкету украинских деятелей: баснописца В. Боровика, академика живописи К. А. Трутовского, на письмах которого не мало зарисовок пером и акварельными красками, письма музыканта и композитора Н. Лисенко, который сообщал о возникновении газеты «Волянь», принятой весьма сочувственно киевлянами, обещавшими «помогать статьями, сообщениями, заметками, насколько жизнь киевская давать будет материал для насущных интересов края», о предстоящей злободневной тематике для газеты.

«Наступающая эра Археологического и до Археологического съезда, кажется, должна дать не мало материала и для Воляни.

«Зачалась така буча из-за научных рефератов на малорусском языке (чис-

лом 15), которые намерены были читать на съезде имеющие прибыть русины Галицкие, что дело восходит и до Мин. нар. просв., пошли в ход доноски, и племенная рознь, и что хотите. Чем дело кончится, увидим недели через две, и тогда наступят, решительные меры». (1899, V, 25).

Интересны письма историка и литератора П. И. Житецкого, где дается подробный разбор произведения Г. А. Мачтета «И один в поле воин», указываются недостатки произведения и причины этих недостатков.

«Вы взяли не те краски, — пишет П. И. Житецкий, — не подлинные, народные краски, которые хранятся в мировоззрении народа, в его духовной организации, выражающейся в народном языке. Это право вещь не шуточная — народные краски... Язык искусства — не есть язык алгебры, равнодушной к конкретным величинам...»

Высказывается сожаление, что в первом очерке Г. А. Мачтета, где «прорывается конкретный язык — язык жизни», — «не все написано по-малорусски»:

«Больно мне было читать те строки, которые продуманы были по-малорусски, а написаны литературною русскою речью. Такова, напр., прекрасная сцена на ярмарке, такова же и дивная песня кобзаря. Какое было бы неотразимое впечатление, если бы все это написано было по-малорусски!..»

Даются советы Г. А. Мачтету написать что-либо по-украински.

«Попробуйте на первый раз что-нибудь небольшое написать по-малорусски. Я берусь быть сотрудником вашим и содействовать изданию этой вещи. Для этого кое-что требуется прочесть по-малорусски. Из старых писателей Основьяненко, из новых — все повести Нечуя и все повести Мирного, кроме драматических опытов того и другого. Недурно также прочесть «Чорну Раду» Кулиша, а из народной поэзии — песни в издании Метлинского (там лучший подбор) и думы малорусские. Хорошо также под руками иметь пословицы Номиса, народные баллады в 5 томах Чубинского.. Вот на первых порах главное..»

Подробно описывается П. И. Житецким самый «механизм дела» при изучении Мачтетом украинского языка, причем

еще раз особенно подчеркивается важность изучения фольклора.

Несомненную значимость имеет, наконец, публикуемое письмо от 1 августа 1899 г. к Г. А. Мачтету Михаила Михайловича Коцюбинского (1864—1913), одного из крупнейших художников дореволюционной украинской литературы, принимавшего живое участие в публикации текста «Дневника» Т. Г. Шевченко, в издании «Твори Т. Шевченка в двух томах» 1911 г. Проверка текста по подлиннику сделана Коцюбинским.

Произведения М. М. Коцюбинского давно уже известны русскому читателю: их изданию на русском языке содействовали В. Г. Короленко и особенно Максим Горький.

М. Горький высоко ценил М. М. Коцюбинского как писателя и человека и находился с ним в дружеских отношениях, о чем говорят его воспоминания о М. М. Коцюбинском.

«В мире идей красоты и добра он «свой» человек, и с первой встречи он возбуждает жажду видеть его возможно чаще, говорить о нем больше.

«Он очень часто говорил о демократии, о народе, и всегда это было как-то особенно приятно слушать и поучительно.

«Человечность, красота, народ, Украина — это любимые темы бесед Коцюбинского, они всегда были с ним, как его сердце, мозг и славные ласковые глаза». (М. Горький, Воспоминания и встречи, М. 1933 г.)

В письме к Г. А. Мачтету М. М. Коцюбинский обращается к нему «с горячею просьбою» помочь улучшить материальное положение Владимира Ивановича Самойленко (1864—1925), который «положительно бедствует», причем дается высокая оценка В. И. Самойленко, как украинского поэта, переводчика и человека. На первом листе этого письма в подлиннике — изображение Т. Г. Шевченко, которого глубоко чтит М. М. Коцюбинский (см. фотоснимок автографа первой страницы письма); к оборотной стороне второго листа письма приклеена фотография с изображениями самого М. М. Коцюбинского в окружении близких ему лиц; среди них на первом плане В. И. Самойленко.

И Федоров

Урмин, 1 августа 1899 г.



Многоуважаемый

Григорий Александрович!

После я надеюсь скоро увидаюсь с Вами
в Киве на станции, куда, как я слы-
шал, Вы собираетесь, но ввиду того, что
к тому времени я могу узнать о резуль-
татах просьбы, с которой я к Вам
обращаюсь, — пишу Вам несколько слов.

Моя покровительная просьба состо-
ит в следующем: здесь, в Урмин-
ском женском, в должности секретаря
редакции, женской газеты — «Урмин-
ский вестник» Владимир Иванович Самойленко, один
из выдающихся ее настоящих друзей
украинских поэтов, переводчик Гюгено
и Мопса, человек образованный, талант-
ливый, широко развитый и симпатичный.
Еще одною в том, что будущи семей-
ным членом и получая всего 200 руб.

ПИСЬМО М. М. КОЦЮБИНСКОГО

Чернигов 1 августа 99 г.

Многоуважаемый

Григорий Александрович!

Хотя я надеюсь скоро увидиться с вами в Киеве на съезде, куда, как я слышал, вы собираетесь, но в виду того, что к тому времени я могу узнать о результате просьбы, с которой я к вам обращаюсь, — пишу вам несколько слов.

Моя покорнейшая просьба состоит в следующем: здесь, в Черниговском земстве, в должности секретаря редакции «земского сборника» служит Владимир Иванович Самойленко, один из выдающихся в настоящее время украинских поэтов, переводчик Данта и Мольера, человек образованный, талантливый, глубоко честный и симпатичный. Беда, однако, в том, что, будучи семейным человеком и получая всего 900 руб. жалованья, он положительно бедствует и, главное, не может рассчитывать на улучшение своего положения, так как в нашей земской управе — 900 руб. — это предел, за который перешагнуть никто из служащих не может — некуда.

Вот эти то причины и заставляют г. Самойленко искать какого-нибудь места с перспективами.

Зная, как вас уважают в акцизном мире, и рассчитывая на ваше влияние в

этих сферах, я решаюсь обратиться к вам, многоуважаемый Григорий Александрович, с горячей просьбой помочь В. И. Самойленко устроиться в акцизе, если можно в Житомире, а если это на первых порах невыполнимо, то где-нибудь в губернии. Я уверен, что он заслужил бы и у вас уважение и любовь, которыми пользуется здесь.

Г. Самойленко окончил Киевский университет (филологич. факультет), но не держал государственного экзамена; ему 35—36 лет; физиономию его можете увидеть на прилагаемой фотографии: он сидит справа, без шляпы и держит в руках «лопух».

Если почему-либо не увидимся в Киеве, то, надеюсь, вы сообщите мне письмом о результатах моей просьбы.

Как поживаете? Что Тоня? Поцелуйте ее от меня. Я все лето провозился у себя в садике и нахожу, что это прекрасная вещь и для души и для тела.

До свидания.

Глубоко уважающий вас

М. Коцюбинский.

Вера Иустиновна шлет привет.

Адрес: Северянская ул., собств. дом.

ПАМЯТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

1.

ПИСЬМО Д. Л. МОРДОВЦЕВА к Д. Н. МАМИНУ-СИБИРЯКУ

Столярный, 6
1 марта 97.

обед в память Шевченка, Кулиша и Костомарова, 5-го марта, в 6-м часу, в «Северной гостинице». Обед — интимный. Будут писатели-москальи. Обед — 4 р. с вином.

Искренно уважающий вас

Д. Мордовцев.

Многоуважаемый Дмитрий Наркисович.

Земляки поручили мне просить вас пожаловать на поминальный

Примечания

Письмо Даниила Лукича Мордовцева, адресованное к Дмитрию Наркисовичу Мамину-Сибиряку, находится в связи с организацией поминального обеда в память Т. Г. Шевченко и его сотоварищей по Кирилло-Мефодиевскому обществу — П. А. Кулиша и Н. И. Костомарова.

Поминальный обед 1897 г. в «Северной гостинице» Петербурга с участием «писателей-москалей» — одна из форм посмертного чествования Шевченко литературною общественностью Петербурга и вместе с тем выражение протеста против самодержавия и его административного произвола.

Письмо извлечено из архивных материалов Д. Н. Мамина-Сибиряка, печатается впервые.

Даниил Лукич Мордовцев (1830—1905) — писатель, публицист, сотрудник журналов «Дело», «Голос», «Всемирный труд», «Русское слово», «Русский вестник», «Вестник Европы», «Исторический вестник» и др. Литературная деятельность его началась рассказами («Дзвонарь», «Солдатка») и стихотворениями на украинском языке; позднее произведения на украинском языке были собраны им в книге «Оповідання» (1885 г.). Большой почитатель Тараса Шевченко.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852—1912) — писатель, сотрудник журналов «Дело», «Отечественные записки», «Русское богатство», «Русская мысль» и др., автор «Приваловских миллионов», «Бойцов», «Хлеба» и др.

2.

ПИСЬМО Б. А. ЛАЗАРЕВСКОГО к А. П. ЧЕХОВУ

1902, II, 7. Севаст[ополь]

Спасибо вам, многоуважаемый Антон Павлович, за известие о здоровье В. Н. Жаль только, что ничего не добавили о себе.

Меня одолело «мещанское несчастье»: дети больны, жена нервничалась, безденежье и всякая дрянь бодлела. Вертишься, вертишься среди этого и не знаешь,

когда выскочишь на простор, — должно быть никогда.

Немного развлек литературный вечер в память Т. Г. Шевченко.

Пришли студенты и говорят: так мол и так, вы литератор, так примите участие. Рассмешило меня это, какой я литератор... Ну и приятно было.

— Не могу, господа, что я буду там делать?

— Прочитайте что-нибудь.

— Никогда ничего публично не читал.

— Ну стихотворение.

— Да не умею же я, ей-богу.

— А мы уже на афише поместили, что вы участие примите.

Я решил написать маленький очерк и прочесть.

Когда вышел на сцену, перепугался ужасно, потому народу видимо-невидимо. Хотелось удрать. Начал, должно быть, скверно, и не слышно меня было. Потом, когда почувствовал, что овладел вниманием зала, — разошелся. Кончил. И мне вдруг показалось, что декорации надо мною затрепали и раздался ряд залпов из ружей.

Я к аплодисментам не привык. Спустили занавесь, снова хлопают. Художник Протопопов говорит: идите кланяйтесь. Я вышел и поклонился, как-то боком, возле де-

корации. Смешно, должно быть, вышло. Неловко это.

И вообразите, сейчас же я вспомнил вас и ваши поклонны со сцены, и меня кольнула мысль, что если бы здесь был Гольцев, то, пожалуй, подумал бы, что и в этом я вам подражаю, т. е. в застенчивости.

Не думайте, что это успех, наша публика любит все новое.

Громадный успех выпал на долю бандуриста Галайды. Я о нем никогда и не слыхал. Это интеллигентный, совсем молодой человек, немного калека, хромает на одну ногу, лицо у него прекрасное, вдохновенное.

Он скромный, скромный и необыкновенно музыкален. Бандура у него в руках, как оркестр. Это не кобза, а настоящая бандура, и ее приятно слушать всякому — и малороссу, выросшему в деревне Полтавской губ., и немцу, и поляку. Лучше мелодекламации. Я об этом вечере написал подробный отчет Татариновой для ее газеты...

Неужели она ее не прекратит? Один мой рассказ принят в «Южн. Обзор». Так, должно быть, я из газет и не выскочу. Нет, выскочу, или умру или выскочу...

Любящий вас

Бор. Лазаревский.

Примечания

Письмо Б. А. Лазаревского адресовано к А. П. Чехову; повествуя о литературном вечере памяти Тараса Шевченко, организованном студенческой молодежью г. Севастополя, оно свидетельствует о большой популярности Шевченко в дореволюционную эпоху, несмотря на враждебное отношение к его имени царского правительства.

Письмо извлечено из архивных материалов А. П. Чехова; печатается впервые.

Борис Александрович Лазаревский (род. в 1871 г., умер в 1920(?)) — писатель. Отец Б. А. Лазаревского Александр Матвеевич и его братья хорошо знали Тараса Шевченко, играя значительную роль в его жизни.

Особенно дружеские отношения были

у Шевченко с Василием и Михаилом Матвеевичами, но и Александр Матвеевич также близко знал Т. Шевченко. (См. Б. А. Лазаревский, О Шевченко и близких ему людях, в журнале «Рубикон» 1914 г., № 4—5).

Отметим еще одну деталь, замеченную нами в письмах Б. А. Лазаревского: большой любитель виньеток, одно из писем к А. П. Чехову он украшает эгиптографом из Т. Шевченко, в красках: «Помолывшись и я б засну... Так думы прокляты Рвутся душу запалыты, Серце розирать...»

Виктор Александрович Гольцев (1850—1906) — журналист, писатель; с 1885 г. редактор журнала «Русская мысль», где сотрудничали Б. А. Лазарев-

ский и А. П. Чехов; последний, кроме того, редактировал в этом журнале беллетристический отдел в 1903 г.

Анна Васильевна Татаринова (1882—1922) — по видимому, издательница одной из южных газет.

«Южное Обозрение» (1897—1918) — политическая, научная, литературная, торгово-промышленная и финансовая газета.

3.

ИЗ АРХИВА ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ПИСЬМА Н. А. ЯНЧУКА к А. Е. ГРУЗИНСКОМУ

I

14. февраля 1909 г.

Дорогой Алексей Евгеньевич!¹

В последнем заседании Общ-ва любителей росс. слов. вы пожелали, чтобы был составлен и вам представлен проект обращения в печать² от имени общества по вопросу о пожертвованиях на памятник Шевченка. Посылаю вам набросок того, что казалось бы целесообразным, и прошу представить на обсуждение общества изложенные пункты. Если общество утвердит, хотя бы и с изменениями, то надо сейчас же пустить в печать.

В дополнение к этому, по поводу 3-го пункта, я, как уполномоченный в прошлом заседании для устройства поминок Шевченко совместно с И. А. Белоусовым³ и А. И. Калишевским⁴, имею довести до сведения общества следующее. Из совместных бесед с названными сочленами выяснилась возможность устройства литературно-музыкального вечера в память Шевченко если не 25 или 26 февр., то в ближайшие к этому дни. Литературная часть будет состоять из трех кратких рефератов: 1) жизнь поэта (Янчук), 2) мотивы его поэзии (Калишевский), 3) Шевченко как художник (Новицкий)⁵, 4) чтение стихотв. Белоусова и Филианского.

Второе отделение — концертное, за отказом Дейша-Сионицкой⁶ (по действит. болезни), предполагается организовать при помощи артистов Звягиной⁷ и Трубина⁸. Вечер состоится, вероятно, в Литер.-худ. кружке⁹. Подробная программа будет на днях представлена председателю общества.

Второй вечер памяти Шевченка, с отчислением чистой прибыли на его памятник, устраивается кружком украинских артистов (с гастролью Кропивницкого)¹⁰ в Орионе и Интернац. театре. Будет поставлена драма Шевченка «Назар Стодоля» с участием студенч. хора и оркестра (под упр. Саца) и с апофеозом при помощи волш. фонаря. Полагаю, что этот вечер может состояться без фирмы общества л. р. сл.

Предлагаю все это на ваше усмотрение, потому что сам по нездоровью не могу быть сегодня в заседаниях.

Ваш Н. Янчук.

Р. С. Получил Стороженковский сборник¹¹ и очень хвалю внешнее изящество. Мы, малороссы, должны принести обществу благодарность за добрую память о Стороженке¹².

[ПРОЕКТ ОБРАЩЕНИЯ В ПЕЧАТЬ]

(От общества любителей российской словесности — на памятник Шевченку)

Общество любителей российской словесности, озабоченное постановкою памятника Гоголю и устройством торжеств, связанных с открытием памятника, считает умест-

ным и своевременным вспомнить и о другом писателе, земляке Гоголя, Т. Г. Шевченке, и выразить свое участие и содействие увековечению его памяти. Всероссийская

подписка на памятник Шевченка в Киеве высочайше разрешена в апреле 1906 года и в течение трех лет дала всего около 18.000 р., между тем стоимость памятника предположена в сумме около 60.000 р. Самый памятник предположено окончить или к 50-летию кончины поэта (1911 г.) или к столетию его рождения (1914). В целях содействия этому делу, а также в ознаменование 95-й годовщины рождения знаменитого украинского поэта (род. 26 февр. 1814 г.), Общество любителей российской словесности в заседании своем от 14 февраля признало желательным принять ряд мер для увеличения сборов на памятник Шевченка среди населения Москвы. С этою целью постановлено сделать следующее:

1) открыть при обществе подписку на памятник Шевченка и огласить об этом в печати;

2) издать сборник переводов «Кобзаря» Шевченка на русский язык, составленный членом общества И. А. Белоусовым, с тем чтобы вся чистая прибыль от издания поступила в фонд на памятник Шевченка; с этою же целью при-

нять для продажи изданную И. А. Белоусовым брошюру: «Песни Кобзаря», которую он жертвует обществу (все издание);

3) в текущем феврале в памятные дни рождения поэта (26 февр.) и кончины его (25 февр.) устроить от имени общества литературно-музыкальные и драматические вечера из произведений Шевченка, с тем, чтобы чистый сбор поступил на его памятник; устройство этих вечеров предоставить комиссии из нескольких членов общества, малороссов;

4) устроить в конце февраля или в марте публичное заседание общества памяти Шевченка;

5) на предстоящих торжествах в честь Гоголя во время собраний и на выставках допустить прием пожертвований на памятник Шевченка лицами, уполномоченными от общества.

Доводя об этом до сведения, Общество любителей российской словесности выражает надежду, что москвичи откликнутся на его призыв во имя незабвенного певца Украины.

II

В ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

В одном из февральских заседаний текущего года обществом было признано желательным устроить литературно-музыкальный вечер в ознаменование 95-й годовщины рождения украинского поэта Шевченка с тем, чтобы доход с вечера поступил в фонд на сооружение памятника Шевченку в Киеве. Устройство вечера было поручено членам общества И. А. Белоусову, А. И. Калишевскому и мне. С большим трудом удалось найти участников для вечера, тем не менее программа была составлена и исполнена довольно интересно как в литературной, так и музыкальной части. В материальном отношении вечер был неудачен как по причине неудобного времени (четверг Вербной недели — единственный день, на который можно было най-

ти залу на 6-й неделе, а раньше невозможно было успеть подготовиться), так и вследствие того, что афиши по вине полиции могли выйти только за три дня до вечера, и продажа билетов поэтому не окупила даже наем зала Литературно-художественного кружка. Всего продано билетов:

12 бил.	по 2 р.	10 к.	на сумму	25 р.	20 к.	
1	»	1	» 90	»	1	» 90
2	»	1	» 75	»	3	» 50
16	»	1	» 10	»	17	» 60
60	»	—	» 75	»	45	» —

Итого . . . 91 бил. на сумму . . . 93 р. 20 к.
От продажи программ выручено 6 р. 50 к.

Итого валовой сбор выразился
в сумме 99 р. 70 к.

По устройству вечера сделаны следующие расходы:

Наем зала с роялем 108 р. — к.
Афиши с расклейкой 40 » — »

Б. Дмитриева. и Вострикова

Въ Четвергъ, 19-го Марта, 1909 г.



Общество Любителей
Россійской Словесности
при ИМПЕРАТОРСКОМЪ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

(25) II 1814—(26) II 1861

ВЪ ОЗНАМЕНОВАНИЕ ИСПОЛНИВШЕЙСЯ 95-й ГОДОВЩИНЫ СО ДНЯ
РОЖДЕНІЯ ЗНАМЕНИТАГО УКРАИНСКАГО ПОЭТА И ХУДОЖНИКА

ТАРАСА ГРИГОРЬЕВИЧА

ШЕВЧЕНКО

состоится, при благосклонном участии известных артистов, посвященный его памяти

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ВЕЧЕРЪ

сборъ съ котораго поступить въ фондъ на сооруженіе памятника **ШЕВЧЕНКУ** въ Киевъ.

I Отдѣленіе

Е. А. ЯНЧУКЪ Трагедія жизни Шевченко.
А. І. КАЛИШЕВСКІЙ Истинны поэмы Шевченко.
А. П. НОВИЦКІЙ Шевченко какъ художникъ
съ демонстраціей картинъ.
А. Н. ЯРЕПЕНКО Изъ гласъ Кобзаря.
Н. А. ВЪЛОУСОВЪ
Н. Г. ФИЛЯНСКІЙ Стих. памяти Шевченко

II. Оудѣленіе

Вудуть исполнены опрыными артистами, любителями, коб
зарями п. Шевченко, Волошенко и др. и хорош.
стихотворенія ШЕВЧЕНКО в народ-
ныя пѣсни въ обработкѣ украинскихъ композиторовъ при
декоративной обстановкѣ и съ сѣвскими картинами.

 ДОПУСКАЮТСЯ НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОСТЮМЫ

НАЧАЛО ВЪ 8½ ЧАС. ВЕЧЕРА

БИЛЕТЫ от 3 р. 75 к. до 75 руб. продаются в книжных магазинах: Митинский Юргенсона, Гутхейла и "Синдониум" и в книжных магазинах: Иарбасникова, "Слово" и "Труд".

Афиша вечера памяти Т. Г. Шевченко, 19 марта 1901 г.

Программы	8 р. — к.
Билеты	5 » — »
Хор с платным дирижером . .	10 » — »
Акомпаниатор	7 » 50 »
Бандурист	7 » 50 »
Прокат волшебного фонаря . .	5 » — »
Цветы для украшения бюста Шевченка	3 » — »
Публикации (по два раза со скидкой в Русских Ведомо- стях)	24 » 90 »
Беспл. [в Голосе Москвы . .	24 » — »]
В Русск. Слове	33 » — »
Прислуге	3 » — »
Всего	254 р. 90 к.

Таким образом вечер дал убыток в сумме (254 р. 90 к. — 99 р. 70 к.) = 155 р. 20 к.

Доводя об этом прискорбном факте до сведения общества, прошу назначить лиц для проверки отчетности и оправдательных документов, так как вся отчетность, за исключением некоторых статей (а именно расходов на публикации, которые еще не оплачены, и мелких расходов), находится у меня. Счета за публикации будут представлены конторами непосредственно в общество.

Н. Янчук.

Прилагается афиша и программа. 30 сент. 1909 г.

III

Милостивый государь

Алексей Евгеньевич!

Комитет по организации в Москве чествования 50-летней годовщины смерти Т. Г. Шевченко 26 февраля наступающего 1911 года поручил мне обратиться к вам, как председателю Общества любителей российской словесности, с просьбою предложить обществу в ближайшем заседании на обсуждение вопрос о том, в какой форме общество найдет для себя удобным ознаменовать эту годовщину.

Комитет с своей стороны полагает, что желательно было бы устроить в этот день торжественное заседание соединенных обществ г. Москвы в память Шевченка. Если Общество любителей российской словесности согласно будет принять участие в этом кол-

лективном чествовании, то благоволите уведомить об этом или меня, или проф. Ф. Е. Корша¹³.

В случае согласия общества желательно было бы также знать заблаговременно, 1) кто из членов общества от его имени может выступить с докладом о Шевченко в предполагаемом торжественном заседании и 2) можно ли рассчитывать, что при содействии общества это заседание могло бы состояться в здании университета.

Для сведения прибавлю, что Комитет для организации чествования Шевченка¹⁴ разрешен московским градоначальником.

Примите уверение в совершенном почтении

Н. Янчук.

10 декабря
1910г.

Примечания

Публикуемые материалы — два письма Николая Андреевича Янчука к Алексею Евгеньевичу Грузинскому от 14 февраля 1909 г. и от 10 декабря 1910 г., — а также проект обращения в печать «От Общества любителей российской словесности» от 1909 г. и отчет по устройству литературно-художественного вечера от 30 сентября 1909 г. находятся в связи с ознаменованием 95-й годовщины рождения великого украинского поэта Тараса Шевченко и 50-летней годовщины его смерти.

Николай Андреевич Янчук (1859—1921) — писатель, этнограф, драматург, автор статьи о Т. Г. Шевченко под названием «Певец Украины», напечатанной в газете «Русские ведомости» за 1909 год, февраля 26, № 46; один из активных организаторов шевченковских дней в Москве.

1) Алексей Евгеньевич Грузинский (1858—1930) — историк литературы, действительный член Общества любителей российской словесности с 1896 г.; сначала временный председатель

общества (1905—1909 гг.), затем с 1909 г. — постоянный.

2) Проект обращения в печать от имени О.Л.Р.С. (см. текст его выше, был приложен к письму; с некоторыми редакционными поправками обращение напечатано в «Русских ведомостях» за 1909 год, № 47.

3) Иван Алексеевич Белоусов (1863—1930) — поэт, переводчик Т. Шевченко, действительный член О.Л.Р.С. с 1905 г. Принимал близкое участие в издании обществом «Кобзаря» Т. Шевченко, М. 1911 г.; под его же редакцией издан товариществом «Знание» «Кобзарь» Т. Г. Шевченко в переводе русских писателей. Один из участников шевченковских дней в Москве.

4) Антон Иеронимович Калишевский (1863—1925) — библиограф и журналист, действительный член О.Л.Р.С. (1909—1911); с 1911 года — временный секретарь общества; автор статьи «Т. Шевченко» (к 50-летию со дня кончины Т. Г. Шевченко), напечатанной в «Русских ведомостях» за 1911 г., февраля 26, № 46.

5) Алексей Петрович Новицкий (род. в 1862 г.) — историк искусства.

6) Мария Адриановна Дейшасионичкая — знаменитая оперная певица.

7) Лидия Георгиевна Звягина — оперная артистка Московского Большого театра.

8) Трубин — известный оперный артист.

9) Вечер в Литературно-художественном кружке памяти Т. Г. Шевченко состоялся 19 марта 1909 г.; отчет о нем см. выше.

10) Марк Лукич Кропивницкий (1840—1910) — украинский драматург.

11 — 12) Николай Ильич Стороженко (1836—1906) — историк литера-

туры; действительный член О.Л.Р.С. с 1880 г.; временный председатель с 1884 по 1894 г., а с 1894 по 1901 г. — постоянный; с 1901 по 1906 г. — почетный член общества. На публичном заседании О.Л.Р.С. 6 ноября 1888 г., в день 100-летней годовщины со дня рождения М. С. Шепкина, делал доклад: «М. С. Шепкин и Тарас Шевченко»; кроме того, напечатал статью «Новые материалы для биографии Т. Шевченко», оттиск из «Киевской старины», 1900 г.

13) Федор Евгеньевич Корш (1843—1916) — профессор классической филологии, академик; председатель Московского комитета по организации шевченковских торжеств; в научном заседании, посвященном памяти Т. Шевченко 26 февраля, выступал с речью «Шевченко среди славянских поэтов» наряду с докладами Л. Крымского, А. И. Калишевского и других; его статья «Литературное и общественное значение Т. Г. Шевченко (1814—1914)» напечатана в «Русских ведомостях» за 1914 г. № 46.

14) Комитет по организации в Москве чествования памяти Т. Г. Шевченко особенно развил свою деятельность в 1914 г.: была открыта выставка памяти Т. Шевченко, проведено заседание в день смерти Шевченко, устроен большой спектакль и концерт с участием московских артистов, а также М. Лисенко и М. Садовского.

Центральной частью шевченковских торжеств явилось заседание в Московском университете, посвященное памяти Т. Г. Шевченко с докладом доцента всеобщей литературы А. В. де-ла-Барта о Т. Шевченко, после чего были заслушаны приветствия от различных делегаций, прибывших в этот день с Украины, а также с разных мест России, первым говорил представитель от московского городского управления.

И. Федоров,

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ УКРАИНЫ XVIII в.

СОБРАНИЕ Н. А. МАРКЕВИЧА

История украинского народа, полная ярких страниц, всегда глубоко волновала великого украинского поэта Т. Г. Шевченко. «Воспоминания о казацкой воле», в которых чувствуются у Шевченко «воспоминания всего народа» (А. М. Горький), — один из излюбленных мотивов его поэзии, и мы знаем множество произведений Шевченко, насыщенных историческим содержанием, — достаточно вспомнить хотя бы «Гайдамаков», эту замечательную поэму, где поэт с такой силой обрисовал героическую борьбу украинских крестьян в XVIII веке с злейшими угнетателями украинского народа — польскими панами.

Среди материалов по истории Украины, хранящихся в Отделе рукописей Всесоюзной библиотеки им. Ленина, на видном месте стоит так называемый «архив Маркевича», представляющий собой коллекцию, преимущественно, официальных документов, относящихся к истории Украины в XVIII веке и собранных известным в свое время украинским историком Николаем Андреевичем Маркевичем.

Шевченковский юбилей, без сомнения, пробудит интерес к познанию исторического прошлого украинского народа. Дать обзор ценного собрания Маркевича, заключающего в себе много до сих пор не использованных материалов украинской истории, представляется поэтому вполне своевременным, как и потому еще, что сам Маркевич, а по некоторым данным и его архив — были близко знакомы Шевченко.

Н. А. Маркевич (род. 1804, ум. 1860 г.) был известен как поэт, историк, этнограф и музыкант. Сын богатого помещика, он учился сначала на Украине, в частном пансионе Белецкого-Носенко, так-

же известного этнографа, а в 1817 г. приезжает в Петербург, где поступает в пансион при Педагогическом институте. Здесь в числе его воспитателей был В. К. Кюхельбекер, в будущем известный декабрист, которому и обязан Маркевич развитием своих литературных вкусов и первыми знакомствами в литературных кругах. Начав свою деятельность как поэт, Маркевич примыкает к романтической школе, занимается переводами Байрона и Шиллера (напеч. в журналах: «Новости литературы», 1825 г., «Славянин», 1827 г., «Московский телеграф», 1829 г. и др.), а в 1829 г. выпускает две книжки собственных оригинальных стихотворений («Элегии и еврейские мелодии»; «Стихотворения эротические и Паризина»). Наконец, в 1881 г. выходит сборник его стихов под названием «Украинские мелодии», в котором автор сделал попытку поэтической обработки украинского фольклора, народных легенд, поверий и исторических сказаний и впервые высказал свой интерес к украинской истории, дав в предисловии и примечаниях к этой книге подробные экскурсы в область истории Украины. Маркевич лелеет мысль в стихах «представить себе отечество в дни его прошедшие». Особенно привлекает Маркевича образ славного украинского героя Богдана Хмельницкого. «Хмельницкий один, — замечает он, — являет обширное поле для славы поэта... Если Берестечи были свидетелем неудачи Хмельницкого, — как величественно этот гений, истребительный для поляков, отомстил им в скором времени!»¹ Но намерение это —

¹ Предисловие к «Украинским мелодиям», стр. XXIV, XXVII.

дать в поэтической форме историю Украины — Маркевичу' осуществить не удалось. Углубившись в изучение истории родного края по летописям и другим источникам, Маркевич незаметно отходит от поэтического творчества и уже больше к нему не возвращается.

С 1830 г. Маркевич переезжает из Москвы на родину и навсегда поселяется в унаследованном от отца имении — Туровке, б. Черниговской губ. В 1842—43 гг. выходит его пятитомная «История Малороссии», явившаяся результатом переработки неопубликованной еще тогда «Истории руссов» — украинской летописи, составление которой приписывали Конискому. Начав еще в молодости собирать старинные документы и книги, Маркевич становится с течением времени страстным коллекционером и к концу жизни накапливает значительное собрание исторических документов, летописей, рукописных книг и прочего материала. Часть бывших в его распоряжении актов напечатана была им в приложениях к «Истории Малороссии» (т. 3 и 4), другая использовалась для различных его статей по географии, статистике, этнографии и истории Украины¹. Как историк Маркевич принадлежит к тем историкам младшего поколения, которые почти вовсе не владели еще умением критической обработки источников. «История руссов» — легендарная и весьма недостоверная, как было доказано позже, — была положена Маркевичем в основу своей «Истории Малороссии» потому лишь, что давала связное изложение внешнеполитических событий. Это изложение Маркевич постарался расцветить своим собственным воображением недавнего поэта-романтика, и следы романтизма настолько явны в

¹ Важнейшие работы Маркевича, кроме «Истории», следующие: «Большой исторический, мифологический, статистический и проч. словарь Российской империи» (М. 1836, не оконч.); «Народные украинские напевы, положенные на фортепиано» (М. 1840); «О климате Полтавской губернии» (1850); «О табаке вообще и в Малороссии в особенности» (М. 1853); «Реки Полтавской губернии» (в «Зап. Русск. геогр. общ.», 1856, кн. XI); «О народонаселении Полтавской губ.» (Киев 1855); «Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян» (Киев 1860); «Горкуша, украинский разбойник» (в «Русском слове», 1859, № 9, стр. 138—144) и др.

его труде, что последний может считаться более беллетристическим, нежели научно-историческим произведением. Документы даже собственного собрания использованы в этой «Истории» в очень незначительном количестве, да и то лишь как материал для составления различных статистических и хронологических сводок. Вопросы социально-экономического характера — внутреннего строя, классовых взаимоотношений на Украине и т. п., о которых главным образом и трактуют эти документы, — оставались вне поля зрения Маркевича, и, естественно, поэтому, что последние не могли быть должным образом использованы их владельцем. Правда, в последние годы жизни Маркевич работал над «Историей монастырей в Малороссии», в которой думал подробно осветить и вопросы их экономического быта; но эта работа осталась незаконченной¹.

«История» Маркевича не произвела большого впечатления на современников и была скоро забыта. Гораздо более ценны работы Маркевича в области украинской этнографии; он был одним из пионеров собирания памятников народного творчества и, в частности, оказал, по словам П. А. Корсакова, «истинную услугу отечественной музыке, приступив к изданию в свет малороссийских народных мотивов»².

Шевченко знал и ценил Маркевича главным образом как поэта, притом поэта, высказывавшего в своих стихах глубокую привязанность к украинскому народу, к его культурным и историческим традициям. В известном своем стихотворении, посвященном Н. А. Маркевичу и написанном в 1840 г., ко дню именин последнего³, Шевченко так и называет его: «бандуристе, орле сизий». Стихотворение написано было в Петербурге, куда в этом году приезжал ненадолго Маркевич, обычно очень редко выглядывавший из своей Туровки; оно пренеполнено жалоб на личную судьбу поэта, на невозможность для него вместе с Маркевичем «лететь на Украину», ибо

¹ См. об этом Журн. Мин. нар. просв., 1911, кн. I, стр. 135—136. Рукопись этой неоконченной работы находилась у историка А. М. Лазаревского.

² «Маяк» 1840 г., ч. VI, гл. IV, стр. 94.

³ Опубликовано впервые в журн. «Молодик», 1843, ч. II; вошло в позднейшие издания «Кобзаря».

І на Україні
Я сирота, мій голубе,
Як и на чужині...

Знакомство между Шевченко и Маркевичем состоялось, вероятно, в конце 30-х годов, на Украине, в имении известного мецената, помещика Тарновского, — Качановке, где часто собирались и подолгу гостили Гоголь, Е. П. Гребенка, Глинка, Н. А. Маркевич, пианист Дрейшок и другие. Бывал здесь и Шевченко. Позже он писал сыну Н. А. Маркевича — А. Н. Маркевичу: «З батьком твоім, друже мій, ми були колись великі приятелі і стрічалися з ним не в одній Качанівці»¹. Не лишенный поэтического дарования, хороший знаток украинской старины и народного быта, Маркевич не мог не сдружиться с Шевченко, и взаимные симпатии существовали между ними, кажется, долгое время. Бывал Шевченко и в Туровке, где хозяин имел обыкновение каждого гостя знакомить прежде всего с главным предметом своей гордости — архивом, собиравшимся долгие годы. Едва ли не знакомство с этим архивом дало повод Шевченко написать однажды Н. А. Маркевичу шутовское письмо, составленное в форме старинного гетманского универсала, которых так много хранилось в маркевичевском архиве. Письмо написано от имени «по милости господней гетьмана», как называет себя в нем Шевченко, адресовано «великомулю панови, генеральному обозному Маркевичу, добродієви, в Туровку» и содержит краткое приглашение: «щоб ви — генеральний обозний прибули до нас, — сьогодні, коли можна, а не то завтра — у Безбуховку — до гетьмана Т. Шевченко», который подписался «рукою власною»². Письмо это, удачно пародирующее традиционные формы гетманских посланий, как

они писались в XVIII в. (Ив. Скоропадским, Дан. Апостолом), свидетельствует о знакомстве Шевченко с подобного рода документами, приобретенном, скорее всего, в архиве Маркевича.

Общее представление об архиве Маркевича легче всего составить из истории этого архива, которая довольно интересна. Начало ему было положено дедом Маркевича И. А. Маркевичем, бывшим, не меньше внука, страстным библиофилом и собирателем старины. «В Глухове, в упраздненном Преображенском монастыре, — рассказывает о нем последний, — в погребах отыскалось необыкновенное множество бумаг. Значительную часть из них дед мой перевез к себе. Пока он собирался забрать остальные, их растаскали на обертки мыла и свеч, и долго спустя еще по лавкам отыскивались драгоценные автографы. Вероятно, архив глуховский недостаточен был для помещения этих бумаг, и частью их наполнили подвал девичьего монастыря». От дальнего своего предка — А. М. Маркевича, — занимавшего в свое время должность генерального подскарбия и ведавшего всеми финансовыми делами так наз. «малороссийского скарба», И. А. Маркевич получил по наследству значительное собрание документов, главным образом финансово-го характера. Все эти старинные документы, собранные дедом, достались по его смерти Н. А. Маркевичу, которому было тогда 16 лет. С этих пор и вплоть до самой смерти Н. А. Маркевич неустанно заботился о пополнении своей коллекции, собирая документы повсюду, где и как только было можно. Он рассказывает, как в 1822 г., состоя на военной службе и будучи послан однажды с каким-то поручением, он должен был проезжать через деревню Ташань б. Переяславского уезда, принадлежавшую гр. С. П. Румянцеву. Узнав, что здесь жил когда-то сам П. А. Румянцева-Задунайский, он решил осмотреть усадьбу, для чего, как ему сообщили, нужно было обратиться к старому, пережившему своего хозяина, слуге-карлику П. А. Румянцева, у которого хранились ключи от дома и от библиотеки. Услышав это магическое для него слово, Маркевич немедленно отправился к нему. «Можно судить о количестве любознательности моих, — рассказывает он далее. — С помощью их я привез в свой архив столько фельд-

¹ Письмо датировано 22 апр. 1857 г. и написано Шевченко из ссылки, из Новопетровской крепости. Было опубликовано впервые в «Основе» (1862, № 5, стр. 8—9), с ошибочным указанием адреса — отца, вместо сына, как «письмо к Н. А. Маркевичу».

² См. Повне зібрання творів Тараса Шевченко. Т. III. Листування. Держ. вид. України, 1929 г., стр. 17—18. Письмо датировано 22 янв. 1844 г. Ответ Маркевича, написанный в стихах, в котором тот советует Шевченко: «Не дуже гетьмануй, а більше кабакуй», помещен там же, на стр. 220—221.

маршальских автографов и планов, сколько мог поместить в экипаже. Правда также, что прежде меня многие выкидывали такую же проделку, и я нашел архив в нестерпимом беспорядке. Зато я три раза, в разные времена, повторял то же. Годом раньше Маркевичу удалось получить от дальнего родственника гетмана И. И. Скоропадского — Мих. Мих. Скоропадского, «два сундука старинных бумаг», оставшихся от гетмана, а затем им была приобретена рукописная коллекция И. Ф. Богдановича. Богатое собрание автографов подарил Маркевичу гр. Н. Н. Гудович, в бумагах которого было много документов деятелей XVIII века, в особенности начиная со времени царствования Анны Ивановны. В разное время Маркевичу было подарено еще много ценных документов целым рядом лиц, а именно: митрополитом киевским Самуилом Миславским, П. А. Нововым, Данчицем, П. П. Белецким-Носенко, Л. О. Миницким, П. Н. Горленко и другими. В результате архив Маркевича вырос до шести с лишним тысяч номеров, среди которых находились как отдельные документы, так и целые комплексы их, вплоть до самостоятельных и законченных дел; некоторые из этих дел насчитывают до нескольких сот листов. Маркевич весьма заботливо относился к своему собранию; оно находилось в хорошем порядке, было систематизировано, и владелец составил даже для него подробный каталог. В 50-х годах Маркевич, имевший, по его собственным словам, «постоянное намерение сделать доступным для каждого драгоценные рукописи», ему принадлежавшие, задался целью издать документы своего архива. Первый раз он поместил заметку в «Отечественных записках» (1851, № 2, отд. VIII, стр. 328—336), в которой, изложив «для удовлетворения любопытства людей просвещенных» историю своей собирательской деятельности и наметив план издания, предлагал всем желающим принять участие если не в самом издании, то в подписке на него. Предполагалось выпускать ежемесячно по одному тому; образцом должна была послужить «Древняя российская вивлиофика», издававшаяся в XVIII в. Н. И. Новиковым. Редакция «Отеч. записок» брала на себя роль посредника. Спустя некоторое время быть участником изда-

ния согласился А. А. Краевский (издатель «Отечеств. записок»). Маркевич должен был приехать в Петербург, но внезапно тяжело заболел, и дело приостановилось. Болезнь уже не оставляла Маркевича, и в 1859 г. (за год до смерти), вынужденный окончательно отказаться от мысли лично заняться публикацией своих документов, он снова обращается, на этот раз через журнал «Современник» (1859, т. LXXIV, № 4, стр. 352—356), с предложением ко всем желающим, будет ли это частное лицо или какое-либо общество, приобрести от него право на издание архива. Маркевич соглашался даже уступить архив в полную собственность, ставя условием одно лишь то, чтобы издание носило название «Маркевичевского архива». Говоря о вознаграждении за свое собрание, которое «сберечь, утроить, учетверить и привести в порядок было делом всей моей жизни», по его признанию, он предупреждал, что не поставит «условий отяготительных для приобретателя». Свой архив Маркевич характеризовал как «собрание материалов богатое, полное живого интереса, разнородное, полезное для истории, статистики, этнографии, художеств, увлекательное для романиста, музыканта, поэта, живописца и едва ли имеющее себе подобное в руках частного владельца». Обращаясь прежде всего к «главным проводникам отечественного просвещения, г.г. издателям ученых и литературных журналов», Маркевич выражал уверенность, что предлагаемое им издание «не залежится». Однако надеждам его не суждено было сбыться; в следующем году Маркевич умер, и вопрос об издании его документов более не поднимался. Архив перешел сначала в руки одного из близких друзей Маркевича — И. Л. Лукашевича, но тот умер вскоре после смерти первого, в том же году, и как свое собственное собрание, так и архив Маркевича завещал между оставшимися после него четырьмя малолетними дочерьми¹. Архиву грозила опасность раздробления и дальнейшей продажи по частям. К счастью, этого не случилось. В начале 70-х гг. он был

¹ За это его потом весьма порицал М. А. Максимович, когда писал 14 дек. 1860 г. о смерти их обоих Тарасу Шевченко. (См. цит. издание писем Шевченко, стр. 337.)

приобретен вместе с библиотекой и собранием И. Л. Лукашевича б. Румянцевским музеем, на личные средства служащего музея В. А. Куманина¹.

А. Грушевский в своей статье о Маркевиче² писал, что собрание Маркевича, находясь у Лукашевича, подверглось расхищению и поступило в Румянцевский музей «в общипанном виде». Заявление это не соответствует, однако, действительности. По описи, составленной для своего архива самим Маркевичем, значилось 6047 №№; опись, находящаяся в настоящее время в Отделе рукописей библиотеки им. Ленина, включает в себя 5741 №. Таким образом 95% архива сохранилось и существует в наличии. Но процент этот будет еще выше, если учесть тот факт, что ряд единиц маркевичевского собрания перешел в собрание Лукашевича (летописи, рукописные книги и пр.), что было сделано или самим Лукашевичем, или лицами, производившими разборку этих собраний по их поступлении в музей и формировавшими оба собрания по внешней однородности входивших в них материалов.

Эти недостающие номера хранятся, таким образом, здесь же, но только в другом собрании — И. Л. Лукашевича³.

¹ См. отчет Моск. Публ. и Румянц. музеев за 1870—1872 гг., М. 1873.

² Журн. Мин. нар. просв. 1911, кн. I, стр. 59—141.

³ Собрание И. Л. Лукашевича, состоящее преимущественно из рукописных церковных книг, содержит в себе следующие исторические материалы: описи малороссийских полков: Прилуцкого 1720 г., Миргородского 1735 г., Переяславского 1736 г. и Лубенского; справочную книгу Прилуцкого полка 1694—1717 г.; Ведомость прихода и расхода Малороссийского скарба за январь 1726 г.; Журнал генерального хорунжего Яким Горленко за 1736 г. (127 л.); дело о разбойнике Горкуше 1782—1785 гг. (в 3 тт., содержащих следствие, показание, улики, экстракты из дел, суд и приговор), — поступившие из архива Маркевича, а также бывшие в его собственном собрании списки украинских летописей (Григ. Грабянки, список середины XVIII в.; «Летописец Краткий», 1753 г.; «История Малороссии», доведенная до 1654 г., петровского времени; «Краткое описание военных дел Малой России по 1725 год», 1822 г.; «Краткое описание малороссийского казачьего народа... по 1761 г.» Сымоновского, 1769 г., на 337 л.); несколько русских хронографов и лето-

Лишь очень незначительная часть архива (3 книги генерального следствия о маетностях — по Стародубскому, Черниговскому и Нежинскому полкам и некоторые другие документы) перешла в библиотеку б. «коллегии Павла Галагана» в Киеве. и еще меньшая была подарена при жизни Маркевичем разным лицам.

Материалы Маркевичевского архива по своему содержанию могут быть разделены на две части. Одна из них касается истории Украины в XVIII в.: ее внутреннего строя, управления, народного хозяйства, социальных взаимоотношений и т. д., другая же, касаясь Украины, в территориальном отношении, имеет большее значение для всей бывшей Российской империи в целом; к этой части относятся материалы по истории войн XVIII в., внешних сношений России с другими государствами, материалы по истории русской армии и пр.

Материалы, относящиеся к истории Украины, весьма разнообразны. Из них в первую очередь заслуживают упоминания документы по истории полков (Киевского, Полтавского, Черниговского, Миргородского, Гадяцкого, Лубенского, Стародубского, Прилуцкого, Нежинского и Переяславского), лежавших в основе административно-территориального деления Украины до распространения на нее в 1782 г. так называемого «учреждения о губерниях».

Эта группа документов насчитывает до нескольких сот номеров и содержит весьма ценные сведения о социальном составе населения Украины в различные периоды XVIII в., о положении казачьей старшины, казаков, посполитых крестьян, о внутреннем управлении, о занятиях населения, повинностях, лежавших на нем,

писцев; несколько сочинений Симеона Полещкого, иеромонаха Стефана Прибыловича, киевского митрополита Самуила и др., и ряд литературных произведений («История об Оттоне, цезаре Римском», XVII в.; «История о Календере, цезаревиче Греческом, и о Неонилде, цезаревне Тренизонской, полов. XVIII в.; «История о принце военном и о принцессе желанной». XVII в.; сборник повестей и апокрифических житий 1747 г.; «Горпинида, или вхопленная Прозерпина», поэма в трех песнях Павла Б. Н., с подстрочным русским переводом, и пр.).

и т. д. Составлявшиеся в разное время ведомости о состоянии полков, отчеты о раскладке и сборах повинностей, подворные переписи дают превосходный статистический материал для характеристики того постоянного процесса расслоения казачества на «можных» и «нищеных», который особенно усилился в XVIII в., приведя в конце концов к выделению, с одной стороны, немногочисленной казачьей верхушки во главе со старшиной — и безземельного и поработанного ею остального казачества, с другой. Здесь же содержатся многочисленные данные и о посполитых, этих когда-то свободных, хотя и сидевших на владельческих землях крестьянах, закрепощение которых в XVIII в. идет неуклонно, пока не завершается в 1783 г. изданием указа Екатерины II об уничтожении «вольного перехода». К 1729 г. относятся, например, «перечневые ведомости 3 ревезиальных книг», содержащие «народосчисление по полкам» (№ 3386)¹. Из них видно, что, например, в Полтавском полку было казаков: «можных и середовых» — 1 983, «убогых и нищеных з вдовами и подсосудками» — 9 066. Насчитывалось, кроме того, «куреничов владельческих» — 149 и 28 «протекциальных казаков». Что касается посполитых, то среди них «заможных и середовых» было 1 993, «убогых и весьма нищеных з подсосудками» — 9 959, «загородных з фолварках владельческих» — 169 и числилось, наконец, 21 заможных и 62 убогих «дворян пана полковника Кочубея».

Ту же картину обнищания и зависимости преобладающего количества населения как среди казаков, так и посполитых представляют и все другие полки, давая лишь различные терминологические определения этим неимущим классам, которые в одном случае называются «убогые весьма и огородники», в другом «весьма убогие, огородники и подсосудки», в третьем «убогые, безгрунтовые, пешие, вдовии и подсосудники» и т. д. С потерей большинством казаков своей экономической самостоятельности превращается все более в фикцию выборность старшин; все войсковые «уряды» от сот-

ника до высших должностей захватываются богатыми, «можнейшими» казаками, использующими эти должности для еще большего своего обогащения и закабаления рядовой массы казачества. Широко практикуется раздача должностей за взятки. Самые выборы, если не превращаются в пустую формальность, зачастую упраздняются. Массы вынуждены терпеть это своеволие старшин, но их возмущение не раз прорывалось. В одном из документов (№ 37) говорится, например, о том, как в 1719 г. полковник киевский Антон Танский послал своего подчиненного Ханенко в Носовку, чтобы вручить там некоему Былине сотенную хоругвь. Но лишь только он, по прибытии туда, начал читать универсал, «товариство взбунтовалось», — казаки вырвали из рук Ханенко и истоптали универсал, изломали хоругвь, а его самого не только «безчестно конфундовали», но чуть не убили, решив «своей волей» избрать в сотники Шаулу-Ворошила. Былине тоже досталось: казаки и его «хотели убить». Для характеристики отношения старшины к казакам любопытен другой документ (№ 3), в котором говорится о сотнике Лисовском, который, как только вступил на уряд, начал «людей сотни своей ганыты, озлобляты и утисняты, грунта их власные отниматы..., людьми и подводами отбуваты к себе в работы-зну» (1713 г.). Жалоб казаков на старшину, подобных этой, весьма много. В 1723 г. жалуются на Лизогуба, который, получив власть, «подгорнул село Семаски», которое «еще за Жигимонта по правде служило войску», — т. е. было свободным, — «себе в подданство». В 1718 г. казаки сотни Новомлинской жалуются на сотника Тишкевича за «утеменжене (утенение), озлобление и бесчестие, що яко есть вельце праву давнему и волностям козацким противно и погришительно» и т. д. Старшина и так называемые державцы маестностей путем различного рода ухищрений, частных кабальных земельных сделок и прямым насилием подчинили, «подгорнули себе в подданство» в XVIII в. значительную массу казачьего населения. Многие из посполитых, как мы это узнаем из документов, оказываются, были в очень недавнем прошлом казаками и, однажды потеряв свою экономическую самостоятельность, они пока, правда, не теряют еще надежды на

¹ Здесь и далее указываем номер документа по описи Маркевичевского архива, хранящейся в Отделе рукописей.

«отыскание» своего бывшего «козацтва», обращаясь в суды с жалобами и прошениями, но добиваются этого лишь в очень немногих случаях. В документах, собранных Маркевичем, как и во всех других архивах с украинскими материалами XVIII в., в большом количестве встречаются «следствия» и «розыски» о посполитых, доказывающих свое «козацтво» (№№ 2063 — 2080, 2087, 2437 — 2461 и др.); они весьма интересны, причем не только для характеристики классовых отношений на Украине, ибо допросные речи жалобщиков содержат обычно много фактического материала о казацких походах, войнах и различных других событиях, сохранившихся в народной памяти.

Для характеристики положения посполитых, кроме упомянутых, интересны следующие документы: № 25 — декрет генерального хорунжего Ивана Сулимы об обязанностях жителей села Лобков в отношении к их владельцу. Эти обязанности сформулированы здесь так: «пахаты на жито три дни гуртом, сина косыты тыж ден вси гуртом, копь як житых так ярных повинны три дни возыты вси гуртом, потом уже переминою; сина возыты три дни гуртом, конопел браты два дни» (1716 г.). К 1725 г. относится жалоба (№ 95) графа Г. В. Рагузинского на подданного своего Хандогу, который перешел от него в сотню Погарскую «с женой, детьми и всеми пожитками», набрав якобы у него «товару на сорок рублей». Последним обстоятельством мотивируется просьба о возвращении крестьянина на прежнее место. В 1775 г. на имя гр. Румянцева, малороссийского генерал-губернатора, поступил целый ряд коллективных просьб от украинского шляхетства об уничтожении вольного перехода посполитых от одного владельца к другому. Из этих, весьма интересных для историка, прошений в архиве Маркевича находится шесть, поданных от «шляхетства и предводителей полков» Прилуцкого (№ 2533), Стародубского (№ 2536), Миргородского (2537), Глуховского (2538), Полтавского (2539) и Нежинского (2540). В них содержатся также просьбы об утверждении за шляхетством пожалованных ему от гетмана имений, вместе с землями, приобретенными по частным сделкам, об «уравнении чинов малороссийских с ве-

ликороссийскими» и др. Аналогичные прошения имеются и за более ранние годы.

Значительный интерес представляют документы, говорящие о налогах, собиравшихся царским правительством с казачьих полков и делавших еще более невыносимым положение казаков и свободных еще посполитых. В одном из таких документов — Ведомости о получении казенных акцизов и сборов по Прилуцкому полку (№ 2729) — подробно перечислены все налоги, взимавшиеся с казаков: куфные, скатные, дегтевые повинности, с винокурен, с ратушных сел, покотанщина, ярмарковые, чиншевые, мельничные, от скота, со свадеб и т. п. №№ 686, 690, 898 — 899 касаются сбора «пчелиной десятины», №№ 2101 — 2102 и др. — дорожной повинности, №№ 1720, 2689 и др. — о сборах хлебных и покуховных. Любопытные сведения о том, как производилась раскладка этих повинностей, заключаются в целом ряде документов (№№ 1695, 1734 и мн. др.).

Беспрерывные войны времен царствования Анны, Елизаветы и Екатерины II также ложились непосильным бременем на плечи трудящихся масс Украины. Казаки массами выгонялись на линейные работы, должны были «чинить города», крепости, поправлять дороги, мосты, а при Петре I их отправляли еще на «канальные работы». Многие документы повествуют об условиях труда на этих работах, другие касаются сыска беглых — весьма многочисленных, с «линейных работ», мер для их возвращения и наказания и т. п.¹

Наконец, едва ли не самой обременительной для населения была в то время постоянная повинность вместе с провиантской повинностью. В постоянном ожидании открытия военных действий то с татарами и турками, то в Польше или Пруссии, царское правительство должно было все время держать на Украине громадное войско. Расквартирование этой армии, снабжение ее провиантом, фуражем целиком ложилось на обязанности населения. Солдаты вели себя здесь как в завоеванной стране; сверх положенных «порций и раций» они тащили и грабили у казаков хлеб, скот, домашнюю пти-

¹ Например, №№ 599—606, 1521—1535, 2763 и др.

цу, сено, рубили сады и изгороди, чинили всякие дасилия. Особенно отличались иноземные, наемные части, которых много было тогда в русской армии: мекленбургский корпус, «сербские гусары» и т. п. Жалобы на бесчинства «консистентов» сохранились во множестве. В одной из них крестьянин Ширай из местечка Баклани жалуется на майора Бреймера, который, ночуя у него две ночи, скормил 6 четвертей овса, давал овес другим офицерам, сена тоже сколько хотел брал и за все это заплатил только 60 коп. (№ 90, 1733 г.); другой документ говорит уже о прямом разбое, чинившемся крестьянам со стороны наемных немецких войск: сотник Христичевский доносит (№ 91) о том, что солдат Мекленбургского корпуса, команды майора Лефле, «обидел» казака Охонченко, который, увидев однажды, как «онный солдат дочок его по двору, не пуская в хату, гоняет», сказал ему, что «тебе де если чего не дано, то требуй у мене, а дочок моих не займай». В ответ солдат вынул шпагу и пронзил ей казака в грудь так, что тот, выбежав из избы, упал и тут же умер (1734 г.). Майор Мекленбургского же корпуса — Финик, квартировавший в Погарской сотне, кроме других утеснений, не позволял пастись на погарских лугах обывательскому скоту, приказав скот стрелять, а людей бить, если будут переходить за тычки, поставленные вокруг «стена». Лишенный травы, казачий скот начал гибнуть; тогда жители решили показать немецкому офицеру какой-то указ Петра I, но тот не стал его и слушать, сказав: «Полно читать! Что ты мне, дурак, читаешь? Жалуйся на меня, а я того указа не слушаю...» (№ 279, 1734 г.). В документе, озаглавленном «О консистенции шести драгунских полков, генералитета и частей Мекленбургского войска» (№ 715, 1732 г.) содержится 12 пунктов, посланных к киевскому губернатору гр. Вейсбаху с изложением всех правил раскладки провинтской повинности и отбывания постоянной повинности. К 1733 г. относится интересная жалоба гетмана Даниила Апостола на «отягощение Малороссии линейными работами, постоями, подводами, выдачею бесплатною» и пр. №№ 480, 746—749, 904 и мн. др. дают также богатый материал по этому вопросу.

В тех же документах полков содер-

жатся многочисленные данные для характеристики положения старшины, о размерах земельных владений отдельных ее представителей. О гетмане И. И. Скоропадском, например, узнаем из ведомости о его движимых и недвижимых имуществах, составленной дочерью после его смерти (№ 1892), что у него было 56 сел, и еще дворцов, хуторов и фольварков — 43; мельниц-поставов — 96, винокурных котлов — 101. Подробно перечислены также находившиеся в его владении сенокосы, табачные, поташные, пеньковые фабрики и пр.¹ №№ 3429—3436 заключают сведения о маестностях (земельных владениях), розданных гетманом Д. Апостолом. Сведения о маестностях ряда богатейших украинских фамилий (Лизогубы, Стороженки, Полуботки) дают №№ 352—355, 849, 3429—36, 5440—96, 5454, 5455 и др. О земельных владениях русских помещиков на Украине в царствование Анны Ивановны находится материал в составленных на основании ревизии 1734 г. ведомостях «сколько описных сел и деревень и в них дворового числа в малороссийских полках имеетца за великороссийскими персонами». Среди этих «персон» оказываются прежде всего сама императрица, за ней цесаревна Елизавета, «верховник» граф Г. И. Головкин, графы Толстые и Шереметевы, князья Шаховские и Барятинские, граф фон Вейсбах. После них видим более мелких владельцев: «гостиной сотни путивльского человека» Курдюмова, генерал-квартирмейстера Штофеля, капитана Мекленбургского корпуса Ланкова, капитана сербского гусарского полка Ивана Божича, даже «майоршу Хераскову» и «копииста канцелярии министерского правления» Козловского (№ 3445).

Для истории внутреннего строя, организации власти на Украине в XVIII в. важны следующие документы: грамоты об избрании гетманов (Петра I — № 2435, Елизаветы — № 2557), инструкция стародубскому полковнику А. Дурову от гр. Головкина 1730 г. (№ 2553), отдельные универсалы и «промемории» гетманов (И. Скоропадского, Д. Апостола, гр. К. Г. Разумовского), а также №№ 2973 (о правах и обязанностях генеральных писарей); 1926 (спи-

¹ Другой реестр селам и деревням Скоропадского содержится в документе № 2917.

сок всех полковых служителей по переславскому полку; 373, 544, 675—678, 746, 2691 (о выборах старшины, формальностях, соблюдавшихся при этом, избирательных правах казаков и пр.); 607, 650, 667, 746 (о выборах и функциях полковых комиссаров) и т. п. Деятельность гетманской власти и центральных правительственных учреждений (Малороссийской коллегии, Генеральной войсковой канцелярии) находят богатое отражение во множестве документов, особенно в универсалах, письмах и других бумагах таких лиц, как И. Скоропадского, Д. Апостола, графа К. Г. Разумовского, Вельяминова, графа П. А. Румянцева и др.

О судоустройстве и судах на Украине в XVIII в. можно найти данные в №№ 750 (универсал гетмана Апостола о правде в судах, 1730 г.), 751 (инструкция для управления в судах), 2660 (о своде законов малороссийских) и др.

№№ 1932—2015 содержат распоряжения и иные бумаги генерального подскарбия М. В. Скоропадского за 1749 г., представляющие интерес для истории финансов.

Немаловажные материалы встречаются в ряде документов относительно промышленности на Украине в тот же период времени: пеньковой и канатной (1239, 1240, 1273 — между прочим о Почепской канатной и парусной фабрике, принадлежавшей князю А. Д. Меншикову), соляной (2534 и др.), поташной (310 и др.), гончарной (234—5, 1728, 1732 и др.), кожевенной (1252), селитроваренной (2091, 3107—3113), винокуренной (454, 461, 692), о коннозаводстве (512, 3035), рыболовстве (444), огородничестве (259) и других занятиях жителей. В других бумагах говорится о торговле на Украине (№ 503 — о хлебной торговле, 321, 332), о ярмарках (№ 463 и др.), о внешней торговле с турками и татарами (560), с греческими купцами (2680), о таможенных сборах («индуктовые» и «эффектовые» повинности 1,640 и др.) и т. п.

Интересующий историей городов Украины, их устройством и управлением (многие из них на всем почти протяжении XVIII в. пользовались магдебургским правом), положением городского населения найдет в собрании Маркевича много ценного по истории Киева, Глухова (1658—9, 2566—7), Нежина (1238, 1252,

1274, 2568—91, 2713), Гадяча (260), Прилук (2531—2) и всех почти других крупнейших украинских городов. Назовем также интересные №№: 502, где содержатся данные о привилегиях и правах городского населения, № 429, в котором приводится картина бедствий горожан, обремененных всевозможными повинностями деньгами и натурой, №№ 1650—1665 (о починке городов по различным полкам).

Для истории полков укажем еще на №№ 1721—1730, важные для истории финансов, промышленности некоторых полков и заключающие в себе содержательный статистический и иной материал самого разнообразного характера: №№ 330, 1305, 1307 (по Гадяцкому полку), 624, 1627, 1719, 1724 (Лубянскому полку), 737, 1640, 1683—1685, 1698 (Прилуцкому), 1304, 1613—1617, 1631, 1689 (Стародубскому), 1309, 1310, 1312, 1632, 1638 (Переяславскому), 1308, 1636—1637 и др. (Миргородскому), 1627, 1663, 1695 и др. (Нежинскому), 1629 1660 и др. (Черниговскому), 1706 (Полтавскому) и т. д. и т. д.

К особой группе в архиве Маркевича (до тысячи отдельных документов) принадлежат бумаги монастырей, всех почти существовавших на Украине в XVIII в., а именно: Киевопечерского (лавра), Киево-выбратского, Красноостровского Рождественского, Межигорского, Мутинского, Выдубицкого Михайловского, Лебединского Николаевского (киевская епархия); Петропавловского Глуховского, Никольского Макошинского, Онуфриевского Моровского, Новгород-Северского Спасского, Елецкого Успенского, Крутицкого Батурицкого, Рувимо-Сосницкого, Троицкого Ильинского, Харлампиевского Гамалеевского, Рыхловского Николаевского, Каменского Успенского, Пятницкого девичьего Новомлинского, Андрониковского, Макаковского, Суражского (Черниговская епархия); Красногорского Гадяцкого, Скельского, Густынского Прилуцкого, Ладинского, Михайловского Переяславского (Полтавская епархия) и мн. др. Среди этих документов на первом месте по количеству стоят универсалы, купчие крепости и др. акты на земельные владения как в подлинниках, так и в копиях, начиная с середины XVII века, дающие превосходный материал по истории монастырского землевладения, самого крупного на Украине в XVII—XVIII веках. Богдан Хмельницкий, уничтоживший на

Украине польское крупное землевладение, не затронул, как известно, земельных имуществ монастырей, которые продолжают округляться и расти вплоть до того момента, как у них появляется соперник в лице оформляющегося украинского шляхетства. Раздача угодий монастырям, начавшаяся еще до Хмельницкого, производится всеми гетманами; в документах Маркевича находится множество выданных монастырям универсалов: И. Брюховецкого, Выговского, Д. Многогрешного, И. Самуиловича, И. Мазепы, И. Скоропадского, а также большое количество жалованных грамот Алексея Михайловича, Иоанна и Петра Алексеевичей (конца XVII в.). Приведем образчик такой грамоты: например, жалованной грамотой Иоанна и Петра от 11 марта 1689 г. утверждаются за Крутицким монастырем в Батурии «владение Пущею с Борми, почав от озера Стучок до Бортого дуба с санными покосы и озерами», деревни «Старое, Заборощное, Кривое, Лозовицы и Осеча с лесом по озеро Усорог, сельцо Обмачев со всеми пожитки, Красный Борак с мельницею в Веровце..., да над рекою ж Сеймом, да Лицетовщину, шляхеткой земли футор с полем и с санными покосы и озера, да на реке Ромне мельницу-вешняк со всеми пожитки и с лесом за Липовым и под тою рекою кут к той же мельнице с санными покосы и с островом против Коренецкой; да в селе Хмилове сечь с садом со пчелами, с санными покосы и пруды, да две мельницы-вешняки с прудами с померним оброком и с лесом и около тех прудов на обеих сторонах от Смелова и от Хмилова горою..., да село Хмилово, да два сельца во Вруцком повете...» и т. д. Из нескончаемых земельных тяжб, жалоб и прошений монастырей на имя гетманской власти также можно почерпнуть обильный материал, характеризующий монастырское землевладение. Из ряда других документов можно заключить о высоко развитом хозяйстве монастырей, на землях которых жили в качестве подданных не только крестьяне, но и ремесленники. Из одной грамоты, касающейся Рувимососницкого монастыря, узнаем, например, что у него было «в замку Сосницком чтиринадцать хат, а под сим монастырем на горе Сосницкой пять дворов поданных и в самой Соснице два ремесники ковал и гончар». Документ № 2530 представля-

ет собою «опись заводов конских и конюшенных лошадей, имеющихсЯ при монастырях», а в № 1177 читаем о том, что Черниговскому Троицкому монастырю принадлежала Яриловицкая рудоконья. Но особенно сильно были развиты при монастырях винокурение и торговля горелкой — шинкарство, являвшиеся для монахов одной из доходнейших статей. Многими монастырями этот род занятий был захвачен в монопольное обладание: в доношении к гетману настоятель Елецкого Успенского монастыря слезно просит о запрещении «самовольного шинкования горилки посторонними людьми», наносящими этим монастырю «разорение» (1739 г.). Не менее любопытно доношение архимандрита Харлампиевского Гамалеевского монастыря Германа Конашевича А. И. Румянцеву (1738 г.), в котором он, сообщая о случившемся в монастыре большом пожаре, просит разрешения завести винокурение «хоть на два котла», без чего «пропитания монахам и работникам взять неоткуда». Большие доходы приносили монастырям и ярмарки, устраивавшиеся в них по нескольку раз в год, по праздникам; о них мы находим интересные подробности в нескольких документах (№ 463 и др.).

Угодья обычно жаловались монастырям «со всеми посполитыми людьми в вечность». Именно на монастырских землях развивается ранее всего крепостное право, ранее всего делаются попытки ограничения для посполитых права свободного перехода. Эксплуатация крестьянства на землях монастырей была вместе с тем особенно свирепой: крестьяне были обязаны оказывать монахам «всякое послушество», делать всякую работу, да сверх того еще платить множество всяких сборов и налогов. Интересные сведения находим в архиве Маркевича и относительно беглых «великороссийских крестьян», осевших в монастырских селах. Стремления монастырей к приращению своего имущества и доходов шли далее в направлении захвата казацких земель с их населением. Какими методами действовали при этом монахи, можем узнать, например, из следующего замечательного документа (№ 216), относящегося к 1730 году. Казаки сотни Иванпольской жалуются в нем гетману на монахов Новгород-Северского монастыря, которые, «дочувшись, що як диды и от-

ци наши в разных походах службу козачую одбывали и мы похотили такожъ служить», «напали ночью, иных повязавши козаков били без пощады, отправили в монастырь Новгородский в турму, а быдло, кони, товар рогатый, овцы, свиньи... до монастыря своего отобрали»; казаки просят далее, «дабы черницы болше нас не мучили». В челобитной игуменья Черниговского Пятницкого монастыря Фотинии к гетману говорится о крестьянине Звонченко, отыскивавшем казацкого звания, тогда как, по словам просительницы, «с давних лет и дед и отец его мужиковали в монастырской деревне Березовке» (1729 г.). Очень интересно также прошение к гетману архимандрита Троицкого Ильинского монастыря Германа Кононовича о непозволении жене генерального обозного Якова Лизогуба покупать у казака Гавриличенко землю в соседстве с монастырскими дачами (1733 г., № 189). Борьба за право эксплуатации казацкого населения между монастырями и старшиной, которая видна здесь, проявляется еще более ярко в других документах. В жалобе той же игуменья Фотинии (1728 г.) упоминается сотник Василий Корсаков, который возмущал против монастыря крестьян, записывая монастырских подданных в казаки и научая их, «чтоб они обыкновенной осеньщины на монастырь не отдавали, жадной повинности не отбывали и на консистентов (постояльцев) не давали...» Не вполне ясно, в чьих интересах — казацких или своих собственных — действовал сотник ямпольский Михаил Оболонский, возмущавший людей Новгородского Спасского монастыря и «правной сатисфакции», против которого просил у гетмана архимандрит Нил (1730 г., № 194). Из письма Нила следует, что Оболонский «грозно приказывал бити до смерти хто бы в село явился из монастыря, не токмо из менших, но и намесника де и архимандрита бийте заровно...» Крестьяне действительно взбунтовались, и усмирять их был прислан сотник новгородский. Нил выражает благодарность за «укрошение подданных», но сообщает, что и «до ныне дворов несколько виховских осталось непокоривых... а взяти их и представить суду яснейшности вашей нельзя, понеже вооруженни косами крыються днем в

пущи, а в ночи, пришедши в село, возмущают смирившихся людей...» Бунты монастырских крестьян были довольно частым явлением; этого вопроса касаются еще документы №№ 702, 1550, 2990 и др.

Для характеристики нравов духовенства и положения монастырских подданных интересно письмо гетмана Скоропадского к уставщику Петропавловского монастыря (в Глухове) по жалобе пасечника Грицка, которого монахи посадили в тюрьму по подозрению в краже с пасеки одного улья пчел, «але еще и сына его хлопца через тыжнев дни розгами бито, всякого дня даючи по сто розок, допрашиваючи чи не скажет того злодейства на своего батька». Много документов оставил по себе архиепископ Черниговский и Новгород-Северский Иродион Жураковский, колоритная фигура, похожая более на разбойника с большой дороги, чем на священнослужителя. В 1728 г. на него жаловался войсковой канцелярист Лисаневич: Иродион послал 60 человек дяков, пономарей, поваров, конюхов, чтобы загородить ему проезд со всех улиц; напали на него, стащили с коня, сорвали саблю и «потасили в катедру», посадив его на 3 недели под караул, а имущество присвоив (№ 850). В другой раз он «наслал монаха конюшаго и другого старца с двумястами школьников с дубьем, цепами и телегами на дом Полуботков». Монахи «выломали ворота, ворвались во двор, людей хватили, били, вязали, оторвали замки, вышибли окна, а все пожитки дочиста увезли» (1734 г., № 849). По смерти священника в Макошине он «запер церковь и причислил приход к монастырю» (№ 834). Подвиги терроризовавшего все население «пастыря» закончились только в 1735 г., когда последовал указ Синода о сложении с Иродиона сана и высылке его в Киево-Межигорский монастырь.

Важно назвать также №№ 204, 1176 (привилегии духовенства), 296, 2493 и др. № 357 представляет собою интересное письмо того же Жураковского к гетману о правее штрафа с неисповедующихся.

Значительную важность представляют бумаги о стародубских раскольниках, имевших на территории Стародубского и Черниговского полков следующие слободы: Климово, Митковку, Зыбку, Шело-

мы, Деменку, Злынку, Осокино, Еленку, Воронок, Лужки, Млинку, Чуровичи, Радуль и др., а также несколько слобод на землях Киевопечерской лавры. В лице этих раскольников мы видим беглых русских крестьян, спасавшихся от крепостнической кабалы, и характерно замечание неромонаха Иосифа Решилова в письме к черниговскому полковнику Павлу Полуботку о том, что «раскольники не так держатся за свое зловерие раскольниковское, яко за интерес» (1723 г.). К 1735 г. относится любопытный указ за подписью Миниха кн. Шаховскому об отправке раскольников внутрь России. В нем предписывается: монахов и монахинь разослать в монастыри, пожитки их отобрать и содержать «в добром смотрении»: из келий не выпускать и к ним никого не допускать, пищу давать «из убылых порций» до тех пор, пока не обратятся в православие; мирских «раскольщиков» отослать со всеми пожитками на прежние жилища, а которые своих жилищ не упомянут, тех отослать в Петербург для поселения в Ингерманландии. «...А куда будут разосланы мирские раскольщики, за ними накрепко смотреть в посадах бурмистрам и всем гражданам, в дворцовых, государственных и монастырских волостях управителям, прикащикам и старостам и выборным, в помещиковых самим помещикам..., дабы они правоверных не склоняли, а их самих всякими способами увещевать к обращению, обнадеживая их облегчением податей» (№№ 236—245 и др.).

№№ 2018—2037 содержат следствия о разбойниках Григорье и Тимофее Соколовых и их сподвижниках. Документы эти имеют значение не только как материал бытовой; в них мы имеем дело не столько с уголовными преступниками, сколько с бунтарями, для которых разбой был примитивной формой социального протеста. Громкие имена Кармелюка и Горкуши, из которых последнего тот же Маркевич называл «украинским Разинным», могут являть собою обобщающие характеристики украинских разбойников XVIII века. Отголоски дела о Горкуше¹ находятся в письме П. А. Румянцева к киевскому митрополиту (№ 4378), где идет речь о некоем священнике Парпуре,

¹ Подлинное следственное дело о нем, как упоминалось, хранится в собрании И. Л. Лукашевича.

который оказался «по следствию изобличенным в передерживании в своем доме разбойников Семена Горкуши с товарищи», и обсуждается вопрос о выборе для него наказания. Розыск о колоднике Высоцком «о поношении царского имени» (№ 308), дело о ругательствах Антипа Соколовского по адресу Меншикова (№№ 252, 258, 263—264, 268, 276 и др.), о «слове и деле» (№№ 2762—2763), допрос «вора-злодуги» Наума Радылица (№ 2419) имеют также значительный интерес. Документ № 4497 заключает в себе следствие и сентенцию по делу самозванца, беглого солдата Ивана Никифорова, посланные из Военной коллегии за подписью Ф. Веригина к П. А. Румянцеву. Здесь, на 9 листах, подробно излагается история Никифорова, который, служа с 1766 г. в Муромском пехотном полку, в 1777 г. сбежал и, придя в шанец Дмитровский, объявил крестьянам Хлевнову и Мирошнику, что он «бывшей император Петр Федорович и странствует уже 15 лет в таком образе, как они ево видят, и притом подтвердил накрепко, чтоб никому не сказывали до времени, обнадеживая их, что он сам, когда время придет, себя всем объявит, а естли они прежде кому скажут, то будут у них головы отрублены...» Крестьяне поверили и держали у себя Никифорова более двух месяцев, пока не дознались власти. Один из них, Хлевнов, потом показывал, что «он же самозванец дал ему, Хлевнову, маленькую записку... и сказал ему Никифоров, что по оной ото всех боярских работ может избавиться, которую он по простоте своей взяв отдал жене, однако ж не считал, чтоб по ней была правда». По суду Никифорову был вынесен приговор: «учинить смертную казнь, а именно четвертовать», «чтоб такая зловредная искра исчезла», «а во ожидании ему о смертной казни указа, дабы он между тем утечки не зделал, бить на публичном месте нещадно кнутом, вырезав ноздри и заклеив указными знаками сослать вечно в каторжную работу». Хлевнов и Мирошник, обвинявшиеся «в продерживании его, Никифорова, в слышании что он о себе объявлял им, якобы император, в недоносе и в пьянстве вообще», хотя и оправдывались, что «единственно по простоте своей» верили Никифорову, приговорены были к «лишению живота». Суровые

приговоры были вынесены и остальным 5 человекам, привлеченным по делу, — войтам, зрителям, военным чинам, которые, видя Никифорова и находя его «сумнительным», не взяли его немедленно под стражу.

Вторая группа материалов, о которой было сказано выше, представляет интерес в качестве источника по военной истории, преимущественно касаясь 70-х годов XVIII века. В этой группе насчитывается до 2 000 документов, дающих большой материал по истории русской армии, снабжения ее продовольствием, снаряжением, боеприпасами, по истории артиллерии и других видов вооружения, об отдельных походах, в частности об участии в них украинских казаков и пр. Среди документов много автографов фельдмаршалов: П. А. Румянцева-Задунайского, Потемкина, Репнина, Прозоровского, Чернышева, Лесси, Бутурлина, Миниха, Гудовича, генералов: Суворова, Багратиона (отец героя войны 1812 г.), Барятинского, Вейсбаха, Витгенштейна, Воронцовых, Голицыных, Шаховского, Салтыкова, Теккели, Кейта и др. Хорошо представлена переписка русских военачальников с турками и татарами; к большинству писем на иностранных языках приложены современные русские переводы. Интересны, например, письма Шагин-Гирея, крымского хана, к Суворову, накануне присоединения Крыма к России (1779—80 гг., №№ 4033, 4049; переписка других лиц — №№ 2308—2353). Рапорты русских дипломатических агентов: Ребиндера из Данцига (1769 г., №№ 1327, 1330, 1338, 1339), Сиблина из Митавы (№ 1397) и из Регенсбурга (№ 1350), Гросса из Гамбурга (№ 1349), Штадтгаузена из Копенгагена (№ 1362) и др. — дают подробное освещение дипломатических отношений России с другими государствами, а также и международной политики того времени вообще. Рапорты к ген. Ширкову от ряда офицеров: Маленкова, Крума, Вольховского и др. — содержат драгоценные указания о постановке разведывательной службы в русской армии в XVIII в., а кроме того интересны богатым фактическим материалом для характеристики тогдашней международной обстановки и положения дел в ряде пограничных с Россией государств. Приведем полностью взятый наудачу один из таких рапортов, которых в собрании Маркевича насчитыва-

ется более ста, чтобы показать, насколько они любопытны и полны интереса для историка:

№ 4232, 1778 г. Июля 5. Рапорт ген.-майору С. Е. Ширкову от капитана П. Вольховского.

«Высокородному и превосходительному господину генерал-майору и кавалеру Семену Ермолаевичу Ширкову.

По случаю моей бытности во Львове старался я узнать сколь можно об обстоятельствах, касающихся до войны с королем прусским¹, однако из писем, полученных недавно из цесарской армии от знакомых офицеров купца Прешеля, уведомился, что и поныне никакова сражения с обеих сторон не было, а, напротив того, отдан приказ под смертной казнию в обеих армиях, стоящих одна от другой в недалом разстоянии, чтобы никто не отважился подать и малейшего повода к нарушению взаимной между собой приязни. Из принадлежащей же Австрии части Польши взяты действительно рекруты, кои для отправления в Цесарию разделены были на части так, что каждой транспорт состоял из шести сот человек; для препровождения ж сих определен был к каждому небольшой конвой из оставшихся инфантилов, а по сему видя себя новонабранные в большой силе отважились в первых транспортах напасти на сей конвой и, отняв от них оружие, перекололи их немалое число, а сами до нескольких сот спаслись от ига, которое по неприячке причинило в целом кордоне великое роптание и неудовольствие.

Прибывшие из армии во Львов несколько офицеров для некоторых комиссий уверяют, что войны с королем пруским не будет, а все обеих держав интересы окончаны быть имеют дружеским образом; они же сказывают, что король пруской имеет частую переписку с фельдмаршалом Лаудоном, которого между прочим будто бы просил король уведомить ево, привел ли он с собой тех молодых кадетов (разумея чрез сие самого цесаря и ево братьев, кои во время прошедшей войны были малолетними), на что получил король в ответ от Лаудона, что те молодые кадеты сде-

¹ Речь идет о происходившей между Австрией и Пруссией в 1778 г. так называемой войне за баварское наследство.

лались уже великими генералами и командуют ныне армиями и что они приказали спросить ево величество: имеет ли он еще в своей армии тех двух дряхлых инвалидов (намекая сим самого короля¹ и ево брата принца Генъриха).

Митрополит Шептицкий сказывал мне, что генерал-майор Фабриэ, уроженец Италианской из части, принадлежащей Австрии, за тайную корреспонденцию с королем пруским, которую он имел чрез посредство одного еврея, принесшаго вместо короля к самому императору ево письма, сослан в ссылку, а адъютанта ево за пагубное отечеству писмоводительство приказано в армии повесить.

Капитан Петр Вольховский
Полонное.»

Документы Маркевичевского архива не систематизированы по тематическим группам. Некоторые документы объединены в сборник: таковы, например, сборники грамот какого-либо одного монастыря, акты на земельные владения какой-либо фамилии и т. п.

Пользование архивом облегчается наличием карточного каталога и подробной описи, представляющей собой копию описи, составленной когда-то для своего архива самим Маркевичем. Для некоторых документов имеются в этой описи подробные аннотации.

Н. Паисов.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ УКРАИНЫ В АВТОГРАФАХ, СОБРАННЫХ И. Е. БЕЦКИМ.

«Знайшовся и у нас парень дзюзяка до дила штепный, та й хоче збыты збирныйк по панському альманах и дав ёму имення Молодык и хоче назбираты усяких штучок, по московскому и по нашому написанных». Так писал Г. Ф. Квитка Тарасу Шевченко 22 ноября 1841 г.² Парень, о котором шла речь, был Иван Егорович (Юрьевич) Бецкий, внебрачный сын князя Ю. И. Трубецкого, студент сначала Московского, а затем Харьковского университета, философское отделение которого он окончил в 1842 году. Еще на студенческой скамье сойдясь с молодыми украинцами, мечтавшими о возрождении родного украинского языка и литературы, он проникается мыслью об издании украинского сборника, который бы имел целью «собрать воедино рассеянные силы духовных деятелей и направить их к тому, что имело бы местный этнографический и исторический интерес», как вспоминал позже о том Н. И. Костомаров³. Нужно сказать, однако, что мысль об издании «Молодика», как сборника, специально посвященного украинской литературе и истории, была Бецкому более внушена упоминавшимися выше его друзьями, справедливо

считавшими, что предприятие может рассчитывать на больший успех, если во главе его будет стоять русский, нежели являлась собственной его инициативой. Самое название сборника «Молодик» придумано было Квиткой, как указывает на то сам издатель (см. кн. 3, стр. 273), в подборе украинских материалов для издания Бецкому много помогали: Костомаров, В. Г. Анастасевич и основатель Харьковского университета — В. Н. Каразин. Но зато Бецкий показал себя энергичным издателем, и за два года (1843—1844) успел выпустить четыре книги сборника, из которых наиболее ценны вторая и третья, где более всего было напечатано материалов собственно украинских. Вторая книга «Молодика», где оказался представленным весь цвет тогдашней украинской литературы: Шевченко с думкой «Тяжко важко в світі жити», балладой «Утоплена» и др., Квитка с его повестью «Перекопиполе» и рассказом «Пидбрехачь», А. Могила (Метлинский), Иеремия Галка (Костомаров), А. Чужбинский (Афанасьев), Я. Щоголев, М. Петренко и др., — была встречена столичными критиками очень благоприятно. Еще больший успехнискала следующая, третья книга сборника. О ней мы имеем восторженный отзыв «Современника». «Удивительно переменялось это издание, — читаем мы в т. 33 этого журнала (1844 г., стр. 229): — на-

¹ Т. е. Фридриха II. — Н. П.

² См. «Киевская старина», 1900, № 9, стр. 299.

³ Литературное наследие, 1890, стр. 37.

чавшись по образцу всех русских сборников, бесцветных, бесхарактерных и с неопределенною целью, кроме накопления цифр в библиографии, Молодик с нынешнего года является прекрасною книгою... С нынешнего года в Молодике помещается только то, что прямо относится к Малороссии. Это сообщает книге интересные краски местности. В ней участвуют преимущественно литераторы, изучавшие и изучающие историю, топографию и литературу того края, от чего сборник приобретает характер книги специальной... Мы уверены, что с новой своей эпохи Молодик делается всеобщей книгою». В этом выпуске, преимущественно историческом по содержанию, были напечатаны статьи: «Основание харьковского коллегиума» и «Взгляд на украинскую старину» В. Н. Каразина, «Первые войны малороссийских казаков с поляками» и «Русско-польские вельможи» Н. Костомарова, «Очерк малороссийских поверий и обычаев, относящихся к праздникам» К. Сементовского, «Обзор сочинений, писанных на малороссийском языке» Иер. Галки (содержит, между прочим, интересную характеристику творчества Шевченко), «Предания из века Екатерины Великой» П. Корсакова и много интересных документов (переписка по поводу измены Мазепы, духовное завещание генерального обозного Ивана Ломековского, запись Сологуба полковнику Ивану Перекрестову 1713 г., письма Петра I и др.). Отдельным приложением были даны 7 листов литографированных снимков с автографов выдающихся лиц, имеющих отношение к истории Украины (Богдана Хмельницкого, Петра I, Скоропадского, Мазепы, Ив. Ломековского, Павла Полуботка, Мих. Милорадовича), украинских писателей (Скорододы, Квитки, И. П. Котляревского) и др.

В 4-й книге «Молодика» было наряду с прочим помещено несколько глав из «Исторического обозрения Малороссии и города Киева» Максима Берлинского, сочинения, оставшегося в рукописи; «Стейный список российских послов к малороссийскому гетману Демьяну Игнатовичу 1671 г. августа 17 дня» и «Реестр малороссийским делам старых и новых лет» за 1649—1755 гг. (из бумаг митрополита Евгения).

Исторические материалы, помещенные

в «Молодике», важны не только лишь как первый опыт публикации документов по истории Украины. Многие из них не потеряли своего значения и теперь, и в книжки «Молодика» часто не без пользы бывает заглянуть работающему над историей Украины.

«Молодик» прекратился на четвертой книге. Главной причиной этому была смерть в 1842—43 гг. главных помощников Бецкого — Каразина и Квитки. Последняя книга, составленная без их участия, имела в сравнении с предыдущими гораздо меньший успех: по содержанию она аналогична первой книге и наполнена материалами, из которых большинство никакого отношения к Украине не имеет.

По прекращении издания Бецкий служит некоторое время сначала в харьковском дворянском депутатском собрании, затем, с 1849 г., при канцелярии московского губернатора и, наконец, уезжает за границу, где вплоть до самой смерти главной целью его жизни становится библиофильство, собирание коллекций рукописей и всевозможных автографов. Умер Бецкий в 1890 г. во Флоренции.

Начиная с 60-х годов Бецкий высылал собранные им книги, коллекции, автографы различным русским библиотекам. В числе последних была и библиотека Московского Румянцевского музея, которой были пожертвованы им главным образом рукописные материалы. В собраниях автографов и других бумаг Бецкого, хранящихся в настоящее время в Отделе рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, находятся интересные материалы по истории и литературе Украины, предназначавшиеся в свое время для помещения в «Молодике», но оставшиеся неиспользованными. Назовем прежде всего интересный в историческом и литературном отношении памятник «Разговор Великороссии с Малороссией», произведение второй половины XVIII в., имеющийся у Бецкого в списке 1833 г., а в другом собрании — В. Г. Анастасевича — в современном списке, т. е. также второй половины XVIII в.¹ В этом произведении излагается в стихах история Украины с XVI—XVIII вв., при чем канвой для изложения автору послужила

¹ См. отчет Моск. Публ. и Румянц. музея 1867—1869 гг., М. 1871, стр. 39—40.

известная летопись «Краткое описание Малороссии». Интересно, однако, что некоторым историческим событиям, относящимся к эпохе войн казаков с Польшей, дается в этом памятнике новое, несходное с летописными известиями освещение. Эта летопись-поэма построена в форме диалога. Великороссия спрашивает, а Малороссия отвечает — рассказывает ей свою историю, о славных подвигах казаков, об освобождении Украины от польского ига, о соединении ее с русским государством.

Список «Разговора», сохранившийся в бумагах Бецкого, представляет собою копию со списка Анастасевича; размер ее 22 листа (более 40 страниц текста). Оба списка, как установлено, не полны (не имеют конца). Авторство «Разговора» до сих пор не установлено, и самый памятник мало изучен¹.

На последней странице списка Бецкого имеются интересные замечания, сделанные им относительно происхождения памятника. «Доказано древнейшими примерами, — пишет он, — что история (т. е. историческое повествование. — Н. П.) началась стихами и что первые историки были поэты; всякий народ начинает свою историю песнями, сочиненными задолго до принятия письма и изображающими события; всякое племя имеет своих Баянов, как греки имели своего Омира. Северные историографы и теперь прибегают к помощи рун и саг. В сем отношении наипаче малороссийская история достопамятна; песни до сих пор не все изданы...» Бецкий рассказывает, что, получив свой список от Анастасевича, которым сочинение это было найдено в селе Смелом б. Роменского уезда Полтавской губ., он хотел напечатать его в «Молодике». Но начальник III отделения Дубельт, которому был представлен цензурный список «Разговора», сделал на нем следующую надпись: «Если бы я был цензор, то не допустил бы к напечатанию, потому что тут обида России, обида и Малороссии: первая делает глупые вопросы, вторая хвастает, как старая баба, и наконец — сердце ее изнемогает от нашего ига!??» Так как Дубельт фактически и был тог-

да верховным цензором, «Разговор» в печать не попал.

Вместе с этой рукописью тогда же² Бецким были подарены Румянцевскому музею две повести Г. Ф. Квитки: «Перекопи-поле» и «Основание Харькова» — и несколько других его автографов (см. далее специальное их описание); несколько сочинений Григория Сковороды, в современных копиях («Харьковские басни» и 10 писем его к разным лицам, относящихся ко времени после 1785 г.), и одно — «Диалог, или поток змин» — автограф. Интересно письмо В. Н. Каразина к Бецкому, в котором он послал ему для напечатания в «Молодике» некоторые письма Сковороды. Только недавно начали догадываться, — пишет он, — что «мы под» чужом и в украинской свитке имели своего Пифагора, Оригена, Лейбница, подобно как Москва за 150 лет в Посошкове своего Филанджиери...» Большой интерес представляет «Рассуждение о неудобностях в России дать свободу крестьянам и служителям, или сделать собственность имений», писанное в конце XVIII в., кажется, на Украине. Из других материалов этого собрания, относящихся к Украине, назовем: «Краткое изложение предметов, взятое из прав в Малой России употребляемых, по которому следует изобразить те права, согласно плану высочайше конфирмованному» (Гл. 1. О лицах, касательно государства. Гл. 2. О лицах касательно естественных и семейственных отношений), подписанное «редактором, надворным советником Федором Давыдовым» в 1804 г.; автографы Гребенки, И. П. Котляревского (отрывок из оды «Сафо»), проповеди и письма Лазаря Барановича и др. В особом сборнике бумаг, озаглавленном Бецким «Собрание всякой всячины литературной за 50 лет тому назад и более», находится запись украинской песни, начинающейся словами:

«Ой оре Семен, оре, да на сонце
поглядає
Чужи жинкі обед несут, а його
щось не має...»;

неизвестного автора «Рождественская вирша», на украинском языке; любопыт-

¹ Он был опубликован Н. Петровым в «Киевской старине» 1882 г., т. I, стр. 313—365; окончание было воспроизведено по списку, найденному П. Ефименко.

² См. отчет Моск. Публ. и Румянц. музеев за 1867—1869 гг. М. 1871, стр. 33—34.

ная шуточная ода кн. А. Б. Куракину, бывшему при Александре I (до 1807 г.) малороссийским генерал-губернатором (также по-украински, без подписи, на 6 листах). В «Бумагах особенных исторического содержания», входящих в этот же сборник, имеется копия интересного письма Андрея Искры, правнука Искры, знаменитого по делу Мазепы, к гр. Платону Зубову; прошение в виршах какого-то украинского помещика об облегчениях по рекрутскому набору и др.

Одновременно с этим собранием Бецким были переданы Музею бумаги, принадлежавшие В. Н. Каразину¹. В них находится значительное количество документов по истории Украины в XVIII веке: два универсала, подписанные в 1700 г. гетманом Мазепой; два других универсала, 1708 и 1716 гг., гетмана Ивана Скоропадского; декрет полковника Мих. Милорадовича; духовное завещание генерального обозного И. Ломековского; письма и один документ, подписанные бригадиром Осиповым (1714—1721 гг.); судебный акт 1717 г. с подписью генерального судьи И. Чарныша; письмо 1723 г. наказного гетмана Павла Полуботка; письмо 1739 г. А. Полуботка, а также письма гр. Румянцева-Задунайского, гр. Орлова-Чесменского, А. Безбородко, И. Шувалова, гр. Завадовского, кн. А. Куракина, М. Сперанского, гр. Бенкендорфа, относящиеся к их деятельности на Украине или по вопросам, касающимся последней. В «Молодике» напечатана была лишь часть этих материалов; с некоторых документов были воспроизведены лишь автографы подписей (см. кн. 3, 1844 г., листы приложений), а сами они остались неопубликованными.

В начале 70-х годов в Отдел рукописей поступило от Бецкого второе большое собрание автографов². Исторических документов здесь мало, но зато это собрание представляет большой историко-литературный интерес, насчитывая в своем составе много писем различных представителей как украинской, так и русской литературы и науки. Это превосходный материал также для истории

«Молодика», его возникновения и издания, для биографий его издателя и сотрудников. Здесь имеются письма к Бецкому П. А. Вяземского, цензоров А. Никитенко и П. А. Корсакова, гр. Строганова, опекуна над детьми А. С. Пушкина (письмо касается напечатания стихотворения Пушкина в «Молодике»), А. А. Шаховского, М. П. Погодина, П. А. Плетнева, И. Сахарова, профессора всеобщей истории Харьковского университета М. С. Лунина, В. Даля, В. Бенедиктова, Н. И. Костомарова, Н. В. Сушкова, П. И. Миллера и др. Замечательны автографы стихотворений многих поэтов, в том числе А. Фета, А. Н. Майкова (не вошедшее ни в одно издание его сочинений стихотворение «Чех и сокол», написанное в 1844 г. в Праге и подаренное автором знаменитому чешскому историку В. Ганке, с приписками последнего), Н. М. Языкова, Н. Ф. Щербины, Евд. Растопчиной, Н. П. Грекова, Вл. Зотова, Я. Щоголева и др. Среди значительного количества иностранных автографов нужно упомянуть письма и записки композиторов Россини, Верди, Адана (Adam), немецкого писателя Рихтера (Жан-Поля), В. Ганки (интересное письмо к Бецкому и русский перевод воззвания Яна Жижки) и многих других.

Все эти документы требуют специального обзора, и здесь не место останавливаться на них подробнее. Укажем еще лишь на позднейшие пожертвования Бецкого, в числе которых можно встретить также много интересных материалов. Сведения о них можно получить в отчетах Моск. Публ. и Румянц. музеев: за 1870—1872 гг. (М. 1873, стр. 70, 72, 96); за 1876—1878 гг. (М. 1879, стр. 97—98, 102, 105, 129—132); за 1879—1882 гг. (М. 1884, стр. 85, 99); за 1889—1891 гг. (М. 1892, стр. 76—79). Вместе с личными документами Бецкого (черновики его писем к разным лицам, официальная переписка, собственные литературные произведения и переводы, записки о грабничных путешествиях и пр.) здесь можно найти еще много интересных писем к Бецкому разных лиц, как уже упоминавшихся, так и других, интересное собрание гравюр, вырезки из иностранных газет и пр.

П. Пайсов.

¹ См. отчет Моск. Публ. и Румянц. музеев за 1873—1875 гг., М. 1877, стр. 34—35.

² См. там же, стр. 48—52.

Григорий Федорович Квитка-Основьяненко (1778—1843), давший первые образцы художественной прозы на украинском языке, оставил богатое литературное наследство в виде повестей, исторических романов и драматических произведений. Наиболее значительные из его сочинений следующие: «Перекоти-поле», «Маруся», «Козырь-дівка», «Щира любовь», «Пан Халаявский», «Шельменко волостной писарь», «Шельменко деньщик» и др.

В Отделе рукописей Всесоюзной библиотеки им. Ленина хранится несколько автографов Г. Ф. Квитки, поступивших сюда частично с архивом И. Е. Бецкого (№№ 1, 2, 4, 11, 12), частично с архивом М. П. Погодина (№№ 5—10). № 3 поступил из собрания Бахрушина. Ниже даем описание всех имеющихся в Отделе автографов Г. Ф. Квитки.

1. «*Перекотиполе*», повесть Г. Ф. Квитки на украинском языке, писанная собственноручно автором. На листе обертки рукою П. А. Кулиша написано: «VIII. Перекотиполе. Посвящается Евгению Павловичу Гребенке». Это посвящение написано было Квиткой в подзаголовке повести, но тщательно потом зачеркнуто.

Зачеркнутые строки на страницах 11—14 имеют на поле надпись рукою Кулиша: «NB. Это все вынесено в другом месте».

После конца повести была приписана Квиткой одна строка, но она тщательно выскоблена.

Напечатана впервые в Украинском альманахе за 1843 год «Молодик» И. Е. Бецкого.

Автограф в двух тетрадах, в четвертку, 23,5 × 18,5 см, серой бумаги казенной петербургской фабрики, на 16 лл., без переплета.

Ш и ф р: М. 904.

2. «*Основание Харькова*», повесть Г. Ф. Квитки на русском языке, писанная собственноручно автором. На 1-м листе заглавие автора: «Основание Харькова. Старинное предание. Посвящается Валериану Андреевичу Квитке». В тексте повести зачеркивания, исправления и дополнения сделаны автором.

Автограф в двух тетрадах, в четвертку, 23,5 × 18,5 см, серой бумаги казенной

петербургской фабрики, на 16 лл., без переплета.

Ш и ф р: М. 904.

3. Два романа Г. Ф. Квитки, собственноручно написанные автором. Первый роман имеет авторское заглавие: «Роман мой любимой», и начинается: «Смотрю на вас, и верно Мне говорит ваш взор люблю».

Второй роман начинается: «Ах! не глядите на меня Вы пламенные очи».

На листке почтовой бумаги в восьмушку, 20 × 13 см, на 2 лл., склеенных внутри сгиба; второй лист составлен из двух половинок, также склеенных.

На первой странице листка зеленая цветочная рамка. На последней странице нотариальное удостоверение внука поэта, Василия Юрьевича Квитки, о том, что оба романа — автограф их автора и что романы посвящены кузине поэта Наталии Гавриловне Раевской, по мужу Ион. Пониже письмо от 15 мая 1891 г. О. И. Фельдмана к Ивану Федоровичу (Горбуну?) о передаче автографа.

Ш и ф р: М. ⁸²²⁵₃₃.

4. *Отрывок* рассуждения Г. Ф. Квитки о лицемерии.

Автограф с подписью: «Основьяненко».

На клочке голубоватой почтовой бумаги, 11 × 16 см.

Ш и ф р: Автогр. 17.

5. *Письмо Г. Ф. Квитки к М. П. Погодину* из Харькова от 19 апреля [1830 г.].

Квитка благодарит Погодина за напечатание отрывка из комедии и рассказывает о впечатлении среди харьковских дворян. Имеется в виду комедия «Дворянские выборы», часть которой была напечатана в «Московском вестнике» 1830 г., часть первая, стр. 239—279, под заглавием: «Действие первое из комедии: Выбор в исправники, вторая часть дворянских выборов». Квитка сообщает, что о действительном авторе комедии на месте знает только Петр Петрович Гулак-Артемовский и что следующие пьесы свои Квитка будет пересылать Погодину также через Сергея Тимофеевича (Аксакова).

Письмо частично напечатано у Барсукова «Жизнь и труды Погодина», т. III, стр. 87—88.

На малом листе почтовой бумаги, $20,2 \times 11,5$ см.

Ш и ф р: М. 3517, 139—140 лл.

6. Письмо Г. Ф. Квитки к М. П. Погодину из Харькова от 10 июня [1831 года].

Квитка при письме посылает Погодину «тетрадь с разными фантазиями» и перечисляет четыре «канвы»: одну для повести, обещая потом прислать сразу несколько; другую для исторического романа о принце Иоанне и Мировиче, со слов «очевидцев»; третью: «Ни сё, ни то», и четвертую: «Вовсе ничего». В конце письма Квитка сообщает: «Хотел было при сем послать вам моего Шельменка, отданного за плутовство в рекруты, но еще не получил разрешения от цензуры».

На трех больших листах почтовой бумаги с золотым обрезом, $25 \times 19,5$ см.

Ш и ф р: М. 3518, 153—157 лл.

7. Письмо Г. Ф. Квитки к М. П. Погодину из Основы от 13 августа 1831 г.

Квитка сообщает Погодину, что с Венелиным отправил ему «еще одно мое чадо», и обещает выслать еще несколько.

На малом листе почтовой бумаги, $19,5 \times 11,5$ см.

Ш и ф р: М. 3518, 265.

8. Письмо Г. Ф. Квитки к М. П. Погодину из Основы от 14 ноября 1831 г.

Квитка спрашивает о судьбе своих произведений, посланных Погодину.

На двух листах малого размера почтовой бумаги, $20 \times 11,5$ см.

Ш и ф р: М. 3518, 377—379 лл.

9. Письмо Г. Ф. Квитки к М. П. Погодину из Харькова от 2 июля 1832 г.

Квитка благодарит за напечатание повести «Ганнуся» и особенно за сокращение ее в оригинале. То же просит сделать с «Новым Эдипом». Прилагает «два анекдота» и обещает присылать еще свои труды. В конце письма сообщает о душевной болезни молодой жены П. П. Гулак-Артемовского.

На двух малых листах почтовой бумаги с золотым обрезом, 20×12 см.

Ш и ф р: М. 3519, 73—74 лл.

10. Письмо Г. Ф. Квитки к М. П. Погодину из Харькова от 30 марта 1836 г.

Квитка сообщает Погодину, что его петербургские и «здешние земляки» «вынудили еще выпустить несколько повестей, кои и печатаются в Москве у А. В. Глазунова». «Боюсь, — пишет Квитка, — что без моей корректуры набрешут москаля».

На двух листах (один чистый) большого размера голубоватой бумаги с золотым обрезом, $25,5 \times 20$ см.

Ш и ф р: М. 3521, 241—242 лл.

11. Записка Г. Ф. Квитки к неизвестному лицу, писанная собственноручно автором, без обращения к адресату и без подписи.

Квитка благодарит адресата «за труд в рассуждениях и изложении», соглашается с исправлениями и обещает корректуру послать «Изманилу Ивановичу» Срезневскому. К записке Квитка прилагает стихи Гребенки для «Молодика» и «эпитафию». В заключение Квитка предлагает печатно оправдать запоздания выхода в свет «Молодика» «собираанием мнений о правописании», «чем успокоен будет Г. Бецкий».

Такое содержание записки Квитки заставляет предполагать в адресате П. А. Кулиша, знатока и авторитета в вопросах стиля и грамоты для всех украинских писателей, его современников.

На четвертушке писчей бумаги, $17,8 \times 22$ см.

Ш и ф р: Автогр. 17.

12. Эпитафия Кириллу Разумовскому, сочиненная Гребенкой и переписанная Г. Ф. Квиткой, и с его припиской.

В приписке Квитка объясняет свои поправки в эпитафии и отдает их на суд адресату: «решите». Очевидно, и эта приписка с эпитафией посылалась П. А. Кулишу, и именно о ней говорится в «Записке Г. Ф. Квитки». (См. № 11.)

На четвертушке писчей бумаги, $21,8 \times 18,5$ см.

Ш и ф р: Автогр. 17.

Проф. Г. Георгиевский.

Кулиш Пантелеймон Александрович (1819—1897) всю свою жизнь посвятил изучению и собиранию первоисточников истории и творчества своего народа. Обладая обширными историческими знаниями и изучив памятники народного творчества, он издал ценные труды по Украине. В 1843 г. он напечатал исторический труд «Украина». В 1856—1857 гг. вышли два тома этнографических материалов под названием «Записки о Южной Руси». В 1857 г. он напечатал хронику-роман по событиям 1663 г., под названием «Черная рада». В 1861 г.—«Хмельницину» и «Историю Украины».

П. А. Кулиш доводил до широкого круга читателей через свои статьи в «Основе» и др. изданиях сведения о художественных произведениях Григория Квитки-Основьяненко, Е. Гребенки, М. Вовчок и др. Одновременно он печатал и свои труды по народному творчеству. Им опубликованы украинские народные сказания, повести, сказки, пословицы и песни как в общих трудах по истории Украины, так и в особых сборниках: «Хата», «Досвитки» и др.

В Отделе рукописей хранятся следующие автографы П. А. Кулиша, а также имеющие к нему отношение документы других лиц.

Украинские народные песни собрал и собственноручно переписал П. А. Кулиш [около 1847 г.]. Автограф на четвертушках, реже полулистах, сложенных в четвертку, 22,5 × 18 см, серой писчей бумаги, выделки 1844 г., на 539 лл., без переплета.

Рукопись хорошо сохранилась. Лишь карандашные заметки кое-где стерлись и утерян порядок листов, который придан был им Кулишом.

Рукопись, кроме текста песен, содержит примечания и объяснения к некоторым из них. Кроме того, под каждой песней Кулиш записал источник, из которого он взял песню для своего собрания. Из внимательного просмотра этих записей выясняется, что в редких случаях Кулиш брал песни для своего собрания из печатных источников, а именно—из собраний песен Максимовича, Метлинского. Все остальные песни Кулиш собрал сам или из неопубликованных собраний песен, например Ходаковского, или из

первоначальных записей песнопения украинских певцов и сказителей, произведенных или им самим, или многочисленными сотрудниками его на Украине. В таких случаях Кулиш под песней записывал фамилию сотрудника и точное название местности, где песня записана, например: «на плоту у Межигорского монастыря в Киеве». Записи эти Кулиш производил частью чернилами, частью карандашом, как и некоторые объяснения к песням.

Карандашом же написал Кулиш и названия отделов, на которые он поделил свои песни: песни «исторические», «о бытиях и лицах», «военные», «козацкие», «запорожские», «бытовые», «свадебные», «разгульные» и т. п.

Придать сохранившимся песням кулишовский строй и порядок — задача будущего исследователя украинского народного творчества.

О своем собрании песен Кулиш печатно сообщил в 1847 году в «Предисловии» к первой книжке своего труда: «Украинские народные предания. Собрал П. Кулиш», — в издании Общества истории и древностей российских. Здесь Кулиш писал: «Изучая источники истории южно-русского народа, я не раз объезжал обитаемые им губернии для собрания народных песен и преданий. Со временем надеюсь представить любителям истории и народной поэзии свой *сборник песен*».

Надежда Кулиша не сбылась, его сборник песен не увидел света и был основательно забыт. Неизвестная рука, когда-то давно, обернула его грубым картоном, перевязала накрест веревочкой и надписала чернилами: «Малор. песни». В таком виде сборник и поступил в Отдел рукописей в феврале 1938 г. из букинистического магазина¹.

Ш и ф р: 8541.

Черная рада. Хроника 1663 года. Сочинение П. А. Кулиша в 19 главах, собственноручно переписанное автором для печати.

¹ Кроме описанного сборника украинского фольклора, в Отделе рукописей имеются относящиеся к XVIII веку нотные записи украинских песен в сопровождении текста. Архив Барятинских. Шифр: Б. м. 8. 27—28. Архив Веневитиновых. Папка 11.

Рукопись представляет собою тот экземпляр, по которому хроника набиралась и печаталась в журнале «Русская беседа» в 1857 г., в книгах 2 и 3. Поэтому брошировка рукописи нарушена, тетради рассыпаны и в большинстве превращены в отдельные четвертки со следами типографской краски на них. Авторский текст подвергнут значительным сокращениям редакторскою рукою А. И. Кошелева. На 1-м листе, над заглавием хроники, Кошелев надписал: «Отпечатать 500 отдельных оттисков. Корректуры послать к Кулишу по след. адресу: С. Петербург, у Литовского рынка, в доме Вагенгейма № 8». Перед сдачей в набор Кошелев еще написал: «Мелким шрифтом», а перед версткою в книге журнала еще: «Из слав. статей 'I'».

Автограф на больших листах сероватой писчей бумаги, сложенных в четвертку, 26,5 × 21,5 см, на 71 л., без переплета, с разрушенной брошировкой.

Ш и ф р: 8918.

Шесть писем П. А. Кулиша к графу А. П. Толстому 1856 и 1858 гг.

Первое письмо писано 24 октября 1856 г. из С. Петербурга; в нем Кулиш просил Толстого назначить ему время для свидания и разговоров о Гоголе, «как о человеке». Вместе с письмом Кулиш прислал Толстому первый том издания своего, под названием: «Записки о Южной Руси».

Второе письмо писано 17 апреля нов. ст. 1858 г. из Брюсселя; Кулиш сообщает Толстому о первых своих впечатлениях за границей, о посещении Берлина и Брюсселя.

Третье письмо писано 29 апреля 1858 г. из Страсбурга; в нем Кулиш пишет о своих впечатлениях во время путешествия по городам Люттиху, Аахену, Кельну, Майнцу и некоторым другим.

Четвертое письмо писано 18 июня 1858 г. из «одного из хуторов, окружающих город Борзну», в Черниговской губернии; Кулиш сообщает о быстрой поездке своей по Швейцарии и северной Италии и о возвращении своем «в Малороссию».

Пятое письмо писано 16 августа 1858 г. из хутора Мотроновка, под Борзною. Письмо все целиком посвящено опровержению клеветы о самоубийстве художника А. А. Иванова. Кулиш сообща-

ет о том, что он пользовался перепиской Гоголя с Ивановым и приводит из письма Иванова к Гоголю рассказ о письме генерала Киля к Иванову. В письмо свое Кулиш вложил карандашную записку с предложением напечатать это письмо его в защиту памяти об Иванове.

Шестое письмо написано 29 октября 1858 г. во время пребывания Кулиша в Петербурге; Кулиш в этом письме рекомендует Толстому, как обер-прокурору синода, Афанасия Вас. Маркевича на должность фактора в типографию. Приводя данные в пользу Маркевича, Кулиш между прочим сообщает, что «он женат на особе, пишущей под именем Марка Вовчка».

Ш и ф р: А. Г. I. 63, 40—41.

Ответные письма графа А. П. Толстого к П. А. Кулишу: одно от 14 мая 1858 г., в копии, и другое от 22 июля 1858 г., в черновом подлиннике и в копии, всего два письма на 5 л.

Ш и ф р: А. Г. I. 71, 27.

Ответное письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому, переписано собственноручно П. А. Кулишом в 1857 г. для издания «Сочинения и письма Н. В. Гоголя», в тетради на 4½ л. почтовой бумаги, 24,5 × 16,5 см, в обложке. На первом листе и в примечании Кулиш объясняет приемы и форму своей копии.

Ш и ф р: М. 8329. 45.

Критическая статья, подписанная буквами Н. Р-н, по поводу выхода в свет книги П. А. Кулиша под заглавием: «Записки о Южной Руси. Изд. П. Кулиш. Том первый. СПб. 1856. 322 стр. Том второй. 354 стр.». Статья написана писарским почерком на листах писчей бумаги 33 × 21 см, на 26 л., без переплета и без обложки. Статья собственноручно подписана автором «Н. Р-н». Над заглавием А. И. Кошелев карандашом написал: «Хорошая статья». Напечатана в журнале «Русская беседа» 1856 г.

Ш и ф р: М. 7069, 103.

Проф. Г. Георгиевский.

НОВЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ

(июль—декабрь 1938 г.)

179. *Выпись из Муромских писцовых и межевых книг*, писана приказной скорописью 1689 г. на столбцах, склеенных в большой свиток, с поврежденным началом. Выпись дана Алексею и Ивану Чубаровым на владение селом Шемординым

170-а. *Ирмолой*, на линейных нотах, писан мелким полууставом XVIII века, в четвертку, 19×13 см, в разбитом переплете. В рукописи оригинальные раскрашенные заставки и заглавные буквы. Рукопись плохой сохранности.

191. *Сборник*, писанный украинской скорописью второй половины XVIII века, в четвертку, $20,5 \times 16,3$ см, сшит в тетрадь с цветной шпалерной оберткой. Содержит панегирик на победу Петра I над шведами и «повесть краткую» о смерти Петра.

18. *Отказная книга* Верхоуральского земского суда на недвижимое имение «с людьми и с крестьяны» Дарьи Ивановны Пашковой, писана канцелярской скорописью в 1799 г., в лист гербовой бумаги, $34 \times 21,5$ см, без переплета, в сшитых тетрадах. К книге приложены, в копиях, документы на земельные владения Твердышева и Мясникова, почти за весь XVIII век, писанные такою же скорописью и на таких же листах гербовой бумаги, в обветшавшем переплете; первые четыре листа копий утрачены. На основе этих владений, с рудниками и заводами, Твердышева, Мясникова и Пашковой вырос известный Белорецкий завод.

181. *Месяцеслов*, писан в начале XIX века, мелким поморским полууставом со множеством красочных поморских украшений (рамки, заставки, концовки, прописные и заглавные буквы), в 16-ю долю листа, $9,5 \times 7$ см, в кожаном пере-

плете с тиснениями и буквами: Ф. Н. Т., и с золотым обрезом.

189. *Альбом стихотворений*, без начала и без конца, писан скорописью разных рук в первой половине XIX века, в восьмушку, $20,5 \times 13$ см; переплет оторван и затерян.

Полностью в альбоме уцелел текст сказки Пушкина о царе Салтане. От сказки Ершова о Коньке-горбунке сохранились лишь две части. Кроме того в альбоме вписаны мелкие стихотворения, главным образом Пушкина.

190. *Альбом стихотворений*, без начала, писан скорописью в половине XIX века, в восьмушку, $17 \times 10,7$ см, в переплете.

Стихотворения разных авторов, среди которых: Лермонтов, Глинка, Пушкин, Измайлов и др. На страницах много рисунков и портретов, исполненных небольшим мастером, быть может владельцем альбома. На первом листе запись: «Разные сочинения разных сочинителей, собранные Владимиром Нефедьевым, которому и принадлежит сия книжница».

205-а. *«Евгений Онегин»* А. С. Пушкина, без начала, писан скорописью на синей ярославской бумаге 1838 г.; в пяти сшитых тетрадах, без переплета, в четвертку, 23×18 см.

185. *«Вечера у герцогини д'Абрантес»*, статья Генриха Барту, в переводе Герасима Хлудова; автограф переводчика; писан в 1840 г., в лист, $35 \times 21,5$ см, на синей французской бумаге, со знаком лилии, без переплета.

202. *Две записные книжки* С. Н. Хомотовой, веденные в 40-х и 50-х годах XIX века, в восьмушку, $16,8 \times 10,5$ и $13,5 \times 10,5$ см, на 44 и 160 лл., в переплете.

В книжках Хомутова копировала письма своей семьи и свои собственные, а также вклеивала, или просто вкладывала подлинные письма, приходившие на ее имя от родных и друзей: Бутурлиной, Гладковой, Горяиновой, Катениной, Киселевой, Львовой, Лапуновой, Майковой, Муравьевой, Поповой, Сипягиной, Свечинной, Тихменевой, Травеляр, Шестаковой, Шишкиной и др.

В конце приложен в копии, речь у гроба И. С. Тургенева, произнесенная Г. Н. Вырубовым.

178. *Альбом Аполлинария Конского*, заполненный автографами слушателей концертов Конского, в большую четвертку, 23×21 см, в сафьяновом переплете с золотыми тиснениями и золотым обрезом. Восторженные слушатели вписывали свои автографы, выражая свое восхищение в стихах, в музыкальных импровизациях, в рисунках и в простых подписях. Среди них письмо Россини, нотная строка Балакирева.

Концертные поездки по городам и исполнение альбома продолжались до 1863 г.

187. *Д. В. Григорович*: «Слова и дела»; отрывок из неоконченной комедии; автограф, $34 \times 21,5$ и $25 \times 20,5$ см, без переплета, всего 13 листов, не сшитых в тетрадь, но вложенных в лист белой бумаги, с автографической надписью.

205-б. *Две тетради произведений Герцена*, переписанных тщательной мелкой скорописью середины XIX века, в восьмушку, $21 \times 13,5$ см, и в четвертку, 21×18 см, без переплета. В первой тетради копирована «Крещенная собственность» (1853 г.), во второй, сохранившиеся без конца, «Былое и думы».

157. *Автографы А. А. Жуковского*, известного в литературе под псевдонимом «Бернет», в лист, 36×22 см, на 1100 листах, без переплета. Автографы представляют собою черновые работы Жуковского и содержат его произведения: «Черный гость», «Роман на старый лад», «Вечный жид», «Дух старого столоничальника», «Первая любовь», «Гр. Мец», «Господин Сим», «Ночь без рассвета». Кроме того, имеются черновики его мелких рассказов, стихотворений, педагогических статей и работ по службе (ревизия Казанских казенной палаты и казначейства).

176. «О военном значении железных

дорог и особенной их важности для России, с проектом сети сих путей, составленным в видах обороны империи», С. Бутурлина; писано красивой писарской скорописью первой половины XIX века, в лист, $34 \times 21,5$ см, в переплете.

В особой папке приложены статистические исчисления.

177-а. *Переписка и официальные документы А. Н. Татаринова*, относящиеся к крестьянской реформе 1861 г. Здесь же подлинное письмо Ф. Голубцова к графу Завадовскому с приложением докладной записки и проекта указа о пошленных сборах с крепостных актов, от 6 августа 1808 г.

160. *Материалы по польскому восстанию 1861 г.* В состав материалов вошли «Dziennik 1861 г.», на 190 страницах, письма Канарского, статья «Polska i roku 1861», на 59 стр., и перевод ее на французский язык, на 70 стр., воззвания с рисунками и другие рукописные, литографированные и печатные тексты.

200. *Письма П. А. Вяземского, В. П. Титова и А. Я. Булгакова*, в количестве 29 писем, писаны в период 1850—1875 гг. Письма Титова и Булгакова и 7 писем Вяземского адресованы к П. П. Вяземскому и касаются поездки П. А. и В. Ф. Вяземских в Палестину. Ему же адресованы и пять писем 1866 г., во время поездки Вяземских за границу. 13 писем П. А. Вяземского 1866—1875 гг. адресованы Дарье и Екатерине Федоровнам Тютчевым.

182. *Н. С. Лесков*: «Неоцененные услуги», отрывок из воспоминаний. Черновой автограф на 34 листах почтовой бумаги, $25,5 \times 21$ см, без переплета, не сшитых в тетрадь.

158. *Н. С. Лесков*: «Оскорбленная Нетета», историческая повесть (по Флавию), автограф, в большой почтовый лист, 27×21 см, на 120 листах, без переплета.

Автограф содержит несколько черновых редакций повести и, кроме того, несколько листков пояснений и текстов к предполагавшимся рисункам к повести.

197-а. *Семейная переписка Достоевских* и их родственников, в количестве 956 писем, в шести папках. В эту переписку входят письма:

а) Андрея Михайловича и его жены Домники Ивановны Достоевских, в двух папках, в количестве 409 писем;

б) семьи Федорченко, родственной Достоевским, в двух папках, в количестве 281 письма;

в) семей Ивановых и Шмаковых, родственников Достоевским, в одной папке, в количестве 183 писем, и

г) семьи Рыкачевых, в одной обложке, в количестве 64 писем.

197-б. *Письма Анны Григорьевны Достоевской к племяннику А. А. Достоевскому*, в количестве 19 писем, писанных ею за годы вдовства и касающиеся издания произведений Ф. М. и напечатания верных сведений о жизни писателя.

183. *По следам Чуди*. Дневник археологической экспедиции на верховья Камы, произведенной инспектором училищ Глазовского уезда Н. Г. Первухиным; писан писарской скорописью в 1889 г., в большую четвертку, 26,5 × 20,5 см, в переплете.

В конце дневник собственноручно подписан автором 19 декабря 1889 г.

К дневнику приложены чертежи городов, исследованных во время экскурсии, и опись вещей, собранных на городскихцах. Страницы дневника тоже иллюстрированы зарисовками.

167. *Автографы Е. А. Ивановой, сестры милосердия во время Русско-Японской войны и автора воспоминаний и рассказов об этой войне*. В состав автографов входят записки о Русско-Японской войне, воспоминания о докторе Симановском, повести и рассказы, а также воспоминания и некрологи фамильные.

198. *Письма русских писателей к Вячеславу Авксентьевичу Манасеину*: Вейнберга, Гаршина, Кавелина, Короленко, Лугового, Михайловского, Плещеева, Познякова, Пыпина и Станюковича. Всего 13 писем.

203. *Письма русских писателей и художников в редакцию журнала «Нива»*: Альбова, Арсеньева, Баранцевича, Батюшкова, Бердяева, Быкова, Вагнера, Вейнберга, Веселовского, Веселовской М., Ганзен, Гарина, Каменского Анатолия, Кареева, Комарова, Лаврова, Лемке, Лихачева, Лугового, Маминой О., Минского, Пастернака, Репина, Рубакина, Рысс, Садовского Б., Скворцова, Случевского, Фаусек, Шенрока и Якубовича. Всего 57 писем.

196. *Письма артистов и музыкантов*

А. И. Барцалу, режиссеру Большого театра в Москве, и адрес Московской консерватории в день 50-летней оперной работы Барцала. В письмах автографы: Кругликовой, Направника, Салиной, Сафонова и Хохлова. Всего 7 писем. На особой карте автографы участников обеда 23 февраля 1887 г. (Эрнст Поссарт и др.).

192. *Автографы Я. Айзмана*, в девяти папках, включающих 114 названий или номеров произведений Айзмана, на 1684 страницах. Среди них автографы произведений писателя, не бывших в печати.

193. *Письма русских писателей*: Арцыбашева, Бальмонта, Бунина, Венгерова, Гнедича, Грина, Зорина, Коринфского, Кузьмина М., Лазаревского, Муйжеля и Светлова. Всего 55 писем, 4 телеграммы и 1 договор.

175. *Девять автографов русских писателей, адресованных А. А. Смирнову-Альвину*: Балтрушайтиса, Бальмонта и Вяч. Езерского. При автографах фотографический портрет Балтрушайтиса, подаренный Альвину, с дарственной подписью.

206. *Письма русских писателей к Пантелеймону Сергеевичу Романову*: Короленко, Ремизова, В. Брюсова, Н. Коляревского, Овсяннико-Куликовского и Льва Шестова. Всего 14 писем.

201. *Произведения Ашукина, Бальмонта, Брюсова, Бенкстерна, Глоба, Б. Зайцева, Замятина, М. Кузьмина, Леонова, Лидина, Ремизова и Шагинян*.

Среди них: М. Кузьмин — 56 лл. автографа пьесы «Счастливый день или Два брата»; Брюсов — 4 лл. автографа «Miscellanea»; Зайцев — 28 лл. автографа «Новый день»; Ремизов — 31 лл. автографов «Темень темучая», «Лис преподобный», «Изошел», «Дверная ручка», «Трамвай»; Леонов — 15 лл. автографа «Путешествие четырех». При некоторых произведениях приложены рисунки Ремизова, Митрохина, Нивинского, Хахарова и др.

РУКОПИСИ НА НАЦИОНАЛЬНЫХ И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ.

172. *Сборник сведений по физике, собранных из произведений латинских писателей и написанных скорописью на латинском языке в 1728 г., в чет-*

вертку, $19 \times 15,5$ см, в ветхом переплете. Рукопись сильно пострадала от сырости.

171. *Юридические акты*, числом 11, из них семь на пергаменте и четыре на бумаге, писаны на французском языке, во второй половине XVIII века; касаются вопросов земельного владения и пожалований.

174. *О звездном небе, о глобусах и городских часах*, мнение Со Линау, на китайском языке, при Сунской династии, в годы правления Цин-ли (1040—1048). Рукопись XVIII века.

170-б. *Служебная церковная книга* на грузинском языке, в четвертку, $20 \times 15,5$ см, в поврежденном переплете.

196-г. *Стихотворения Хафиз-дивана*, на персидском языке, написаны в 1809 г.

196-в. *Режиссерская записная книжка Шмита*, режиссера Венского оперного театра, подаренная им режиссеру Московской оперы Барцалу, писанная на немецком языке. Шмит писал

свои заметки на белых листах, вклеенных в печатный экземпляр оперы Вагнера «Die Meistersinger von Nürnberg». Заметки и указания сопровождаются сделанными им чертежами и рисунками.

199. *Certification del blason e historial del regimiento de lanceros de Farnesio 5º de caballeria Espanola*. Рукопись на испанском языке, написана в 1908 г., в стиле старых испанских манускриптов. Заглавный лист и все последующие обрамлены художественно раскрашенными рамками. Самый текст художественно выписан полууставом и и скорописью. Переплет с металлическими украшениями, покрыт золотом и эмалью с роскошными тиснениями на красном сафьяне и парчевыми шмуц-титалами; исполнен тогда же в Мадриде переплетным мастером Luis Garcia. Рукопись хранится в роскошном футляре, покрытом красным сафьяном с вытиснутым золотым гербом. Размеры листов рукописи: 28×20 см.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
1. Автопортрет с дарственным автографом Т. Г. Шевченко — 1860 г. Фронтиспис	
2. Автограф стихотворения Т. Г. Шевченко «Думка» 1838 г. стр. 1 и 2	6—7
3. Автограф стихотворения Т. Г. Шевченко «Песня караульного у тюрьмы из драмы Невеста» изд. 1838 г.	8
4. Дарственный автограф Т. Г. Шевченко — И. М. Лазаревскому на титульном листе «Кобзаря» — 1860 г.	11
5. Дарственный автограф Т. Г. Шевченко — К. Т. Солдатенкову на титульном листе «Кобзаря» изд. 1860 г.	13
6. Страница из «Кобзаря» изд. 1860 г. с цензурными купюрами, вписанными рукою И. М. Лазаревского	15
7. Отрывок из донесений И. П. Липранди по делу петрашевцев, касающийся Т. Г. Шевченко, т. I, л. 51 (об.)	23
8. Обложка и стр. 3 — 5 миниатюрного издания «Кобзаря», Женева 1878 г.	29
9. Первая страница письма М. М. Коцюбинского к Г. А. Мачтету — 1899 г.	41
10. Афиша вечера памяти Т. Г. Шевченко, устроенного Лит.-худож. кружком и Общ-вом любит. российск. словесности 19/III-1909 г.	47

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
От редакции	3
Автографы Т. Г. Шевченко. Подготовил к печати И. С. Романченко	5
1. Думка	5
2. Песня караульного у тюрьмы из драмы «Невеста»	5
3. Дарственные автографы Т. Г. Шевченко	10
«Кобзарь» И. М. Лазаревского. Сообщение И. С. Романченко	14
Петрашевцы и Т. Г. Шевченко. (По материалам донесений И. П. Липранди.) Сооб-	
 щение В. С. Нечаевой	22
Царская цензура и сочинения Т. Г. Шевченко	25
1. Реестр секретных и конфиденциальных бумаг 1847 г. Сообщение <i>А. П. Ива-</i>	
<i>шенко</i>	25
2. Из письма С. Н. Урусова к гр. А. П. Толстому. Сообщение <i>И. С. Романченко</i>	26
О пребывании Т. Г. Шевченко в Москве по возвращении из ссылки. (Из архива	
 Елагиных.) Сообщение Э. Г.	
Уникальные заграничные издания соч. Т. Г. Шевченко. (Отдел редких книг	
 Всесоюзной б-ки им. В. И. Ленина.) Сообщение <i>И. С. Романченко</i>	28
Из архивных материалов И. З. Сурикова, переводчика Т. Г. Шевченко. Подгото-	
 вил к печати <i>В. И. Федоров</i>	33
Из архива Г. А. Мачтета. Письмо М. М. Коцюбинского. Подготовил к печати	
 <i>И. В. Федоров</i>	39
Памяти Т. Г. Шевченко. Сообщил <i>И. В. Федоров</i>	43
1. Письмо Д. Л. Мордовцева к Д. Н. Мамину-Сибиряку	43
2. Письмо Б. А. Лазаревского к А. П. Чехову	43
3. Из архива О-ва любителей рос. словесности	45
Обзоры архивных материалов	50
1. Документы по истории Украины XVIII в. Собрание И. А. Маркевича. Со-	
ставил <i>Н. Ф. Паисов</i>	50
2. Материалы по истории Украины в автографах, собранных И. Е. Бедким.	
Составил <i>Н. Ф. Паисов</i>	63
3. Автографы Г. Ф. Квитки-Основьяненко. Составил проф. <i>Г. П. Георгиевский</i>	67
4. Автографы П. А. Кулиша. Составил проф. <i>Г. П. Георгиевский</i>	69
Новые приобретения Отдела рукописей (июль—декабрь 1938 г.)	71
Перечень иллюстраций	74

Редактор *Н. Л. Мещеряков*
Тех. редактор *Е. Раецкая*
Корректоры *З. Пупол и А. Ильина*

Сдано в набор 11/II 1939. Подписано в печать 16/III 1939. Формат издания $72 \times 110/_{16}$.
Объем книги $4\frac{3}{4}$ печ. л. Учетно-авт. л. 7,456
Тираж 3 000. Уполномоч. Главлита А—5664
Цена книги 3 руб. 85 к. ОГИЗ № 2159.
Заказ № 163.

17-я фабрика национальной книги Огиза
РСФСР треста «Полиграфкнига», Москва,
Шлюзовая набережная, 10.